

ЗАМОК
ЧУДЕС

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ГОРОД ДИНОЗАВРОВ

Small, illegible text label, possibly a barcode or identification tag.

Дмитрий Емец по образованию филолог. Это сказочник, который и утешит, и рассмешит, и научит, и увлечет...

А. ПОПОВА, газета «Тимирязевец»

Здравствуйте, Дмитрий Емец! Я с очень большим удовольствием прочитал ваши книги, которые вышли в серии «Замок чудес», и очень жду новых. Я учусь в четвертом классе в городе Казани, меня зовут Евдокимов Андрей...

А. ЕВДОКИМОВ, г. Казань

ЗАМОК ЧУДЕС

Дмитрий Емец

ГОРОД ДИНОЗАВРОВ

Фантастическая повесть

Художник В. Кривенко

Москва АРМАДА
1999

УДК 82-312.9 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос-Рус)6-445я5
Е 60

Серия основана в 1994 году
Выпуск 86

Ну и семейка у восьмиклассника московской школы Макса! Дедушка Апрун — амфибия; мама Леедла по ночам летает над Москвой; папа Фритт — изобретатель, периодически впадающий в спячку; сестренка Нюсяка владеет телекинезом и предпочитает питаться мылом. Не верите? Скажу по секрету, что все это чистая правда, поскольку родители Макса — самые настоящие инопланетяне, временно проживающие в России.

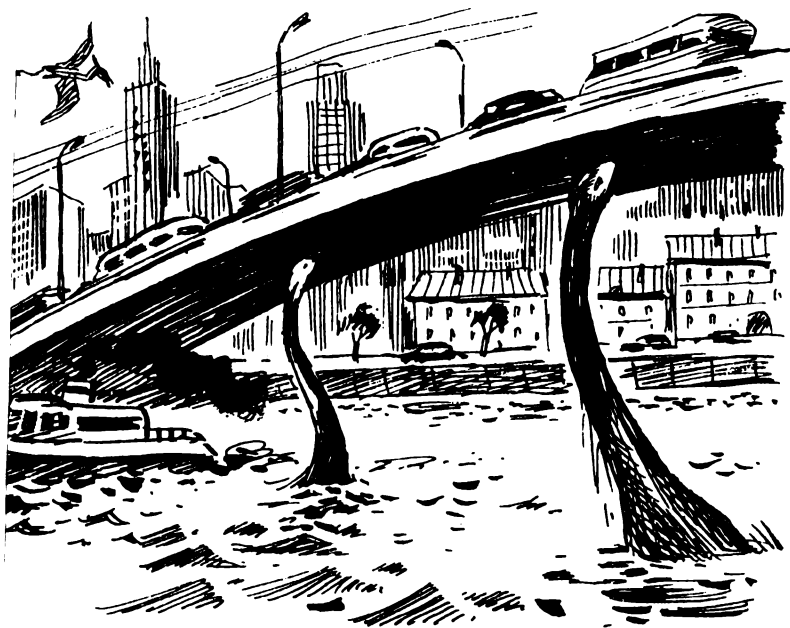
Но самый необычный член семьи появляется в квартире благодаря стараниям папы Фритта. Зовут малыша Шпрот, и он отличается редким талантом имитировать голоса домочадцев. А вот кто такой этот новый жилец и что случилось в результате дальнейших экспериментов неуугомонного папочки-изобретателя, вы прочтете в этой увлекательной книжке.

Рисунок на переплете
М. Калинин

Для младшего и среднего школьного возраста

ISBN 5-7632-0803-X

© Емец Д.А., 1999
© Иллюстрации, Кривенко В.С., 199
© Сост., художественное оформление
АРМАДА, 1999

Вступление МОСКВА ЮРСКОГО ПЕРИОДА

Вы когда-нибудь бывали в Москве? Тот, кто бывал в ней хоть раз, не забудет ее никогда. Одной из главных достопримечательностей столицы являются разгуливающие по улицам динозавры.

Путеводитель XXI века

Сейчас, в начале XXI века, как и семьдесят миллионов лет назад, по планете бродят динозавры. Кажется, время повернуло вспять — и Землю вновь заселили эти доисторические исполины! По дну Москвы-реки бродит бронзовозавр, периодически на поверхности появляется его маленькая голова, и ноздри ящера со свистом всасывают

воздух в гигантские легкие. А неподалеку, в районе Крымского моста, два диплодока с любопытством вытягивают длинные шеи и прислушиваются к шуму проносящихся по мосту автомобилей. Изредка, услышав вдали хриловатую, вибрирующую сирену теплохода, они откликаются на нее глухим ревом, доносящимся до самого Кремля.

По проезжей части Нового Арбата, не обращая внимания на автомобильное движение, шествует парочка бронированных стегозавров с чешуйчатыми наростами на спинах. В небе, выискивая добычу, в потоках воздуха парят птеродактили и рамфоринхи, зорко всматриваясь вниз: не мелькнет ли где спина зазевавшейся раскормленной болонки. Трицератопс — упрямый бронированный гигант — преградил дорогу грузовику, выпятил три длинных рога и ревет, требуя, чтобы тот убрался с его пути.

Недавно по телевизору передавали, что тиранозавра, разгуливавшего в районе многоэтажек на Баррикадной, удалось заманить на территорию зоопарка с помощью коровы, за которой погнался проголодавшийся великан. Предыдущая попытка, когда тиранозавра пытались оттеснить к зоопарку, обливая струями ледяной воды из пожарных шлангов, закончилась тем, что тиранозавр опрокинул две пожарные машины и загнал в канализационный люк бригадира пожарных.

Едва тиранозавр оказался на территории зоопарка, ворота заперли, а за оградой выставили двойной милицкий кордон. Наиболее редкие животные из вольеров были вывезены еще раньше, поэтому остались лишь несколько зубров, жираф с верблюдом и голодный тирекс.

Оказавшись в зоопарке, он почему-то сохранил жизнь корове, которую преследовал, но вместо нее съел зубра и верблюда. Зная аппетиты ящера, я предупреждаю, что

верблюдом он не ограничится! Зубр для него, как говорит моя сестра Нюсяка, все равно что маленький бутербродик.

Кроме хищных ящеров, развелось много мелких. Небольшие хищные летозавры врываются в магазины и не церемонясь хватают продукты. Неуклюжие паразавролофы питаются в основном в мусорниках, а юркие дилофозавры ухитряются ловить кошек и собак или выпрашивать еду у людей. Не упомянул я ламбеозавров, игуанодона, анкилозавров и многих других, с которыми сталкиваешься на многих столичных улицах. А некоторые динозавры, я уверен, добрались и до Подмосковья.

Никто точно не знает, откуда в столице взялись доисторические ящеры, и на этот счет строятся самые невероятные предположения. Одни говорят, что динозавры — это объемные галлюцинации, другие винят экологию, третьи связывают это со смещением времени и биологических часов. И лишь я знаю точно, что произошло и как доисторические ящеры оказались в Москве в начале XXI века.

На самом деле я слегка преувеличил, сказав, что ответ на столь волнующий всех вопрос знаю один лишь я. Кроме меня, он известен папе, маме, бабушке и Нюсяке, хотя она в пять лет еще мало что может связно изложить.

Сейчас Москва стала похожа на скалистую, с каменистыми каньонами долину юрского периода. Динозавры остановили движение на многих улицах города, а некоторые дома пострадали от толчков многотонных ящеров. Правда, динозавры не нападают на людей, но кто знает, что будет завтра, ведь среди них есть и хищники?!

Но я ничего толком не объяснил, а лишь все запутал. Чтобы распутать клубок странных совпадений и загадок, я начну описывать события в той последовательности,

в которой они происходили. Это единственный способ объяснить, почему в нашем XXI веке на Земле вновь появились динозавры. Приготовьтесь к самому невероятному! Во многое будет трудно поверить, но я нигде даже на миллиметр не отойду от истины!

Прежде чем начать рассказ, я познакомлю вас со своей семейкой. Узнав ее, вам будет понятнее, как случилось, что по улицам Москвы стали разгуливать доисторические ящеры.

Глава первая

НАША СЕМЕЙКА

— А людей динозавры едят?

— Только тех, кто любит задавать идиотские вопросы.

Из разговоров на улице

Все члены моей семьи всегда отличались странностями. Начнем с того, что моя сестра Нюсяка очень любит мыло. Причем любит... нет, не мыться, а жевать! Сейчас, когда я печатаю на компьютере эти строки, она преспокойно стоит у окна и грызет большой кусок мыла. Нюсяка умяла уже полкуска и теперь периодически икает, пуская пузыри. Сколько раз мама ей говорила, что мыло нужно запивать шампунем, иначе наживешь язву, но сестра такая же упрямая, как папа и я. Это наша семейная черта.

Нюсяка владеет телекинезом, то есть способностью силой мысли перемещать или переносить с места на место небольшие предметы, не дотрагиваясь до них, а просто фокусируя взгляд. Она не совсем освоила этот метод, но дразнить ее я никому не советую. Как-то за обедом шутки ради вместо «малоежки» я назвал сестру «мЫлоежкой»,

и вдруг тарелка с супом взлетела и суп вылился мне на голову. Нюсяка потом клялась, что не хотела телекинировать тарелку, а только подумала: «Ну и противный же Макс, вот бы надеть ему на голову тарелку!» В ту же секунду я имел тарелку на голове вместо шляпы и расстрелянно снимал капусту с ушей.

У сестры — которую на самом деле зовут Ариной — есть и второе домашнее прозвище — Мартышка Чича. Она получила его из-за удивительной, почти обезьяньей ловкости, благодаря которой с легкостью забирается на верхушку дерева или по водосточной трубе на крышу. Когда Чича была совсем маленькой, она как-то проглотила бусинку и утверждала, что шарик катается у нее в пятке.

Нюсяка не единственное наше семейное чудо, и в этом легко убедиться, если заглянуть в ванную. В ней дедушка развел пираний и плавает среди них, очень похожий на морского царя с белой бородой. Вы, разумеется, не хуже меня знаете, что пирании — зубастые рыбы, которые стаей за считанные минуты могут обглодать до костей антилопу, но дедушку они не трогают. Он утверждает, что у него с ними мирное соглашение.

Объясняется все просто: мой дедушка — амфибия. Как многие двоякодышащие, в водной среде он чувствует себя лучше, чем на воздухе, потому что кожа амфибий всегда должна оставаться влажной. Вот дедушка и предпочитает сидеть целыми днями в ванной. При этом ему совершенно безразлично, что ванна может понадобиться и для других целей, но, как истинный философ, наш старик не обращает внимания на такие пустяки.

Весной и летом мы иногда отвозим дедушку на подмосковные водохранилища, чтобы он мог поплавать на

просторе и поразмяться. В холодное время года, чтобы доставить ему удовольствие, мы водили старичка в бассейн, но там сразу поднимается паника: люди решают, что дедушка утонул. А он неподвижно, как утопленник, лежит на дне и размышляет о всяких вечных вещах: мироздании, Вселенной и бытии. К старости дед стал философом. Но многие не понимают важности его рассуждений и начинают выволакивать старичка из бассейна и делать ему искусственное дыхание. «Нужно было взять с собой в бассейн пираний! Эти зануды спасатели мигом бы отстали!» — ворчит в таких случаях дедушка.

Пару раз, когда на нашего старика нападала хандра и мы ему надоедали, он собирался переселиться в Мировой океан, но его останавливало, что там не будет его любимого майонеза «Провансаль», который дедушка съедает по семь банок в день.

Для того чтобы увидеть другое семейное чудо, нужно выйти из ванной и заглянуть в комнату. Там, в кресле у компьютера, вторую неделю сидит мумия моего папы, и никому до этого дела нет. Могли хотя бы вынести мумию на балкон, чтобы она не пылилась, а никто из наших и пальцем не пошевелил! Всем наплевать, что по квартире разбросаны мумии, — вот чему я удивляюсь! Когда мама делает уборку квартиры, она пылесосит отца и вытирает его влажной тряпкой. «То, что папа — мумия, еще не повод, чтобы он плохо выглядел!» — говорит она.

Они довольно часто ссорятся, но, когда он становится мумией, мама начинает его жалеть. Этим она значительно отличается от Нюсяки, которая недавно сидела возле папы с тапочком в руке и караулила, пока ему на голову сядет муха, чтобы ее прихлопнуть.

Что касается меня, я всегда скучаю, когда папа мумифицируется. Он сидит тихий, бездыханный и забывает обо всех изобретениях. Жизнь у нас тогда становится скучной и однообразной, как в болоте. В такие минуты я утешаю себя, что через недельку-другую мумия треснет, и папа выйдет из нее голодный, полный жажды деятельности и побежит на кухню, интересуясь содержимым холодильника.

По правде говоря, я слегка преувеличил, потому что отец становится не мумией, а чем-то вроде кокона, внутри которого происходит обновление клеток его организма. Одним словом, обычная регенерация, вроде нового хвоста у ящериц или кожи у змей. «Мумией» мы дразним папу по-семейному, так намного смешнее, чем говорить всякий раз, что он регенерирует. Трудно вспомнить, кто первым назвал так отца — то ли мама, то ли бабушка, то ли Нюсяка. У нас в семье все острословы.

Если же описывать характер моего папы в обычное время, когда он не в спячке, все можно выразить одним словом — изобретатель. Каждый раз после регенерации он воодушевляется и начинает придумывать поразительные вещи. Чего стоят очки, которые позволяли увидеть мир таким, каким его видит таракан! А знаменитый идеальный вид транспорта, который папа назвал «прыговиком»!

Постараюсь объяснить принцип работы «прыговика», как я его понял. Вы слышали, что Земля вертится вокруг своей оси со скоростью нескольких километров в секунду? Представьте, что, когда вы подпрыгиваете, Земля прокручивается у вас под ногами и вы приземляетесь совсем в другом месте. «Почему же этого не происходит на самом деле?» — спросите вы. Потому что наше тело и вся атмосфера, которые обладают инерцией, вращаются в ту же сторону, что и Земля.

Над этим папа и бился, стараясь нейтрализовать относительно «прыговика» скорость вращения Земли так, чтобы, пока планета вращается, «прыговик» оставался неподвижен. Папа был на пороге открытия, но у него не хватило какой-то важной детали, что помешало ему завершить работу.

Хотя он и великий изобретатель, у него с техникой вечно происходят роковые случайности, и это одна из причин того, что мы вообще оказались на Земле. Но обо всем по порядку, а пока продолжим знакомство с моей семейкой.

На кухне с демонстративным грохотом мама моет посуду. Делает она это специально, упрекая нас, чтобы все слышали, что она занимается хозяйством в ту минуту, когда остальные бездельничают. Иногда Нюсяка начинает помогать маме, но все обычно заканчивается тем, что сестра выпивает всю мыльную жидкость для мытья посуды, разбивает две-три тарелки и от огорчения, что у нее ничего не получается, съедает мочалку.

После того как мама и Нюсяка в порыве хозяйственного рвения перебьют всю посуду, приходится покупать новую. Хорошо, что у нас на балконе в ящике для овощей осталось с десятков килограммовых золотых слитков, которые папа отлил в копирователе до того, как мумифицировался.

За домашними заботами у мамы почти не остается времени полетать. Да и летать приходится осторожно, потому что ее принимают за ведьму. Но это полнейшая чушь, потому что ведьмы летают с помелом, а мама без всякого подсобного инвентаря. Она объясняет это тем, что слышит импульсы солнечных лучей, которые позволяют ей перемещаться по воздуху со скоростью до двух тысяч километров в час.

Мама рассказывала, что как-то подлетела к военному истребителю, который выполнял фигуры высшего пилотажа, и из озорства постучала в стекло пилоту, а тот, увидев ее, от ужаса катапультировался. «Я не хотела

его пугать, не думала, что он такой нервный», — жалела она потом.

Однажды папа занялся подсчетами и заявил, что с точки зрения земной физики мама летать не может, потому что у нее нет подъемной тяги и это вообще противоречит законам аэродинамики. «Как же тебе удастся летать?» — спросил он.

— Не знаю, — пожала плечами она. — Хочу и летаю.

— Ты вся в этом! — возмутился папа. — Хочешь и летаешь, а то, что опровергаешь физику, тебе плевать!

— Запомни раз и навсегда: женщина вне логики и вне физики! — заявила мама, и эти слова прозвучали как ее девиз.

Вторая гордость мамы — ее волосы, густые, пышные, которые вырастают у нее чуть ли не на десять сантиметров в день. С такой копной масса возни, но когда мама летит, а позади нее ветер раздувает распущенные волосы, от нее глаз не оторвешь. В такие минуты я понимаю, что наша мама красавица, и вспоминаю немецкую легенду о принцессе Лорелей, которая сидела на скале и расчесывала волосы, такие длинные, что они струились со скалы как водопад.

Теперь, хоть мне и неохота, придется написать что-нибудь о себе. Во всем нашем семействе я — личность наименее интересная. Вначале мои родители думали, что я получился самым обыкновенным и не унаследовал никаких наших семейных странностей, и ужасно радовались.

Правда, они удивлялись, почему я быстро ломаю игрушки, но в конце концов это успешно делают многие дети. Но когда мне было полтора года, папа забыл возле моей кровати толстый строительный гвоздь — он тогда увлекался алхимией и превращал гвозди в горный хру-

сталь, правда у него не особенно получалось. А я взял гвоздь, стал вертеть и завязал его узлом. Два года спустя, когда мне было четыре, я то же самое проделал с толстенной трубой от батареи, предварительно отодрав ее от стены. Короче говоря, пришлось посмотреть правде в глаза — я родился очень сильным, настолько сильным, что приходится это скрывать.

В школе меня считают тихоней! Дело в том, что я с трудом соизмеряю свою силу, поэтому избегаю даже шуточных потасовок. Как-то, когда мы отдыхали в деревне, я решил слегка похлопать быка по боку, а тот взял и опрокинулся. Но с динозавром у меня такой номер вряд

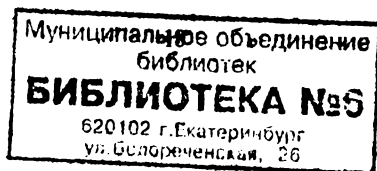
ли пройдет, хвастаться не буду. Я еще мог бороться с ним, когда он был намного меньше и весил килограммов двести — двести пятьдесят. Кстати, это я первый догадался подкладывать динозавренку протеин, используемый туристами, когда копирователь перестал справляться с синтезированием огромного количества говядины.

Я понимаю, что удивительные возможности нашей семьи вызовут у вас недоверие. «Какая чушь! — скажете вы. — Такое не может проделать ни один землянин!» Но в том-то и дело, что мы не земляне, хотя и живем среди вас и внешне (если не считать отсутствия пупка) полностью на вас похожи. Наша настоящая родина находится от Земли на расстоянии семи или восьми световых лет. Там, в созвездии Овна, есть небольшая звезда — Карра, а наша планета, Ирксилон, четвертая по счету.

Вообще-то я не должен был об этом писать. Мама велит нам держать все в тайне, потому что, если кто-нибудь узнает, что мы инопланетяне, — начнутся неприятности. Но я решил рискнуть. На всякий случай я изменю наши имена и фамилию, так же как и других героев повествования. Если же случится, что кто-нибудь из людей, описанных в этой книге, — соседи, учителя, мои одноклассники, например Икса или Урсуфьев с Рыловым (в жизни у них другие имена), — узнают себя, то не смогут ничего доказать.

Прежде чем начать описывать всю череду необыкновенных событий, предшествующих наступлению на Земле нового юрского периода, я отвечу на некоторые вопросы, которые могут у вас возникнуть.

Как же случилось, что мы покинули свою родную планету Ирксилон в системе звезды Карра и оказались на Земле?

Во-первых, хочу сказать, что никакие мы не космические шпионы и на Земле оказались случайно. Просто с нашей семьей всегда происходили невероятные истории. Это у нас семейное.

Наш маленький звездолет — дедушка утверждает, что это была старая развалина, — направлялся совсем в другую часть Млечного Пути: на Колдион-II, где у нас была небольшая дачка, но попал в пространственный вихрь, сбился с курса и упал в сибирской тайге. Случилось это около ста двадцати лет назад. Тогда автопилот, который папа неудачно пытался усовершенствовать, не учел сопротивления земной атмосферы и неправильно зашел на посадку.

Небольшой экипаж — мама, папа и дедушка — остались живы и здоровы, но при ударе о грунт сгорел импульсник. Я плохо разбираюсь в устройстве звездолетов и точно не знаю, что такое импульсник и как он устроен, но родители говорят, что без него выходить в космос бессмысленно, потому что все равно никуда не долетишь. Передатчик при падении разбился, и вызвать спасателей было нельзя. А так как планеты Земля нет ни на одной из Вселенских звездных карт (она просто никем не открыта), то шанс, что экипаж ищут и найдут, равен нулю.

Но мы считаем, что родителям повезло. Ведь свались наш звездолет на Юпитер, Марс, Сатурн или любую другую планету Солнечной системы, никого из нас не было бы в живых. Судьба оказалась к приземлившимся более чем благосклонна: им подошли и земная вода, и воздух, и температурный режим, хотя на Ирксилоне год несколько длиннее и равен двум земным. К тому же внешне отец и мать невероятно похожи на землян. Разумеется, это

не относится к дедушке, который как представитель амфибий имеет ряд существенных отличий: перепонки на пальцах рук и ног, чешую и третий глаз на голове.

Мы с сестрой родились уже на Земле и поэтому скучаем по Ирксилону гораздо меньше, чем родители. Попав на эту планету, они сразу изменили свои имена, чтобы не поразить землян их необычностью.

Дедушка из Апручуна стал Аристархом Данилычем, мама из Леедлы — Галиной Степановной, только папа из упрямства как был Фриттом, так им и остался, а заодно, перепутав, превратил придуманную мамой фамилию «Иванчук» в отчество. Потом мы спохватились, но отец был слишком ленив, чтобы переделывать фальшивые документы. Так что зовут моего папу очень странно — Фритт Иванчукевич. Но мы отчество опускаем и для нас папа как был, так и остался Фриттом.

Звездолет, сто лет назад доставивший родителей с Ирксилона, мы с Нюсякой видели лишь однажды — прошлым летом. Тогда мы долетели до озера Байкал и, чтобы не привлекать внимания, четыре дня пробирались пешком по тайге, пользуясь компасом и картой. Места там влажные, болотистые и комаров — тучи. Хорошо, что папа умеет издавать кожей тончайший свист, который мы не слышим, но от него комары падают замертво.

В непролазной чаще нам показали звездолет. Лежит такая сигарообразная штука размером с троллейбус, и нос у нее до половины воткнулся в землю. Вокруг все заросло елками, да так, что, не зная, не найдешь.

— Надо посмотреть, все ли в порядке внутри. Последний раз мы были здесь задолго до вашего рождения. Ну-ка, Макс, открой люк! — сказала мне мама.

Она-то знает, что у нас в семье я самый сильный. Я навалился и стал дергать люк. Один раз дернул, другой — ничего не получается. Нюсяка ехидно стала на меня поглядывать, и я, чтоб не ударить в грязь лицом, напрягся и дернул изо всей силы. Тут люк поддался и оторвался с куском стальной обшивки. Я от неожиданности не устоял на ногах и растянулся, держа в руках люк.

— Хм! Знаешь, Макс, а вообще-то он в другую сторону открывался, — задумчиво сказал Фритт.

У меня такое с дверями часто получается. Как-то в школе не могли дверь открыть, перекосило ее, что ли. Я стал дергать и открыл... в другую сторону, вырвав петли.

Я учусь в 7-м классе одной из московских школ. Раньше, когда я в нее поступал, школа была самой обыкновенной, а потом один класс сделали математическим, другой — литературным, а третий — экологическим, и я попал в последний. Причем как-то загадочно получилось, что в математическом и литературном классах оказались отличники и хорошисты, а у нас — троечники или, как насмеялась моя сестра, одни «экологи».

Мама стала просить дедушку — он у нас телепат, — чтобы Апрун явился во сне директору и загипнотизировал бы его перевести меня в математический класс. «Что за безобразие! — возмущалась она. — Наша цивилизация на сто миллионов лет древнее земной, а моего единственного сына запихнули в тупой класс!»

Дедушка пообещал Леедле, что приснится директору, и действительно старался, но у него ничего не получилось. «Слишком толстые стенки черепа, к сознанию никак не пробиться!» — оправдывался он.

«Что ж, видно, природа, поработав в родителях, отдыхает в детях, — горько сказала тогда мама. — Телохра-

нителем Макс и без образования станет, а вместо подписи можно и крестик ставить».

«Не буду я телохранителем, я стану армреслингистом! Или уйду в пауэрлифтинг!» — возмутился я. Эти виды спорта меня тогда особенно привлекали. Для тех же, кто не знает названий, поясню, что армреслинг — борьба на руках, а пауэрлифтинг — силовое многоборье: жим лежа, приседания со штангой и толчок грифа вверх.

Так я и остался в экологическом классе, но мне, по правде говоря, это нравится, потому что ребята у нас в основном хорошие и девчонки симпатичные.

Если на меня родители махнули рукой, то моей сестрой Нюсякой они гордятся. Нюсяке всего пять лет, но она читает довольно толстые книжки, и мама даже стала учить ее английскому. Правда, они не продвинулись дальше «Уот из ё нэйм?», но видно, что сестра — одаренный ребенок. Целыми днями Нюсяка болтает и перестает, только ложась спать. Тогда в нашем доме воцаряется долгожданная тишина, и слышно, как булькает в ванной дедушка, а на балконе постукивают поршни папиного вечного двигателя.

Но что-то я отвлекся. Пора переходить к основной истории и появлению динозавров. А эта идея пришла к папе, когда он однажды купил газету...

Глава вторая
МЫ ПОХИЩАЕМ ИЗ МУЗЕЯ
ЯЙЦО ТИРАНОЗАВРА

— Барбос, скажи что-нибудь умное!

— Гав!

— Правильно, пес! Краткость — сестра таланта.

Из разговора мудреца с собакой

В то утро за завтраком, опустошив баночки три майонеза, дедушка сообщил, что решил разводить в нашей городской квартире крокодилов. Его часто осеняли подобные озарения, и поэтому это никого особенно не насторожило. Нюсяка слегка хихикнула, представив, как крокодилы ползают по коридору.

— Я так мыслю, — сказал дедушка, разгуливая по кухне и оставляя мокрые следы от лап. — Что любят крокодилы? Крокодилы любят две вещи: первое — сырость и второе — солнце. Вот как я мыслю!

— А Нюсяк они не любят? — спросил я, слегка беспокоясь за свою младшую сестру.

Дедушка отжал влажную бороду и хмыкнул:

— Нюсяк они любят, но в хорошем смысле.

— Как это «в хорошем смысле»? — заинтересовалась сестра.

— Не едят на обед, — пояснил я.

— Но ведь кроме обедов у крокодилов есть завтраки и ужины, — робко вставила Нюсяка.

— Ась? Ничего не слышу! — раздраженно переспросил дедушка.

Иногда, когда ему не хочется отвечать, он притворяется глухим и слепым, хотя слух у него отличный, а зрение, как у снайпера. Уж меня-то не проведешь!

— Где ты возьмешь сырость? — спросила мама.

Дедушка снова хотел прикинуться и сказать «Ась?», но раздумал и пояснил:

— Можно купить переносной детский бассейн и пересадить в него пираний. Тогда для крокодилов освободится место в ванной.

В конце концов совместными усилиями Апруна удалось отговорить от разведения крокодилов, и он, недовольный, удалился кормить своих зубастых рыб кусочками мяса.

В кухню ворвался папа. Он был настолько взволнован, что ничего не мог произнести, только потрясал свернутой в трубку газетой. По одному виду папы мы поняли, что его озарила очередная «великая идея».

Мама незаметно вздохнула и чуть-чуть взлетела над полом, что было обычной реакцией на озарения Фритта. Каждый раз когда папа выходил из спячки, он начинал проявлять немыслимую активность, особенно в первые недели. Должно быть, происходило это потому, что, пока он пребывал в состоянии сна, у него накапливалась куча энергии, которая стремилась выйти наружу.

— Как вы можете сидеть на месте и спокойно есть? Вы читали... читали? Это же переворот! Настоящий переворот! — закричал Фритт.

Я выхватил у него газету, развернул, но ничего необычного не обнаружил. Политика, интервью со знаменитостями, прогноз погоды, программа телевидения и другие материалы, встречающиеся в прессе. Раздосадованный моей тупостью, папа нетерпеливо ткнул пальцем в угол газеты, где была крошечная, всего в десяток строк заметка.

— Читай вслух! — велел он.

Привожу то, что я прочел, слово в слово. Вырезка у меня сохранилась:

«НЕОБЫЧНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

С 10 января по 20 марта в помещении Исторического музея будет работать выставка «Палеонтология XXI века». В экспозиции представлены кости доисторических животных, редкие раковины со дна океана и уникальная растительность, сохранившаяся в песчаных пластах геологических отложений. Возраст некоторых находок уникален — с юрского периода (приблизительно 200 млн лет назад) до конца мелового периода (около 70 млн лет назад).

Лучшим экспонатом выставки по праву считается полный скелет брахиозавра, кости которого были найдены при раскопках на горе Тендагуру в Африке. В экспозиции представлено великолепно сохранившееся яйцо тиранозавра».

— И что вы об этом думаете? — взволнованно спросил папа, когда я закончил чтение.

— Скелет брахиозавра — это интересно. Но стоит ли ради него тащиться на выставку? У меня в компьютере лучше смоделировано.

Надо сказать, я знал, о чем говорил. Меня всегда интересовали динозавры, и я собирал о них книги и компьютерные энциклопедии. Даже в интернетовскую сеть залезал, чтобы поискать что-нибудь новенькое. Я помню наизусть огромное число названий видов динозавров: не только тиранозавров, бронтозавров и стегозавров, известных каждому, но и плезиозавров, маменшизавров, анкилозавров, протоцератопсов и игуанодонов.

— Кому нужен этот дурацкий скелет? Если бы речь шла об одном скелете, я бы внимания не обратил! Я думаю, твои мать и сестра сразу сообразили, ради чего я показал эту заметку! — вспыхнул Фритт. Он выхватил у меня газету и показал маме и Нюсяке.

Те заглянули в нее, явно ничего не поняли, но на всякий случай сделали понимающие лица. Уж что-что, а это они умеют. Хитрости им не занимать.

— Очень интересная заметка, и литературный стиль исключительный... Не ожидала такого от землян, все-таки наш народ старше их на сто миллионов лет! — глубокомысленно отметила мама, делая вид, что читает статью, но глядя на другую страницу, где было интервью с известной певицей.

— Только ты, папа, мог такое придумать! — польстила отцу Нюсяка и незаметно показала мне язык.

— Вот видишь! Она понимает! — просиял Фритт. — Понимает, что мы немедленно должны проникнуть в музей и похитить яйцо тиранозавра!

Едва папа это произнес, как послышался хрипящий кашель. Мама внезапно подавилась кусочком яблока.

— Похитить яйцо тиранозавра? — переспросила она, когда вновь смогла говорить. — Ты спятил?

Признаться, я очень удивился, хотя сама идея с похищением показалась мне интересной. Я по своей натуре люблю опасности и приключения, но не ожидал того же от папы.

— Вы что-нибудь слышали о клонировании? — продолжал отец. — Даже если яйцо полностью окаменело, то всего по нескольким сохранившимся клеткам можно воссоздать организм и сделать его точную копию.

— Разве это делается не по крови? — спросил я, смутно что-то припоминая.

Кажется, в фильме «Парк юрского периода», который я когда-то смотрел, размножали динозавров похожим способом. Тогда люди нашли в застывшем янтаре комаров,

насосавшихся крови динозавров, и по клеткам воспроизвели и самих гигантских ящеров.

— Полная чушь! — отмахнулся папа. — Даже если такое возможно, попробуй найди комара, которого угораздило сразу после обеда сесть в смолу! Яйцо гораздо лучше подходит для клонирования.

— И что ты собираешься делать? Из одного динозавриного яйца склонировать много яиц и всю жизнь питаться гигантской яичницей? — иронично поинтересовалась мама.

Отец вскочил, глубоко вдохнул в легкие воздух и торжественно произнес ту самую фразу, которая впоследствии многое изменила в истории земной науки:

— Зачем клонировать динозаврины яйца! Мы будем клонировать готовых динозавров!

— Клонировать тирексов?! Почему бы и нет?! — воскликнул я, мгновенно проникаясь этой авантюрой.

Тогда я не догадывался, к чему приведет эта затея, но ее размах меня впечатлил.

— Конечно, безопаснее было бы потренироваться на динозаврах поменьше, но раз нашли яйцо тирекса, придется начать с него! — решительно сказал папа.

Из ванной раздался возмущенный плеск, и дверь слегка скрипнула. Наш любопытный дедушка как обычно подслушивал. Апрчун был возмущен до глубины души: ему не разрешили разводить крокодилов, а сами собираются клонировать тирексов.

— Мало нам было пираний! — простонала мама. — О боги, боги!

Но в ее голосе слышалось смирение. Она чувствовала, что нас ей не отговорить.

И мама оказалась права. На другой день рано утром, тщательно обдумав детали, мы с папой собрались и отправились в Исторический музей похищать яйцо тирекса. Нюсяка вначале хотела остаться дома, но потом увязалась с нами. Ей тирексы не нравились, но ужасно хотелось принять участие в похищении. Как и многие девчонки, моя сестренка — особа авантюрная.

План кражи был предельно прост. Мы собирались обойтись без ночного взлома и перестрелок с охраной, а придумали кое-что похитрее. Фритт заранее подготовил точную копию яйца, и все, что от нас требовалось, — быстро и ловко подменить настоящее яйцо на фальшивое.

Правда, существовали пуленепробиваемая витрина и сигнализация, но папа сказал, что с этим он легко справится. Тут, конечно, не обошлось без знаменитой семейной фразы о том, что наша цивилизация все-таки на сто миллионов лет старше земной и многие технические секреты, раскрытые нами, землянам станут известны через сотни лет.

Когда мы втроем — я и Нюсяка за руку с папой — шли к метро, нам встретился мой одноклассник Мишка Урсуфьев. Он тоже «эколог», а это означает, что его средняя четвертная отметка — три целых и ноль десятых балла. Урсуфьев считает себя самым крутым во всех седьмых и даже восьмых классах; очевидно, потому, что занимается в секции у-шу.

Когда мы его встретили, он шел на горку кататься на снегокате, а в руке у него была сигарета, которую он спрятал от моего папы, но с гордостью продемонстрировал мне.

Нюсяка с Фриттом прошли вперед, а я остановился рядом с Мишкой.

— Куда претесь? — поинтересовался он.

— В музей, — ответил я, не уточняя, разумеется, зачем.

— На выставку? Значит, под умного косишь? — Урсуфьев презрительно сплюнул в сугроб и щелчком отправил окурок на проезжую часть.

Чувствовалось, что поход в музей не прибавил мне в его глазах авторитета, а, наоборот, я потерял то небольшое, что было.

— На той неделе я коричневый пояс должен получить! — похвастался Мишка, помолчав немного. — У нас будут соревнования и показательная программа.

— Классно! Завидую! — равнодушно сказал я.

Видимо, Урсуфьеву не понравилось, как я отнесся к его сообщению, потому что он толкнул ногой снежок.

— Значит, завидуешь? Хочешь, я тебе удар покажу? Называется «лапа леопарда», — предложил он и без предупреждения довольно резко ударил меня рукой куда-то в область солнечного сплетения.

Я ровным счетом ничего не почувствовал, даже не шелохнулся, и Мишка пораженно уставился на меня. Он стукнул меня в живот еще два или три раза, но безо всякого эффекта. Для меня эти удары были слабыми, будто кто-то бросал мне в живот волейбольный мяч.

— Я не в полную силу! В полную силу ты бы мог потерять сознание, а отвечать мне неохота! — быстро нашелся Урсуфьев, видимо решивший, что на мне слишком толстая зимняя одежда, смягчавшая удары.

— Разумеется, убил бы. Все-таки не хухры-мухры, а «лапа леопарда»! — насмешливо согласился с ним я, отлично понимая, что Мишка бил изо всех сил.

— Ну ты, не зазнавайся! Хочешь, ударь меня в корпус! У меня «железная рубашка» — мускулатура, нечувст-

вительная к боли! Мы на тренировках нарабатываем! — предложил он, явно желая как-то восстановить подорванный престиж.

— Да уж куда нам, лопухам, против «железной рубашки», — отказался я, взглянув, далеко ли ушли Нюсяка с папой.

И махнув Урсуфьеву, я побежал догонять своих. Отбежав на приличное расстояние, я вспомнил удар «лапой леопарда», и мне стало интересно, смогу ли и я провести такой. Удостоверившись, что рядом никого не видно, я подошел к столбу и резко ткнул в него кулаком на уровне груди. В результате я довольно сильно ушиб кулак, даже содрал с него кожу, но со столбом ничего не произошло. Я разочарованно пожал плечами и помчался за Нюсякой и папой, которые подошли к метро.

Отбежав шагов на десять, я услышал позади какой-то треск и обернулся. Громадный столб, вывороченный с куском асфальта, падал на газон, обрывая провода.

Я почувствовал раскаяние. Честно говоря, если бы знал, что сломаю его, никогда не применил бы «лапу леопарда».

И искренне порадовался, что не поддался искушению ударить в живот Урсуфьева хотя бы и в треть силы. Сделай я это, юный ушуист вряд ли получит коричневый пояс, вернувшись из реанимации.

Я быстро побежал к своим.

— Ты нас задерживаешь! — недовольно сказал Фритт.

Вид у него был сосредоточенный, как у матерого грабителя музеев, зато лицо сестренки лучилось счастьем. Она была страшна довольна, что идет «на дело».

Вскоре мы были у Исторического музея. Там мы купили билеты, разделись в гардеробе и стали подниматься по ступенькам. На потолке были портреты русских князей

и царей, начиная от Игоря и Ольги до Николая II. Нью-сяка, задрав голову, стала их рассматривать, но я потянул ее за рукав.

— Не тащи меня! — плаксиво сказала она, возмущенная таким бесцеремонным обращением. — Идите сами воруйте, а я посмотрю!

Мне показалось, что ее голос разнесся по всем залам и все на нас уставились. Вот что значит, когда у страха глаза велики.

Мы быстро прошли через два зала с глиняной посудой, копьями и украшениями, ненадолго задержались перед картиной, на которой пещерные люди охотились на мамонтов, и оказались у экспозиции «Палеонтология XXI века».

В зале было довольнолюдно, и все толпились у скелета брахиозавра, который был таким огромным, что занимал весь этот зал и часть соседнего. Помню, что тогда величина скелета меня потрясла, но когда я сейчас смотрю в окно, то понимаю, что тот ящер был не из крупных. По сравнению с диплодоком, который в эту минуту заглядывает в наше окно на восьмом этаже, тот был просто младенцем. Что-то он слишком пристально на меня смотрит! Спасайся, кто мо...

Пишу пять минут спустя. Все в порядке. Диплодок ушел, лишь выдавив мордой стекло, осколки которого валяются теперь на полу. Не стоило его бояться, ведь он не хищник, но когда такая махина сует морду в твоё окно, об этом как-то забываешь...

Подменить яйцо тиранозавра оказалось совсем не просто. У витрины, в которой оно было выставлено, на стуле сидела дежурная по залу. Это была вполне милая старушка, а не громадный подозрительный охранник в

бронежилете, но не могли же мы похитить экспонат у нее на глазах!

Мы находились в затруднении, но тут нам неожиданно помогла Нюсяка. Когда сестра захочет, она проявляет уникальную хитрость. Она подошла к дежурной и заревела, причем очень убедительно.

— Что с тобой, деточка? Ты потерялась? — встревожилась старушка.

Сестра закивала, размазывая по лицу слезы:

— По-потеря-ялась!

— А где твои родители?

— Не-не знаю! — захныкала Нюсяка.

Дежурная некоторое время колебалась, а потом взяла ее за руку.

— Давай пройдем с тобой по залам и поищем их! — предложила она, и они ушли. Удаляясь, Нюсяка на мгновение обернулась и хитро подмигнула нам.

«Ну и лиса! Не будь она моей дочерью, я бы поверил, что она действительно потерялась. Чтоб я с сегодняшнего дня верил ее капризам?!» — пробормотал Фритт.

Он быстро огляделся и незаметно вытащил из кармана пиджака прибор, который вчера собирал весь вечер. Прибор замерцал, и из него появился зеленый луч, который будто расплавил стекло витрины.

— Давай, Макс! — кивнул мне Фритт.

Ощутив легкое покалывание, я быстро сунул руку в витрину, вытащил яйцо тиранозавра, весившее килограммов десять, и подменил его фальшивым, которое мы принесли с собой. Поддельное яйцо немного отличалось от настоящего по цвету, но вряд ли кто-нибудь стал особенно приглядываться. Во всяком случае, до сих пор я не слышал, что эту подмену кто-нибудь обнаружил. Когда я

вытащил из витрины руку, папа выключил прибор, и стекло восстановилось, будто не было никакой дыры.

— Как это тебе удалось? Ты же его расплавил! — поразился я, когда мы спрятали яйцо в рюкзак, подвзанный у папы под пиджаком так, что казалось, будто Фритт просто пузатый.

Но с другой стороны, мало ли на свете полных мужчин средних лет.

— Ничего я не расплавлял! Я отодвинул материю на несколько мгновений в будущее, а потом вернул на место, — объяснил папа.

Честно говоря, я не очень понял, как ему это удалось, но у меня не было времени расспрашивать подробнее.

Никто не заметил, как произошла подмена и настоящее яйцо тиранозавра оказалось у нас. После похищения мы с папой разделились. Он как ни в чем не бывало направился к выходу из музея, а я обошел несколько залов и в одном из них обнаружил Нюсяку, которая ходила со старушкой дежурной в поисках «потерявшихся» родителей.

Я взглянул на Нюсяку, и эта хитрая мартышка, сообразив, что все в порядке, громко заорала: «Вон! Вон мой брат!» — и кинулась ко мне. Дежурная обрадовалась, что девочка нашлась, и, хорошенько отчитав меня, направилась в свой зал. Мы же с сестренкой побежали за папой, который был уже в гардеробе. Никаких чрезвычайных происшествий по дороге домой с нами не случилось, и вскоре мы благополучно положили похищенное яйцо тирекса на стол в большой комнате.

Я на всю жизнь запомнил этот волнующий момент. Вокруг яйца столпилась вся наша семья — я, папа с мамой, Нюсяка и дедушка, ради такого случая вылезший

из ванной и приклепавший, чтобы все осуждать и портить всем настроение.

— И что теперь? Будете его высиживать? — издевательски спросил Апрун и чихнул от смеха в мокрую бороду.

Папа таинственно посмотрел на дедушку и маму, ярых противников своей затеи, подошел к шкафу и с видом фокусника, достающего из шляпы кролика, потянул дверцу. Стоило нам увидеть, что было внутри, как все удивленно воскликнули: «Ого!»

В шкафу размещался невообразимо сложный прибор, состоящий из тысяч деталей. И что удивительно, мы представления не имели, когда папа успел его собрать.

— Вот и мой «высиживатель»! — с гордостью сказал Фритт. — Стоит поместить в него несколько клеток — и через три недели у нас будет готовый маленький тирекс.

— Боже! — тихо сказала мама и прислонилась к стене.

— Блеск! — воскликнула Нюсяка.

— М-м-м... А как называется эта штука? — подозрительно хмурясь, спросил дедушка.

— Вначале я хотел назвать его «клонизатор» — от слова «клонировать», но назвал просто «Дино» — это от слова «динозавр»...

Глава третья

НЕ В ЗОЛОТЫХ СЛИТКАХ СЧАСТЬЕ

Все мое, сказала злато;
Все мое, сказал булат.
Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказал булат.

А. С. Пушкин

В тот же вечер папа расколол окаменевшее яйцо на две половинки и с немалым трудом сумел восстановить по хромосомному набору одну из клеток зародыша. Он

поместил ее в капсулу с питательной средой, а капсулу вложил в мудреный прибор. «Дино» немедленно закудахтал, как курица, и в нем ритмично стали вращаться лопасти.

— Вентилятор обеспечивает нормальную циркуляцию воздуха и следит, чтобы зародыш не перегрелся, — объяснил папа. Он выставил таймер на пятьсот три часа, что соответствовало трем неделям, и закрыл дверцу.

Не успел он отойти от прибора на шаг, как шкаф вздрогнул, покачнулся и продолжал вибрировать с равной частотой, будто в нем кто-то сидел и барабанил кулаком, требуя, чтобы его выпустили.

— Д-динозавр вылупился! А-а, боюсь! — пронзительно завопила Нюсяка и молнией метнулась за мою спину, с любопытством выглядывая из своего укрытия.

Когда сестре страшно, она всегда ищет защиты именно у меня, как у самого надежного и сильного, что мне, признаюсь, льстит.

Мама побледнела и на всякий случай слегка взлетела над полом. Я удивленно посмотрел на папу: неужели так быстро? Он сказал пятьсот три часа, а не прошло и десяти секунд.

Шкаф вновь вздрогнул, и стекла в серванте задрожали, будто началось землетрясение.

— Не волнуйтесь! Это биение сердца, — объяснил Фритт.

— Биение чьего сердца? — испуганно спросила мама, вообразив, какой величины вырастет тот, чье сердце в младенчестве бьется как колокол.

— Биение сердца взрослого тирекса. Я установил специальный динамик, который через заданный промежуток издает звук, напоминающий работу сердца матери.

— Но зачем? — спросила Нюсяка.

— Думаю, отложив яйцо, тиранозавриха была поблизости и охраняла его от желающих полакомиться. Зародыш слышал биение сердца и не испытывал стресса.

— Зато я испытываю стресс! — нервно сказал дедушка. — Мне мерещится, что в нашем шкафу заперт шахтер с отбойным молотком.

— И ты, дед, утверждаешь, что глухой! Как же ты слышишь? — поинтересовалась Нюсяка.

Дедушка, пойманный с поличным, смущенно кашлянул и, шлепая лапами, гордо удалился в свою ванную. Когда Апручун ушел, папа мечтательно провел ладонью по вздрагивающему шкафу.

— Пройдут всего три недели, и у нас дома будет тирекс! — радостно произнес он, явно думая всех обрадовать.

Но в восторг пришел лишь я и чуть-чуть Нюсяка. Мама от этих слов застонала, словно у нее разболелся зуб. Она, как и дедушка, всегда была против этой затеи, и то, что сейчас перед нашими окнами пронесся птеродактиль с широко расставленными кожистыми крыльями, не ее вина.

— Совсем недолго осталось! Главное — набраться терпения! — уговаривая всех, повторил папа и обвел кружком число на календаре, когда по его подсчетам должен был появиться маленький тиранозавр.

Я на всю жизнь запомнил неровно обведенное красной ручкой число — третье февраля.

— Ждем-с! — подражая старинному этикету, сказал я. И действительно, я ждал с большим нетерпением...

Прошла неделя. Мы привыкли, что шкаф непрерывно грохочет, и перестали обращать на это внимание. Кло-

нирование клеток протекало согласно графику. Папа несколько раз разрешал мне смотреть во встроенный микроскоп, и я наблюдал, как происходит деление клеток. Думаю, ни в одной научной лаборатории мира в эти недели не происходили опыты важнее, чем в нашей четырехкомнатной квартире на восьмом этаже.

Чтобы образование зародыша шло быстрее, папа облучал клетки зеленоватыми У-лучами. Они давно известны на нашей планете, но еще не открыты на Земле. Никакого вреда зародышу облучение не причинило, но все равно оказалось, что не стоило этого делать. После облучения наш тиранозавренок стал увеличиваться с умопомрачительной скоростью.

В середине второй недели произошло событие, едва не закончившееся крахом эксперимента. Дело в том, что к нам в квартиру забрались воры...

Это произошло из-за того, что мама очень рассеянна. Она часто теряет ключи, и, чтобы не делать каждый раз дубликаты, папа отштамповал штук сто ключей и развесил по всей квартире, а оставшиеся ссыпал в старый таз и задвинул под кровать. Мама один ключ потеряет, другой возьмет и радуется.

Но в тот день она потеряла не только ключ. В магазине у нее разрезали сумочку, где, кроме кошелька, лежал килограммовый слиток золота, который она захватила с собой на тот случай, если денег не хватит. Вы скажете, что на Земле таскать с собой золото килограммами не принято, но мама не считается с условностями. К пропаже куска золота она отнеслась с полнейшим равнодушием, сокрушалась лишь о своей записной книжке со множеством нужных телефонов. «Зачем, спрашивается,

им моя записная книжка? Им она не нужна, а я не смогу никому позвонить!» — сердилась она.

Но мама напрасно волновалась, что записная книжка похитителям не пригодится, ведь на первой странице был записан наш адрес. Видимо, когда к карманникам попал золотой слиток и они убедились, что он настоящий, воры установили за нашей квартирой слежку, сообразив, что в ней можно найти немалые богатства.

Грабителей было двое. Мы так и не узнали их имена, но, чтобы как-то их отличать, я назову одного Толстым, а другого Скелетом. Возможно, в воровском мире у них другие клички, но Толстый и правда был ожиревшим, а Скелет — тощим, сутулым и носил черную вязаную шапку, которую надвигал на глаза.

Вскоре Толстый и Скелет выяснили, что в квартире проживают четверо: папа, мама, Нюсяка и я. Про дедушку они ничего не знали, потому что он никогда никуда не выходил, а бултыхался в ванной, возясь с пираньями.

Однажды утром Толстый и Скелет дождались, когда квартира опустела. Я ушел в школу, папа поехал за запасным вентиляторным ремнем для «Дино», а мама повела Нюсяку в музыкальную школу. По лестнице, не пользуясь лифтом, воры пробрались к дверям квартиры и вставили ключ, который украли у мамы. Ключ подошел, потому что замок мы, разумеется, не сменили. Для дедушки, как для телепата, не было секретом, что в квартиру крадутся грабители, но он даже обрадовался им, надеясь, что они стащат папину установку по клонированию динозавров и эксперимент, который дед считал дурацким, прекратится.

Воры вошли в квартиру и прислушались. Все как будто было тихо.

— Никого? — спросил Толстый.

— Все чисто, — ответил Скелет. — Ищем деньги, а ба-
рахло будем брать потом. Усек?

Прошло несколько секунд, и в шкафу раздался грохот, а стены завибрировали от биения динозавриного сердца. Оба жулика переглянулись и метнулись к дверям, но, видя, что за ними никто не гонится, осторожно заглянули в большую комнату.

— Ты слышал? Там кто-то есть! — с опаской сказал Скелет.

— Не глухой! Сам слышу! — огрызнулся Толстый.

— Может, это сигнализация? — предположил Скелет. — В прошлом году я работал по дачам, так один подводник установил корабельную сирену. Только мы взломали дверь, сирена как завоет, у одного разрыв сердца случился, он на полу и остался! Мы руки в ноги — и деру!

Решив отключить то, что он считал сигнализацией, Скелет уверенно подошел к шкафу и потянул дверцу, но папа всегда ее закрывал. Он боялся, что мы с Нюсякой можем на что-нибудь нажать на установке и этим прервем процесс клонирования.

Не успел Скелет взломать дверцу, подсунув под нее ломик, как Толстый восхищенно присвистнул. Он открыл один из ящиков стола, где у мамы лежали бриллианты. Несколько дней назад она стала жаловаться, что у нас заканчиваются деньги, и папа наштамповал для нее литровую банку бриллиантов. Большинство были не очень большие — крупный трудно продать незаметно, — но они ничем не отличались от настоящих. Фритт синтезировал их из графита, изменяя атомную решетку. Он говорил, что графит и алмазы с точки зрения структуры устроены

совершенно одинаково и отличаются только атомной решеткой.

Толстый жадно схватил банку с бриллиантами, высыпал несколько штук на ладонь и смачно выругался. Он был опытным вором с большим стажем и сразу сообразил, сколько эти камни могут стоить.

Увидев находку напарника, Скелет забыл о дверце шкафа и, отталкивая Толстого, стал набивать карманы бриллиантами.

— Чтоб мне треснуть! Говорил я тебе, не простая это квартира! Обязательно нужно было сюда заглянуть! — восторженно говорил он.

Опасаясь, что хозяева вот-вот вернутся, воры в спешке стали переворачивать ящик за ящиком, вытряхивая на пол различные вещи, пока не наткнулись на ящик с Нюсякиными игрушками. Сестра потом удивлялась, почему они не взяли куколок, но стащили изумруды и рубины, лежавшие в коробке из-под кубиков. «Я не играю в блестящие камушки, пускай они сами с ними возятся, если такие глупые!» — хихикала потом девочка.

Во время дележки камней воры поссорились, стали кричать друг на друга, и Толстый, как более сильный, схватил за шиворот Скелета и прошипел: «Не лезь поперек батьки в пекло», — потом добавил несколько других слов, смысла которых дедушка, будучи амфибией с другой планеты, не понял. Но потасовка быстро прекратилась, потому что грабители сообразили, что могут поделить добычу и позже, а сейчас нужно спешить.

Они выскочили в коридор, а оттуда — в мою комнату, где перевернули все вверх дном. Ни компьютером, ни игровой приставкой, ни шлемом голографического эффекта, ни рулем с педалями — симулятором автомобиль-

ных гонок, подключаемому к компьютеру,— они не заинтересовались. Правда, Толстый попытался приподнять мою штангу, которой я занимаюсь иногда по утрам, но у него пупок едва не развязался. Что же вы хотите, ведь на грифе висели четыреста восемьдесят килограммов, почти полтонны!

— Что они, блин, совсем с ума сошли? Меня, бывшего штангиста, чуть не убили! — прохрипел Толстый, держась за поясницу и отходя от штанги с побагровевшим лицом.

— Хватит время терять! Ищи золото! Я нюхом чую: оно где-то здесь!

Тем временем Скелет выглянул на балкон, но в ящик из-под овощей заглянуть не догадался, а зря: именно там лежали желанные слитки. Скелет огляделся и замер, как собака-ищейка, напавшая на след.

— Что-нибудь нашел? — окликнул Толстый.

— Посмотри, какая странная штука! Что бы это могло быть?

Внимание его привлек копирователь — одно из давних изобретений Фритта. С его помощью можно было размножить что угодно: от однородных предметов до биологических организмов, получив точно такие же копии. Изобретение состояло из двух частей: правая — эталонная, в нее помещался образец, а во вторую часть в резервуар засыпалось вещество, не важно какое: песок, кирпич, глина, мусор, бумага. Главное, чтобы общая масса загружаемого материала не была меньше, чем вес образца в эталонной, иначе копирование невозможно.

Для мамы название «копирователь» казалось слишком сложным и длинным, и она предпочитала использовать слово «размножилка».

— Забрось-ка в размножилку соли! И не забудь отти-
ражировать мыло для Нюсяки! Если останется песок,
отшлепай золотые слитки! — кричала она мне порой, ле-
тая с пылесосом по коридору.

Для копирователя я чаще всего использовал песок,
зачерпывая его ведрами из детской песочницы во дворе.
После изменения атомных связей и молекулярного
строения получалась точная копия того, что было в
эталонной. Если я помещал в прибор золотой слиток,
то появлялся второй золотой слиток, а если, к примеру,
я сунул бы туда живого кота, то не прошло бы и десяти
секунд, как на балконе шипели бы друг на друга два
совершенно одинаковых кота. Папа запрещал Нюсяке
близко подходить к копирователю, боясь, если она слу-
чайно заберется в него, что у нас будут две Нюсяки,
настолько одинаковые, что не ясно, какая из них на-
стоящая.

Ни Толстый, ни Скелет об этом не подозревали. За-
интересовавшись содержимым тумбочки, которая стояла
у нас на балконе, Скелет сделал неосторожный шаг и...
наступил в эталонную, которая ему, должно быть, по-
казалась большим обручем. Копирователь зажужжал,
снимая параметры объекта, и в резервуаре, в который я
вчера загрузил ведер десять песка, началось преобразо-
вание материи.

Скелет распахнул дверцы тумбочки и, убедившись,
что внутри нет ничего ценного, обернулся. По квартире
разнесся оглушительный вопль. Лицом к лицу он стол-
кнулся с тощим небритым мужичонкой в вязаной ша-
почке, настолько похожим на него, будто это был его
близнец.

Двойник, тоже ощущая себя настоящим, завопил, и обе копии, напуганные друг другом, бросились наутек. Они ворвались в комнату и сбили с ног Толстого. Он упал, попытался выругаться, но, заметив толкнувших его близнецов, охрип и смог лишь тихо прохрипеть: «Мама! Двое на одного!»

Потом все трое выскочили в коридор и с перепугу вместо входной двери сунулись в ванную. А там среди пираний в милицейской фуражке сидел наш белобородый дедушка. Он прицелился в воров, выставив указательный палец, и крикнул:

— Пуф-пуф! Вы убиты!

Толстый и Скелет, выпучив глаза, уставились на старика. Апрчун снял свою милицейскую фуражку и, черпнув в нее пиранью, сунул жуликам под нос. Воры, захрипев, выбежали в коридор, толкаясь, выскочили из квартиры и загрохотали вниз по лестнице.

Проникнув в их сознание, дедушка понял, что именно напугало воров больше всего. Когда он снял свою любимую милицейскую фуражку, на макушке стал виден его третий глаз, обязательный для всех представителей амфибий на планете Ирксилон. Три глаза амфибиям необходимы, чтобы лучше видеть под водой, где на больших глубинах мало света. Мы-то привыкли к дедушкиному глазу, но представляю, каким потрясением он оказался для воров. Человек в милицейской фуражке со всевидящим оком на лбу и пираньи в ванной — немногие из людей в состоянии, увидев такое, сохранить спокойствие.

— Никогда не думал, что земляне настолько слабонервные! Тоже мне воры! Смылись и небось ничего стоящего не украли! — ворчал дедушка.

Он вылез из ванной, прошлепал в комнату и, к сожалению своему, убедился, что установка по клонированию динозавров продолжает как ни в чем не бывало грохотать в шкафу. Тогда дедушка раздраженно пнул шкаф ластой, запер входную дверь и, обидевшись на весь мир, заснул, глубоко дыша носом и пуская пузыри.

Вечером, когда мы вернулись домой, Апрчун не без язвительности рассказал нам об ограблении, все время злорадно повторяя: «Я же вам говорил!» Помню, мы расстроились, но не потому, что у нас пропало много ценного, а потому, что посторонние люди могли узнать о некоторых странностях нашего семейства. Разумеется, никакую милицию мы вызывать не стали, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Сотней бриллиантов больше, сотней меньше — какая разница! Всегда можно наштамповать новые! — решительно сказала мама, узнав о краже.

— Тебе легко говорить, а мне песок ведрами таскать! — обиженно возразил я. — На меня и так в подъезде как на дурака косятся, когда я тащу полные ведра. Нормальные люди мусор из дома носят, а я в дом.

— А ты ночью таскай, когда все спят! — посоветовал папа.

Вот и все его сочувствие!

На другой день Фритт вызвал мастера и сменил на входной двери замки. Мы думали, что нам больше никогда не придется столкнуться с Толстым и двумя Скелетами, но ошибались.

Глава четвертая
У НАС ДОМА РОЖДАЕТСЯ
ТИРАНОЗАВР ШПРОТ

Пугливый прохожий идет по кладбищу, а навстречу ему старичок.

— Не подскажите, который час? — просит старичок.

— Пять вечера.

— Ай-ай-ай! Значит, я опять вылез из склепа раньше времени!

Современный анекдот

3 февраля на втором уроке я сидел в классе и решал контрольную по математике, вернее, делал вид, что решаю, а сам придумывал промежуточные действия, которые следовало вписать, чтобы появился ответ.

Честно говоря — не обижайтесь, пожалуйста! — ваша земная математика бестолкова, в ней полно дурацких правил, законов и уравнений с иксами и игреками, в которых запутаться — раз плюнуть. Проблема землян в том, что они до сих пор не овладели навыком интуитивного знания, которое известно большинству цивилизаций, населяющих Вселенную.

Я точно не знаю, как к нам приходят интуитивные знания, но, когда я вижу уравнение или ряд чисел, меня осеняет внезапное прозрение и в моем сознании, минуя промежуточные действия, вспыхивает правильный ответ. Папа говорит, дело здесь в генетической памяти и что через пару тысяч лет такая память может развиться и у землян.

Но в школе интуитивные знания мне только мешают. Например, с теми же контрольными. Я записываю ответ, отдаю учительнице и, как вы думаете, что получаю? Тройку или двойку! Нашей математичке Инне Ивановне, по

прозвищу Икса, нужен «ход моих рассуждений», те самые бесполезные действия, которых у меня нет. А без «хода рассуждений» Икса считает, что я списал правильные ответы из учебника.

Я сидел на контрольной и ломал голову над длиннейшим бессмысленным уравнением, которое в результате, как подсказывала мне интуиция, должно было сократиться до $x = 2y$. Но тут в класс постучали, и вошла завуч Лидия Порфирьевна.

— Иванчук к телефону! — крикнула она.

Иванчук — это я. Эту фамилию мои родители придумали сто двадцать лет назад, когда поняли, что им придется остаться на Земле.

По классу прокатился удивленный шепот. Согласитесь, редко бывает, чтобы среди урока учеников звали к телефону! Во всяком случае, на моей памяти таких случаев не было. Я вскочил и, забыв про рюкзак с учебниками, бросился к двери. Мишка Урсуфьев, завидуя, что я ухожу с контрольной, попытался было подставить мне подножку и задержать за свитер, но немедленно поплатился. Не оборачиваясь, я сдернул Урсуфьева со стула как морковь с грядки, и он протатился за мной по полу метра два или три.

Пораженный, он так и остался лежать на полу, изумленно глядя мне вслед. А я уже мчался по лестнице к учительской.

— По-моему, у вас кто-то заболел! Твоя мама сказала, кому-то плохо, — сочувственно покачала головой завуч.

Я схватил трубку и услышал мамин голос.

— Как вы там? Кому плохо? — крикнул я.

— Всем плохо, — жалобно сказала мама. — Тиранозавр разбуянился. Быстрее приходи!

— Ти!.. — начал было, но вовремя спохватился, вспомнив, что я не один в учительской. — Разве он уже расклонировался?

— Нет времени объяснять! — возмутилась мама. — Он сейчас буянит в коридоре, а я звоню из комнаты!

— Где папа?

— Они с бабушкой заперлись в ванной! Или он их сожрал, я ничего не понимаю! Приходи и будь осторожнее!

В трубке раздались короткие гудки. Я понял, что дело серьезное, и со всех ног помчался домой, едва успев схватить из раздевалки куртку. «Подумать только! — размышлял я на бегу. — Едва вылез, ему всего час от роду, а он уже создает проблемы! Интересно, не сожрал ли он Нюсяку? Если нет, нужно будет ее на всякий случай скопировать. Тогда если он одну съест, останется другая».

Взбежав по лестнице, я открыл дверь, глубоко вдохнул, набираясь мужества, потом резко дернул ручку и впрыгнул в коридор.

Едва я миновал порог, как на меня бросился небольшой ящер. Я успел рассмотреть два любопытных глаза с мигательными перепонками, как у птиц, красноватую чешую и мелкие зубы, которыми он пытался в меня вцепиться. Но я набросил ему на морду куртку, которую успел снять заранее, схватил тиранозавренка в охапку и, слегка встряхнув, потащил в свою комнату. Ящер отчаянно вырывался, издавая гневные гортанные звуки. И не прибегая к интуитивному знанию, можно было догадаться, что они означали. Юный тиранозавр буянил и требовал дать ему возможность сожрать меня если не полностью, то хотя бы частично.

Но в то время я был сильнее упрямого ящеренка. Это сейчас Шпрот весит тонн десять и достиг высоты третьего

этажа, а недавно, забравшись на крышу пустого троллейбуса, продал его, как простую консервную банку. А в тот день я засунул появившегося на свет тиранозавра в шкаф и запер.

Послушав, как он колотит внутри хвостом, явно намереваясь просадить стенки, я поднял с пола куртку, которая оказалась изорванной зубами и когтями новорожденного буйна. С ужасом вспомнив о родителях, я бросился в ванную. Дедушка и папа долго боялись мне открывать, навалившись изнутри на дверь, пока не поверили, что это я. Когда же наконец они открыли, я убедился, что они живы и здоровы, только папа был красный, злой и сконфуженный, оттого что все то время, пока они были заперты вместе, Апрчун неустанно пилил его и занимался промывкой мозгов.

Оставив освобожденных озиаться в коридоре и подозревать за каждым углом притаившегося зубастого ящера, я метнулся в комнату. Я ожидал найти маму в слезах или израненную, но вид у нее был вполне бодрый. Сидя с Нюсякой на шкафу, мама слушала, как сестра бойко читает вслух энциклопедию по биологии. Когда я вошел, то услышал:

— «Тиранозавр — крупнейший наземный хищник из всех, которых когда-либо знал мир. Размеры взрослой особи: высота — пять метров, длина — десять метров. Вес — десять тонн. Метровой длины челюсти тиранозавра вооружены сотнями острых, как ножи, зубов. Ими тиранозавр мог бы легко вспороть слону живот и унести носорога в пасти. Бегал тиранозавр на двух задних ногах, и чудовищные лапищи отмеривали гигантские четырехметровые шаги. От его зубов многие ящеры, по примеру сте-

гозавра, спасались только благодаря своей окостеневшей коже».

Хотя я знал это и раньше, но не стал перебивать сестру, пока она не дочитала отрывок.

— И зачем вы забрались на шкаф? — поинтересовался я, когда Нюсяка захлопнула книжку.

— Чтобы он не допрыгнул, если сломает дверь. А где папа и дедушка? Их уже съели? — с непосредственностью пятилетнего ребенка поинтересовалась сестренка.

— Объявляю ультиматум! — сказала мама, взлетая со шкафа и опускаясь на пол. — Или мы немедленно отдаем его в зоопарк, или я сама ухажу и живу на улице!

— Как мы объясним в зоопарке, откуда он у нас взялся? — вполне логично спросил я. — Сразу придется отвечать на множество вопросов, в том числе и на тот, как к нам попало яйцо тиранозавра.

Мама поняла, что я прав, и вздохнула.

— А если его подбросить? — спросила она робко, понимая, что это невозможно. Подбрасывают котят, а сделать такое с динозавром попросту несолидно.

На состоявшемся экстренном семейном совете было принято решение: а) динозавренка оставить и приручить; б) приручение ящера доверить дедушке.

— Что?! Почему мне? — вскричал Апрун.

Но у собравшихся нашлись два аргумента: а) он приручил пираний; б) животные лучше понимают телепатов, а этот дар только у дедушки — следовательно, ему и карты в руки.

Способностью передавать мысли на расстояние обладают все амфибии нашей планеты. Только так можно общаться под водой, где голосовые связки бесполезны.

После долгих уговоров деда, зажавшего уши пальцами и бубнившего: «Ни за что!» — когда мы, вытаскивая палец, кричали в самое ухо: «Надо!» — нам кое-как удалось убедить упрямяца попробовать приручить тиранозавренка. Пощипывая себя за бороду, дедушка подошел к буянившему в шкафу и стал сосредоточиваться. Апрчун тужился минут пять, тер пальцами лоб, сопел и наконец сказал:

— Тиранозавренок голодный. Прежде чем приручать, нужно его накормить, иначе он будет смотреть на нас как на добычу.

Мы отправились на кухню, вытащили из холодильника большой кусок говядины и принесли его в комнату. Надев на руку толстую перчатку, я приоткрыл дверцу и сунул мясо внутрь. Немедленно острые зубы вцепились в кусок, и мне едва удалось отвоевать перчатку:

Сначала из шкафа слышалось плотоядное чавканье, но скоро удары хвостом в дверцу возобновились. Дедушка сжал виски ладонями и вновь сосредоточился.

— Он не наелся. Нужно дать ему еще, — глубокомысленно произнес наш телепат.

Я принес из холодильника сразу несколько кусков и последовательно стал отправлять их в шкаф. Хорошо, что на балконе у нас был копирователь, иначе никаких запасов не хватило бы. Я уже не надеялся, что обжора когда-нибудь насытится, как вдруг из шкафа донеслось сытое икание, и очередной кусок мяса остался невостребованным.

Вооружившись швабрами и толстым одеялом, мы открыли шкаф ровно настолько, чтобы туда проник свет. Я увидел тиранозавренка, который смотрел на нас тупым взглядом. От еды живот у него раздулся, и он так отяжелел, что не мог даже колотить хвостом.

— Пожадничал! — пожалела его мама.
Сытый ящер икнул, соглашаясь с ней.

Чуть позже, немного привыкнув к нам, он разрешил мне и бабушке дотронуться до своего чешуйчатого бока, приглушенно щелкнув при этом зубами. Папа, Нюсяка и мама пока не решались погладить динозавра.

— Давайте назовем его Шпротом, — предложила сестренка.

— Почему Шпротом? — удивилась мама.

— Потому что он обжора и ужасно смешно икает.

— Шпрот так Шпрот, но будет ли он откликаться? — усомнился я.

Мы несколько раз громко произнесли новое имя, и казалось, что тиранозавр нас понял. Во всяком случае, когда Нюсяка отбежала немного к двери и крикнула: «Шпрот!» — ящер чуть повернул голову в ее сторону и моргнул мигательными перепонками, закрывавшими зрачки.

Вечером я заготовил с помощью копирователя побольше говядины и положил в таз на случай, если ящеренок ночью проголодается. Поступил я правильно, потому что, когда мы утром проснулись, Шпрот проявлял признаки голода, хлестал хвостом по пустому тазу и любознательно поглядывал на меня, взвешивая, съедобен ли я. Пришлось срочно кормить ящера, чтобы он не думал о людоедстве.

Овощей и хлеба он не признавал, сколько мы ни пытались их ему скормить. Лишь однажды, очень проголодавшись, он случайно проглотил тарелку с макаронами, которую подсунула ему Нюсяка, перемешав макароны с мелко нарезанным мясом, но после странного угощения у Шпрота был такой вид, будто мы его отравили, и он долго дулся на наше семейство за коварство.

Так в нашей квартире на восьмом этаже поселился древний ящер. Вскоре он привык ко мне, папе, Нюсяке и маме, но особенно привязался к дедушке. То ли это случилось оттого, что дед был телепатом, то ли оттого, что кормил нашего ящера днем, когда никого не было дома. Лично я больше склоняюсь ко второму предположению. Вскоре мы привыкли к перемене в нашей жизни и стали воспринимать тиранозавра как нечто само собой разумеющееся. Впрочем, скучать нам доисторический ящер не давал.

Глава пятая

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ТИРАНОЗАВРА ШПРОТА

- Пап, ты тиран!
- Почему ты так решила?
- Потому что ты запретил мне покрасить кошку зеленкой!

Из разговора Нюсяки с папой

Вдохновленный успехом своего эксперимента, папа не пожелал останавливаться на достигнутом. Через приятеля, работавшего в Зоологическом музее Берлинского университета, он раздобыл соскобы с костей редчайших динозавров, живших от восьмидесяти пяти и до двухсот миллионов лет тому назад.

Берлинский университет располагал самой большой в мире коллекцией ископаемых ящеров, и вскоре папа стал обладателем восстановленных по хромосомам клеток летозавра, паразауролофа, ламбеозавра, рамфоринха, игуанодона, стегозавра, бронтозавра, диплодока, эдофозавра, дилофозавра и других ящеров.

— Почему я сразу не догадался брать соскобы с костей? Получать их намного проще, чем каждый раз красть из музея яйцо! — ругал себя папа.

Столько ящеров не могло клонироваться в нашей квартире на восьмом этаже, где и без того было тесно, и Фритт арендовал на окраине Москвы вместительный отапливаемый ангар, где он под строжайшим секретом установил необходимое оборудование. Оставив маленького тирекса на наше попечение, папа пропадал там целыми сутками, следя за аппаратурой и течением клеточного процесса деления.

— Он только и умеет, что делать динозавров, а заботиться о них приходится мне! — ворчала мама.

Однажды, вернувшись из школы, я стал свидетелем странного зрелища: по коридору шла мама, за ней по пятам следовал тиранозавренок, за Шпротом на цыпочках кралась Нюсяка, а за ней шлепал ластами недовольный и сонный дедушка. Я замер и стоял не шевелясь, пока мимо меня не проследовала эта странная процессия. Меня поразила странная особенность: все двигались совершенно синхронно, повторяя каждое движение друг друга, за исключением Апруна, которого явно насильно присоединили к исполнению таинственного танца. Он шаркал лапами, скрещивал руки на груди, зевал, кашлял, сопел и всячески демонстрировал свое недовольство.

Увидев меня, мама остановилась и повернула ко мне голову. За мамой, не нарушая строя, как вкопанный замер Шпрот, за ящеренком — Нюсяка, и последним затормозил дедушка. Все они, вытаращив глаза, смотрели на меня так, словно я был посторонний.

— Перегрелись? — как можно дружелюбнее поинтересовался я.

— Тшш! — прошипела мама. — Не спугни!

— Кого?

— Шпрота! Смотри, он повторяет каждое наше движение!

Мама подняла правую руку, и тотчас тиранозавренок поднял вверх правую лапу, мама опустила руку — и ящер тоже. Мама хлопнула в ладоши. Шпрот попытался повторить ее движение, но у него не получилось, потому что передние лапы ящеров устроены иначе, чем кисти у людей, и не приспособлены для выполнения таких точных движений. Я был поражен: совершенно очевидно, наш питомец пытался подражать, воспроизводя целые комбинации действий: он поднимал лапы, притоптывал, приседал, поворачивал шею, щелкал зубами и повторял все, на что у его спутников хватало фантазии.

— Шпрот, иди сюда! Смотри! — Нюсяка привлекла внимание тиранозавренка и два раза подпрыгнула.

Тотчас и ящер два раза подпрыгнул, едва не проломив при этом головой потолок. И я в очередной раз поразился долготерпению наших соседей. Дедушка объяснял его тем, что они глухонемые.

— Я как-то вышел пройтись по лестнице, спустился на этаж, а они уставились на меня, ну точно немые! — заявил он.

— Я выучила его откликаться! — похвасталась Нюсяка. — Смотри! Шпрот! Эй, Шпрот!

Услышав знакомое слово, тирекс повернулся и потянулся своей зубастой мордой, похожей на тупоносый ботинок, к лицу Нюсяки. Ручаюсь вам, сделай я тогда фотографию, она немедленно попала бы на обложки крупнейших журналов мира. «Мост через семьдесят миллионов лет» — так мог бы я назвать столь редкий кадр.

Тиранозавр Шпрот оказался на редкость смышленным животным. Уже в две недели от роду он был умнее любой собаки или дельфина. Очень быстро ящер научился открывать передними лапами холодильник, и нам пришлось обмотать дверцы цепью и повесить замок, потому что динозавр, даже сытый, ухитрялся сжирать все запасы, не оставляя ничего даже дедушкиным пираньям.

Дополнительные хлопоты были связаны с тем, что тирекс увеличивался не по дням, а по часам. Во всяком случае, каждое утро он прибавлял по несколько килограммов. Первое время его взвешивали, но вскоре весы сломались от перегрузки, и мы стали задумываться о том, чтобы вызвать грузовик и перевезти ящера в ангар. Мы выбрали день, когда сможем это сделать, но нам помешала вереница невероятных событий...

Как-то я позвонил домой предупредить, что задержусь на дне рождения Ленки Родионовой. Вначале трубку долго не снимали, но потом взяли, послышался треск и невнятный голос:

— Алло! Кто это?

— Это я, Макс! — сказал я, поражаясь, что меня не узнают мои близкие.

Послышался скрежет, и тот же голос повторил:

— Алло! Кто это?

— Да я, я! Своих не узнаете? — рассердился я, уверенный, что правильно набрал номер.

Из трубки раздалась черед непонятных звуков и слов:

— Алло! Кто это... крр-хрр... накорми пройдоху... До чего же... крр-хрр... мне надоело... Нюсяка, иди сюда немедленно! Ну и балбес! Ну, ма-ама! Крр... Это... это... кто... кто...

Голос был довольно странный, но абсолютно точно имитировал интонации нашей семьи. Кое-где я узнавал себя. Кто же это? Если бы у нас дома был попугай, то я был бы убежден, что из озорства он говорит в трубку. Вначале я был в полном недоумении, но внезапно меня осенило.

— Шпрот, это ты? — заикаясь, спросил я и несколько раз повторил: — Шпрот, Шпрот, Шпрот...

Послышался звук, похожий на тот, который тиранозавренок обычно издавал, когда его окликали, и раздался шум упавшей на пол трубки.

Крикнув Ленке Родионовой, что забыл про срочное дело, я бросился домой. На бегу я случайно увидел свое отражение в зеркальце стоявшей на обочине машины и лицо мое выглядело как у сумасшедшего: красные щеки, вытаращенные глаза, приоткрытый рот. Да, довели меня динозавры, нечего сказать!

Я примчался домой и обнаружил, что телефонная трубка валяется на полу и пищит, а из соседней комнаты доносится победный рык тиранозавра, прикончившего крупную добычу. Положив трубку на место, с некоторой опаской я заглянул туда. Ящер успешно потрошил зубами диван, от которого остались одни пружины, а на полу возвышалась гора поролона и разорванных тряпок. Занятый сражением, на меня тирекс не обратил внимания.

Вначале я решил на него наорать и выволочь хулигана за хвост в коридор, но, поразмыслив, не стал этого делать. Диван уже не спасти, а с другой стороны, неизвестно, к чему бы это привели мои действия. Последнее время наши с ящером силы стали равны, это выяснилось после недавней шуточной борьбы, в которой Шпрот вел себя

как джентльмен, не пуская в ход свое главное оружие — острейшие зубы, которыми запросто мог оставить меня без ноги или руки.

Оставив тиранозавра оттачивать охотничье мастерство в поединке с диваном, я отправился искать маму и Нюсяку. Но их дома не оказалось, а дедушка храпел в ванной, погрузившись на дно и пуская пузыри. Когда амфибия спит, по меньшей мере должен обвалиться потолок, чтобы Апручун приоткрыл хотя бы один глаз.

Круг подозреваемых сузился. Я понял, кто разговаривал со мной по телефону, но, чтобы убедиться, взял радиотелефон и, спрятавшись в коридоре, набрал наш домашний номер.

Раздался звонок раз, второй, третий... После четвертого диванные пружины, которые терзал ящер, смолкли, ручка двери опустилась — этому Шпрот давно научился — и в коридор высунулась знакомая зубастая морда.

Динозавренок хитро огляделся и, не заметив меня, прошествовал к телефону. Он остановился, послушал звонки, и, скovyрнув лапой трубку, проскрипел:

— Алло? Кто это? Это кто?

— Я! Что, попался, паршивец?

Шпрот послушал мой голос, довольно склонив голову на бок, и проскрипел в ответ:

— Алло!... Крр-хрр... До чего... крр... мне надоело! Все эти динозавры! Накорми пройдоху! Крр!

Я затаив дыхание слушал и не верил своим ушам. Так мы обнаружили, что тирекс умеет передразнивать нас. Первое время мне казалось чудом, но, вспомнив поведение некоторых земных хищников, я счел это вполне логичным. Слышали ли вы, что тигр умеет подражать

брачному зову самки оленя? Влюбленный самец очертя голову устремляется на этот зов и с опозданием обнаруживает, что его обманули.

За месяц, который ящер провел у нас в доме, я стал самым крупным в мире специалистом по тиранозаврам. Я сделал более сотни фотографий и отснял не одну видеокассету, составив хронику развития Шпрота день за днем.

Иногда мне казалось, что тиранозавр не глупее любого из нас, и мою мысль подтверждал дедушка-телепат: «Он очень умный, но логика у него такая, какая была на Земле семьдесят миллионов лет назад».

Последовательной речи, тесно связанной с мышлением, тиранозаврик не научился, зато подражать нашим голосам стал мастерски. Каша во рту, которая была в первые дни, исчезла, и «кrr-хrr» почти отсутствовали, а если и произносились, то не чаще чем любое слово-паразит типа «блин» или «значит».

Отвечать по телефону стало для Шпрота любимой игрой. Мы боялись сами снимать трубку: едва слышав звонок, наш доисторический ящер мчался по коридору, издавая угрожающие рыки, означавшие: «Не тронь, я сам!» Шпрот ловко сдергивал лапой трубку, она падала на стол, ящер щелкал зубами, подносил зубастую морду к динамику, напрягал горловые связки... и отвечал тонким для такой громадины голосом:

— Алло! Вас слушают!

Однажды тиранозавр в течение полутора часов разговаривал с Ленкой Родионовой. Она ужасная болтуня и говорит всегда сама, а Шпрот подчеркивал, что принимает участие в разговоре, повторяя лишь «угу» или «ага». Он превосходно выступил в роли внимательного слуша-

теля, и на другой день Ленка восхищалась мной как лучшим своим собеседником. «Один ты меня выслушал и понял мои сложные чувства!» — краснея, призналась мне Родионова. Если бы она знала, кто разговаривал с ней моим голосом, грохнулась бы в обморок. А в результате Ленка в меня влюбилась. Станные все-таки эти девчонки!

На второй неделе пребывания Шпрота у нас мы стали замечать, что он то и дело посматривает на входную дверь, явно размышляя, есть ли за ней что-нибудь или весь мир ограничивается одной квартирой. Боясь, что ящер выскочит в подъезд и его кто-нибудь увидит, мы запирали входную дверь на ключ, который прятали на полку в коридоре, уверенные, что динозавр не догадается вставить его в замочную скважину. Но однажды рано утром мы проснулись от непривычной тишины. Обычно Шпрот буянил и колотил хвостом по стенам, напоминая, что его нужно кормить, но сейчас все было тихо.

Мы выглянули в коридор: тиранозавр исчез. Входная дверь была открыта, и в ней торчал ключ. «Догадался-таки, теперь жди неприятностей!» — простонала мама.

Она как в воду смотрела: в следующую секунду из подъезда донесся душераздирающий вопль. Мне и раньше приходилось слышать вопли, например когда дедушка в бассейне снял плавательную шапочку и какая-то женщина увидела его третий глаз, но этот вопль был невыносим. Так кричать мог только человек, ставший добычей хищного ящера...

Глава шестая

ТИРАНОЗАВР В ПОДЪЕЗДЕ

Симпатичная девочка с бантиком, рыдая, подходит к дяде:

— Дядя, мой мячик схватил динозавр! Вы не достанете его у него из пасти?

— А он не кусается?

— Да что вы!

— Тогда попробую достать твой мяч.

Мужчина подходит к динозавру и пытается заглянуть к нему в пасть. Ам! — и динозавр его глотает.

— Еще один шуток не понимает! — говорит девочка. — Ну что, Филька, закусил? Пошли дальше!

Дурацкий анекдот

Я забыл вам сообщить, что математичка Инна Ивановна, по прозвищу Икса, живет с нами в одном подъезде, двумя этажами выше. В то утро лифт не работал, и Икса, крихтя, поднималась на десятый этаж с двумя тяжеленными сумками, полными продуктов, которые она закупила сразу на неделю.

Надо сказать, характер у Иксы жесткий и требовательный. Когда она была у нас классной руководительницей, то не раз вызывала моих родителей в школу и вообще испортила мне немало крови. Однажды я чуть было не остался из-за нее на второй год, но завуч уговорила Иксу поставить мне по алгебре и геометрии тройки. В другой раз кто-то разрисовал в нашем подъезде стены баллончиком с краской. Икса заподозрила меня и раструбила на весь подъезд, хотя я был здесь ни при чем.

Словом, у меня немало поводов не любить математичку, но когда я вспоминаю, что ей пришлось пережить,

мне становится жаль ее: из-за нас она потеряла куда больше здоровья, чем мы из-за нее.

Когда Икса поднималась по лестнице, тиранозавр Шпрот был у мусоропровода и пытался открыть его лапой в надежде чем-нибудь полакомиться. Он был голоден и время от времени издавал короткие рыки: «Хрр-крр! Дай!»

Внезапно на лестнице послышалось тяжелое дыхание и шаркающие шаги. Навстречу Шпроту, не поднимая головы, тащилась усталая Икса и через каждые три ступеньки останавливалась передохнуть.

Тиранозавр перестал колотить хвостом по ящику мусоропровода и с вождением уставился на сумки Иксы. В одной из них были куриные окорочка, и ящер сразу их учуял. Надо признать, нюх у него, как и у многих рептилий, поразительный, и он ощущает запах маленького кусочка сырого мяса на расстоянии ста метров.

Шпрот несколько раз ударил по полу громадной лапой, щелкнул многочисленными зубами и произнес хрипло:

— Хрр! Доброе... хрр... утро!

Этому вежливому обращению тирекс научился у дедушки, который всегда говорил и «доброе утро», и «добрый день», и «спокойной ночи», и «приятного аппетита», и массу других слов, на мой взгляд совершенно ничего не значащих.

— Хрр-крр! Добрый день! — повторил Шпрот, видя, что женщина по-прежнему смотрит под ноги.

Икса подняла глаза, рассеянно посмотрела на него, моргнула, но вместо того, чтобы заорать, спокойно сказала:

— Доброе утро, Иван Иванович!

Объяснялось это просто: очки у Иксы запотели на морозе, а без них она не видела и на расстоянии двух шагов. Поэтому она решила, что с ней здороваются ее

сосед Иван Иванович, лицо которого украшал набухший нос с прожилками. Обычно этот Иван Иванович говорил: «Я человек совестливый. Я пью, потому что мне стыдно, а стыдно мне потому, что я пью».

Икса перевела дыхание и хотела пройти мимо, но ящер, жадно глядя на сумки, преградил ей дорогу:

— Хрр... Приятного аппетита! — повторил он.

Шпрот всегда, когда выклянчивал еду, желал нам «приятного аппетита», причем повторял это бесконечно, пока нам не становилось стыдно и мы не давали ему говядины.

Икса особенно не удивилась, что сосед не дает ей пройти, а желает ей то «доброго утра», то «приятного аппетита» и издает странные, булькающе-сопящие звуки. Она была женщиной современной и не первый год знала своего соседа.

— Опять напились, Иван Иванович! — сказала она строго. — И куда ваша жена смотрит? Пойду к ней и скажу, на кого вы похожи!

Услышав в голосе строгие нотки, Шпрот поступил, как всегда делал, чтобы задобрить нас. Он склонил голову набок и жалобно произнес с хрипотцой:

— Я... хрр... больше не буду!

Так канючить его научила Нюсяка, которая всегда твердила: «Я больше не буду!» — когда мама грозилась наказать сестру за какие-нибудь шалости.

— Не будешь! Как же! Знаю я вас, алкашей! — передразнила воображаемого соседа Икса. — И не проси! Нет ничего у меня!

Тиранозавренок опустил массивную голову с желтоватым гребнем и, озадаченно сопя, уставился на Иксу. Он не понимал, почему его не кормят.

— Хрр-хрр... кгх... — чихнул ящер.

— Ишь ты, алкаш, и слова сказать не можешь! — произнесла Икса с той презрительной жалостью, с какой многие женщины говорят с пьяными.

Переложив сумки в одну руку, она протерла запотевшие очки и увидела коричневые бока с черными пятнами, двупалые сгибающиеся лапы, длинный тяжелый хвост, на который как на подставку опирается передняя часть туловища, немигающие глаза и острые зубы тиранозавра.

Ящер широко разинул рот, напряг горловые мышцы и произнес голосом моей мамы:

— Нюсяка... хрр... убери немедленно... хрр... бриллианты! Что ты их вечно... хрр... раскидываешь!

Не веря своим глазам, Икса резко отшатнулась, глубоко вдохнула и издала душераздирающий вопль, который мы слышали у себя в квартире.

Потом она бросилась бежать по лестнице с дикой скоростью. Тиранозавр, видя, что дипломатия не принесла желаемого результата, помчался за Иксой вдогонку, а за Шпротом пулей летел я, выскочив из квартиры.

Почувствовав спиной, что чудище, перескакивающее через несколько ступенек, настигает ее, Икса издала вопль, такой же леденящий, и на бегу швырнула в ящера сумкой, которую тот подхватил зубами на лету. В мгновение ока он выпотрошил ее содержимое и, проглотив куриные окорочка, помчался дальше, решив, что женщина играет с ним в догонялки, а призом победителю служат вкусные куриные окорочка.

Шпрот был доволен. Он искренне считал Иксу своим другом и не желал с ней расставаться. Сколько я ни кричал: «Стой!» — он лишь увеличивал скорость. Я знал, ящер азартен и упрям, и, если ему взбрело в голову по-

играть в доголялки, он будет гнаться за Иксой, пока не настигнет ее и не получит очередную порцию окорочков.

Когда Шпрот вновь нагнал ее, Икса швырнула в него второй сумкой. В ней оказался хлеб и тушенка в железных банках. Пока Шпрот воевал с консервными банками, пытаясь их прогрызть, а Икса, продолжая вопить: «Помогите! Убивают!» — скатывалась вниз по лестнице, я подбежал к тиранозавренку и выхватил у него последнюю банку консервов. Ящер был слишком силен и тяжел, чтобы я мог с ним справиться, поэтому мне пришлось пойти на хитрость. Повертев отвоеванной банкой у Шпрота перед носом, я бросился вниз по ступенькам к нашей квартире.

Забыв об Иксе, обиженный динозавр погнался за мной, перескакивая сразу через пять ступенек. Но если на лестнице его скорость была больше, то на поворотах я отыгрывал драгоценную секунду, и к квартире мы подбежали одновременно. Я быстро бросил банку в коридор и показал разгоряченному ящеру пустые руки. Шпрот засопел и прыгнул в квартиру за банкой. Я навалился на дверь, запер ее и смог наконец перевести дыхание. После беготни по этажам сердце колотилось у меня в груди как бешеное.

Шпрот, не запыхавшийся и довольный прогулкой, радостно доедал банку с консервами, а потом стал стучать лапой по тазу, как по барабану, требуя добавки к завтраку.

Я увидел в коридоре всю мою семью, кроме папы, уже не первый день пропадавшего в ангаре со своими клонирующими установками. Дедушка держал в руках трехлитровую банку со своей любимой пираньей, которую он всюду таскал с собой.

Шпрот увидел пиранью и попятился, едва не смяв подвернувшуюся ему сзади Нюсяку. Наш тиранозавр боялся пираний и сохранил этот страх на всю жизнь после

того, как однажды он решил попить воды из ванной, но в нос ему вцепился добрый десяток рыбин. Дедушкины пираньи признавали только его, а на остальных «имели зуб».

— Кто вопил на площадке? — испуганно спросила мама.

— Икса, — ответил я.

— Твоя учительница? Он ее не съел?

— Мам, как ты можешь так плохо думать о Шпроте? — обиделась за ящеренка Нюсяка, вечно защищавшая обжору.

Я кратко рассказал им, что произошло.

— Наверное, уже бежит звонить в милицию, что в подъезде динозавр, — сказал я.

Мама и дедушка схватывали на лету. Я люблю свою семейку за то, что в критические минуты она обладает способностью сконцентрироваться и принять правильное решение.

— Нельзя терять ни минуты! — сказал дедушка. — Тиранозавра нужно вывезти отсюда. Макс, ты ловишь крытый грузовик, платишь шоферу и подгоняешь его к подъезду! Нюсяка и Леедла, вы убираете в квартире и уничтожаете следы его пребывания.

Но как мы ни спешили, вывести ящера из подъезда незамеченным было невозможно. На лестнице раздавалось множество голосов: соседи, набравшись смелости, повыскакивали из квартир, чтобы выяснить, что произошло.

Громче всех был перепуганный голос Иксы:

— Мне не померещилось! Он был у мусоропровода и рылся в нем!

— Кто? Грабитель? — спрашивал басом сосед с нижнего этажа, полковник в отставке.

— Да нет же, говорю я вам! Чудовище! Настоящее чудовище — чешуйчатое, зубастое, наподобие прямоходящего крокодила! Оно хотело сделать со мной что-то ужасное, воспользовавшись тем, что очки запотели! — взвизгнула Икса.

— Прямоходящий крокодил? Как же он выглядел? — насмешливо спросил полковник, решивший, что перепуганная женщина заговаривается.

— Он со мной разговаривал и стоял на задних ногах! И хвост у него был метра полтора!

— Он ходил или ползал?

— Вначале он не двигался, а потом стал прыгать! — засомневалась Икса. — Он стоял у мусоропровода и щелкал зубами!

— Значит, зубами щелкал? И где он, ваш крокодил? — с раздражением спросил полковник. — Я дошел до последнего этажа, но на площадках никого нет, а убежать вниз он не мог.

— Он и не убегал! Он исчез куда-то! Испарился! Я бросила в него последней сумкой, а он — пшик! — и испарился!

Едва не плача, Инна Ивановна села на ступеньку.

— Должно быть, это чьи-нибудь дети, — предположила пожилая соседка. — Надели страшные новогодние маски, выскочили из квартиры и напугали вас!

— Паршивцы! Так недолго и до инфаркта женщину довести! — посочувствовала соседка сверху. — Небось и лифт они сломали, вечно кнопки поджигают...

— Может, вызвать милицию? — спросила Икса.

— И рассказать ей про крокодила, который рылся в мусоропроводе и растворился в воздухе, когда вы стали визжать и швырять в него продукты? Сейчас полнолуние,

все психи возбуждены. Знаете, сколько сейчас таких дурацких звонков! — съязвил полковник.

Соседи помогли Иксе собрать рассыпанные на лестнице продукты, правда, хозяйка не досчиталась окорочков и тушенки, и проводили поникшую учительницу до квартиры.

В милицию Икса звонить не стала, потому что начала сомневаться, существовало ли чудовище на самом деле или только померещилось ей. «Все обошлось. Она собирается выпить успокаивающий чай с бальзамом и ляжет спать», — сказал дедушка Апрчун, заглянув к ней в сознание.

— Макс, почему она назвала ящеренка прямоходящим крокодилом? Она не знает слова «динозавр»? — полюбопытствовала Нюсяка, после того как соседи, переговариваясь, разошлись по своим квартирам.

— Наверное, не знает. Она ничем не интересуется, кроме игреков и формул, — сказал я.

— Бедная! — посочувствовала мама. — Представляю, что ей пришлось из-за нас пережить. Нужно будет подбросить ей в почтовый ящик золотой слиток или несколько рубинов. Быть может, это ее утешит!

С тех пор мы стали гораздо внимательнее следить за Шпротом, решив при первой возможности перевезти его в ангар. Но был конец февраля, в ангаре холодно, и мы на пару недель отложили переселение тиранозавра.

Вскоре наша домашняя коллекция «безобидных зверушек» пополнилась летающим ящером, и с новым питомцем появились новые проблемы.

Глава седьмая ЛЕТАЮЩИЙ ЯЩЕР

Настоящий ученый не задаст вопроса: «Зачем скрещивать пингвина с чемоданом?» Он спросит: «Как?»

Папа Фритт

Через несколько дней, ближе к вечеру, в квартире появился Фритт. Он выглядел смущенным и прятал что-то под плащом.

— Что там такое? Выкладывай! — потребовала мама.

Папа вздохнул, раздвинул на груди плащ, и мы увидели птенца летающего ящера. Он крепко вцепился в подкладку тремя длинными пальцами с когтями, которые росли на передних лапах. От четвертого — непомерно длинного мизинца — тянулась кожистая перепонка. Морда у ящера была вытянутой, с крепким коричневым клювом. Когда он разинул клюв, показался ряд острых зубов треугольной формы. Этот «птенчик» напоминал птеродактиля, если бы не длинный хвост с ромбовидным окончанием, служащий для изменения направления полета. Хвост оказался для меня самой верной подсказкой.

— Знаешь, кто это? — спросил папа.

— Рамфоринх, — уверенно ответил я.

Папа взглянул на меня с уважением.

— Точно, — кивнул он. — «Рамфоринх», именно так было написано на образце клеток. А я думал, ты скажешь: птеродактиль.

— С хвостом? — улыбнулся я, пользуясь случаем продемонстрировать свою осведомленность. — Птеродактиль отличается от рамфоринха отсутствием хвоста с ромбовидным окончанием. Есть, конечно, и другие морфоло-

гические отличия вроде строения челюсти или длины крыла, но не буду о них упоминать.

— Если ты такой умный, может, скажешь, чем питается эта зубастая канарейка? — усмехнулся папа. — Клонирование закончилось всего три часа назад, но она успела известить меня своим визгом.

Немедленно, подтверждая слова папы, рамфоринх издал пронзительный писк, похожий на крик чайки. Я точно не помнил, что едят летающие ящеры, хотя по когтистым задним лапам и острым зубам было ясно: овощи и фрукты нашему птенчику предлагать бесполезно.

— Попробуй рыбу! — предложил я неуверенно.

И действительно, когда мы принесли из кухни замороженную треску, он разинул клюв, оказавшийся достаточно вместительным, и заглотил всю рыбину целиком. На какое-то время его шея раздулась, как горло удава, поймавшего кролика.

— Он не подавится? — забеспокоилась Нюсяка, жалея малютку рамфоринха, но не решаясь взять его на руки из-за острых когтей и зубастого клюва.

Но волновалась она напрасно — рамфоринх не подавился. С минуту он висел на папином плаще неподвижно, выпучив глаза, после чего вновь ощутил голод и разразился требовательным криком.

Тиранозавр Шпрот стоял рядом с нами, переводил взгляд с нас на птенца и с птенца на нас, не понимая, что за существо мы притащили в дом и почему оно вопит.

— Нельзя сказать, чтобы Шпрот был очень ему рад. А странно: они ведь ровесники, из одной эпохи! — сказала мама.

— Из одной эпохи? Как бы не так! Рамфоринх на десять миллионов лет старше. Ты считала бы своим ро-

весником человека, который старше тебя на десять миллионов лет? — иронически спросил папа.

— Главное не годы, а на сколько лет себя чувствуешь! Тело старо, а дух молод! — обиделся дедушка Апрчун, не любивший разговоров о возрасте и отказавшийся отмечать прошлой весной свой двухсотлетний юбилей.

С подозрением, свойственным амфибии, которая недоверчиво относится ко всему, что живет не в воде, дедушка разглядывал летающего ящеренка. Но стоило ему приблизиться, как малютка рамфоринх сделал неуловимый выпад головой, и зубастый клюв, проникнув в горлышко банки, схватил любимую пиранью Апрчуна. Дедушка не успел ничего сделать, как рамфоринх ловко подбросил рыбу вверх и проглотил, широко раскрыв клюв. Пиранья мигом оказалась в желудке.

Дедушка молча посмотрел вначале на ящера, потом в свою пустую банку, горько пошевелил губами, повернулся и зашлепал в ванную. Малютка рамфоринх щелкнул пустым клювом и с видом победителя покосился на нас, словно спрашивая: «Видали?»

— Рамфоринхи питаются рыбой. Готов в этом поклясться! — уверенно сказал папа.

— Бедный дедушка, он так любил свою кусачку! — расстроилась Нюсяка и наморщила нос, собираясь заплакать, но передумала и заявила: — А вообще-то она была противная!

Так у тиранозавра Шпрота появился конкурент, младший брат, который отнимал у старшего часть родительского внимания. Через какое-то время мы обнаружили, что рамфоринх — вовсе не брат, а сестра, или, как смешно объясняла Нюсяка, не «птенец, а птенчиха». Она же придумала имя для нашего летающего ящера и назвала ее

Рамой. Имя сразу прижилось, потому что оно звучало похоже на «рамфоринха», но произносить его было гораздо проще.

Глядя, как подрастающая Рама неуклюже планирует со шкафа на пол, меняя направление полета своим длинным хвостом, или терпеливо подкарауливает у дверей ванной в надежде слопать дедушкиных пираний, а рядом Шпрот с хрустом разгрызает толстенное говяжье бедро, я не верил, что прошло уже семьдесят миллионов лет с тех пор, как в результате катаклизма с поверхности планеты навсегда исчезли динозавры — морские, пресноводные, сухопутные, летающие или бегающие, хищные и травоядные. И спустя тысячелетия мост через времена перекинут, и у нас дома живут существа, появившиеся из глубин истории, свидетели прошлого планеты — эпохи колоссов и великанов.

Впрочем, и Рама, и тирекс Шпрот не ощущали себя созданиями давно минувшего и не несли груза миллионов лет. Часто они вели себя легкомысленно, как молодые и недавно появившиеся на свет существа. Рама никак не могла понять, что такое стекло, и билась в него, пытаясь вылететь на улицу, а однажды мы проснулись от жалобного вопля. Летающий ящер атаковал кактус, стоявший в горшке на подоконнике, и колючки впились ему в горло.

Шпроту нравилось рассматривать в зеркале свое отражение, он принимал грозные позы и щелкал устрашающе, очевидно желая напугать неизвестно откуда взявшегося конкурента.

До окончания клонирования остальных динозавров оставалось около месяца, и мы все чаще задумывались, что будем делать с оравой гигантов. Все понимали, что

не сможем их прятать и рано или поздно тайное станет явным.

Единственным, кого ничто не беспокоило, был наш папа. Его увлекал сам процесс клонирования новых динозавров из восстановленных хромосом, а остальное его не интересовало. Фритт даже к Раме и Шпроту потерял интерес и был занят остальными динозаврами, зародыши которых успешно подрастали в резервуарах с питательной смесью. Отец звонил каждый день по радиотелефону из ангара и спрашивал вскользь: «У вас все нормально? Отдыхаете?» — а мама была готова его убить, потому что с Рамой и Шпротом наша жизнь превратилась в бесконечный процесс кормления.

«Для вашего отца наука — игра с непредсказуемым результатом», — недовольно ворчал дедушка. У Апруна прибавилось забот, главная из которых была защита пираний от Рамы, упорно считавшей их своей добычей.

Но однажды парочка домашних динозавров оказала нам хорошую услугу. Я и сейчас не могу вспомнить об этом без смеха, хотя тогда нам было совсем не смешно.

Я буду описывать все по порядку, лишь подожду, пока стена нашего дома перестанет вздрагивать. Сейчас об нее вздумал затупить рога трицератопс Альфонс, появившийся в Москве в числе многочисленных ящеров. Его дразнили братья-близнецы Фигасовы со второго этажа, швыряя сверху пакеты с водой. Эти Фигасовы когда-нибудь «дофигачатся», я им обещаю.

Глава восьмая
ДИНОЗАВРЫ, ИГОРЬ РЫЛОВ
И МИШКА УРСУФЬЕВ

— Ваш динозавр не кусается?

— Нет, он сразу глотает!

Из разговора двух прохожих

Я регулярно фотографировал динозавров и снимал на видеокамеру, чтобы иметь полную картину развития этих гигантов. Чтобы не тратить времени на проявку и получать сразу готовые фотографии, щелкать динозавров мне приходилось «Полароидом». За месяц у меня накопилось сотни четыре редчайших снимков и десятков трехчасовых видеокассет.

Это было хорошее начинание, но я по собственной неосторожности едва из-за него не поплатился. У меня не было времени систематизировать фотографии и вкладывать в альбомы, они были разбросаны по всей комнате, лежали пачками на столе, стульях, шкафу и на полу среди блинов от штанги, мешков с песком для копирователя и прочего хлама. Сложности с наведением чистоты в комнате возникали и раньше, а с появлением «хищничков», как дразнила динозавров Нюсяка, я совсем забросил уборку и стал жить, как в хлеву. Однажды, заучивая для школы стихотворение Пушкина, я по рассеянности заложил страницу в книге снимком тирекса Шпрота, забыл фотографию вытащить и принес вместе с хрестоматией в класс.

На литературе я не открыл его из-за того, что мы с Ленкой Родионовой посылали друг другу записки. Вернее, Ленка писала мне длиннющие послания, подробно перечисляя свои переживания, сложности и метания, а я, чтобы не обидеть ее, каждый раз отсылал клочок бумаги с единственным словом «угу». Я давно заметил, что Ленка

не любит чужих слов, а ценит лишь свои, и мои записки не отвлекали ее от собственных мыслей. Родионова любовалась лаконичностью моего «угу», и сердце ее пело, так как она решила, что я понял девичьи переживания и сложный внутренний мир.

Игорь Рылов, сидевший на парте передо мной, повернулся и прошипел:

— Слышь, Макс, дай хрестоматию! Я свою дома забыл!

Занятый чтением очередной записки, я машинально протянул Рылову книжку, забыв о закладке, и вспомнил только в конце урока, после того как Игорь весь изъерзался на стуле. Раз десять он оборачивался ко мне с таинственным видом заговорщика и зловеще подмигивал.

Игорь Рылов, тощий вертлявый парень с бегающими глазками и вечно нечищеными зубами, с третьего класса готовился к профессии частного детектива. Он и книжки читал только соответствующие, и говорил всегда об этом, и был весь скрытный, зажатый и неприятный. От него ежеминутно можно было ожидать пакости: то чей-нибудь стул мелом намажет, то рюкзак спрячет и ни за что не признается.

Мишка Урсуфьев был единственным, с кем Игорь дружил. Эта парочка славилась своими хулиганским выходками по всей школе, и учителя с тревогой задумывались, что будет, когда они перейдут в старшие классы.

Вот-вот должен был прозвенеть звонок, когда я вспомнил про фотографию и задумался, не с нею ли связаны подмигивания Рылова. При мысли, что этот прирожденный шпион узнает о наших динозаврах, у меня по спине пробежал холодок.

Едва закончился урок (а он был последним), я подошел к Рылову и потребовал:

— Гони хрестоматию!

Игорь, усмехаясь, протянул мне книгу. Я перелистал ее, но фотографии между страницами не было. Рылов заржал, нагло глядя на меня. Я начал злиться, но сдерживал себя, зная, что ни к чему хорошему это обычно не приводит. Чтобы успокоиться, я перевел дыхание. Игорь зорко наблюдал за мной, и его глазки бегали, как у хорька.

— Где? — спросил я тихо, но внятно.

— Что где? — лицемерно удивился Рылов. — Никакого твоего «где» у меня нет. И вообще я отправляюсь на перемену.

Он подошел к Мишке Урсуфьеву, отозвал его к окну, и они о чем-то зашептались. К тому времени класс опустел, все разбежались по домам, и в нем остались только мы трое. Я сел на парту, соображая, как мне поступить. Фотография у них — это ясно. Отобрать ее я успею, но как стереть воспоминания о ней? Даже мой дедушка-телепат был бессилен, и я выпругал себя за опрометчивость. И зачем было закладывать книгу снимком тиранозавра? Не мог найти клочка бумаги или запомнить номер страницы?

Пока я размышлял, эти идиоты приблизились ко мне и замерли как истуканы: Мишка впереди, а Игорь сбоку. Вид у них был заговорщицкий. Уставившись на меня многозначительным взглядом, Урсуфьев хлопнул меня по плечу и потребовал:

— Сознавайся, Макс! Скидка выйдет!

Я начинал кипеть. С детства ненавижу грубости и этого покровительственного тона. Боясь сделать что-нибудь непоправимое, я незаметно стиснул пальцами парту, и почувствовал, как гнутся железные крепления.

— Не корчи из себя дурачка! Сознаешься или нет? — нетерпеливо повторил Урсуфьев.

— В чем?

— А в том! Откуда у тебя динозавр? — взвизгнул Рылов и взмахнул перед моим носом карточкой.

На снимке был тирекс Шпрот, грызущий говяжье бедро, а рядом с ящером виднелась из-за двери голова Ньюсяки. Сцена ожила в моей памяти, я вспомнил, что включил вспышку, когда сестра открыла дверь. По-моему, тогда она, как обычно, грызла мыло и пускала пузыри, но на фотографии это не было заметно.

— Откуда динозавр?

— Из музея восковых фигур, — довольно спокойно объяснил я. — Там экспонаты выглядят как настоящие!

— Не держи нас за идиотов! И твоя сестра из музея восковых фигур? И коридор из музея? — Рылов скорчил такую мину, что его лицо стало походить на морду собаки-шарпея.

— Зачем держать вас за идиотов, когда вы идиоты и есть? Сестра со мной пришла, а коридоров везде полно! — попытался вывернуться я, но по физиономии будущего детектива сообразил, что сел в лужу.

Мог бы сразу догадаться, что тощего противного Рылова не проведешь. Он был прирожденным сыщиком-занудой, который держал в памяти тысячи мелочей.

— Какого числа ты был в музее? — задал он невинный вопрос.

— Не помню... Кажется, в прошлом месяце, — растерялся я.

— Почему на фотографии позавчерашний день? — торжествующе завопил Игорь и ткнул пальцем в угол «полароидной» карточки.

И вновь юный самоучка загнал меня в тупик: я забыл, что на снимках автоматически проставляются дата и вре-

мя. Мишка Урсуфьев топтался рядом и, хотя понимал гораздо меньше Игоря, определенно подозревал меня во вранье.

— Колись! Откуда у тебя динозавр? — потребовал Урсуфьев.

Тут я не сдержался, за что впоследствии ругал себя. Резким движением я выхватил у Рылова фотографию и сунул в карман.

— Отдай! Живо отдай! — завопил Игорь. Он бросился на меня, но я слегка оттолкнул его, и он растянулся на полу.

— Поздравляю! Ты нарывался, нарывался и нарывался! Можешь складывать зубы в стакан! — мрачно сказал Мишка.

Урсуфьев давно искал повода для драки, который сейчас у него появился. Он неторопливо подошел к дверям класса, запер их на задвижку и изобразил низкую стелющуюся стойку, нечто вроде того, что показывают в японских фильмах по единоборствам.

— Это называется «дракон, охраняющий храм», — объяснил он мне, точно сожалея, что ему придется сделать из меня котлету, но ничего уже поделать нельзя.

Понимая, что драки не избежать и нужно лишь, чтобы она не закончилась для одного из нас — и мне было известно для кого — траурным маршем, я перешагнул через Рылова, который продолжал сидеть на полу, трясая головой, и шагнул навстречу Мишке, держа опущенные руки вдоль туловища.

— Вставай в стойку! — крикнул Урсуфьев.

Он решил превратить меня в грушу для отработки ударов, но ему нужна была видимость, что я защищаюсь.

— Ты уверен, что не передумаешь? — спросил я на всякий случай.

— Еще как уверен! Вставай в стойку или я размажу тебя по стене! — заорал он.

Я спокойный человек, но и меня можно вывести из себя. Когда я поднял кулаки и изобразил нечто вроде простейшей боксерской стойки, Мишка сделал ложный выпад рукой и с отвлекающим криком попытался нанести удар ногой мне в голову. Я едва ушел от удара, а Урсуфьев обрушил на меня град новых. Некоторые из них доставали меня, но я не ощущал боли, думая о том, как бы случайно не покалечить соперника.

— Давай! Прикончи его, Мишка! — подначивал Рылов, прыгая за партами.

Он хотел броситься мне под ноги, но я задвинул Игоря столом так, что он споткнулся и исчез под опрокинувшимися стульями.

Два или три раза Мишка пытался применять вертушки и другие сложные приемы, которые хороши в кино, а в реальной драке редки. Я уходил от ударов, поэтому Урсуфьев не мог получить ощутимого преимущества и злился еще больше. В конце концов, забыв о приемах, он налетел на меня с кулаками и занес ногу для удара мне в живот.

Он мне окончательно надоел, я поймал ногу и сильно дернул. Схватив Мишку, я встряхнул его, как куклу, и поднял вверх на вытянутых руках. Оказавшись высоко над полом, Урсуфьев испуганно затих. Я перехватил Мишку одной рукой, чтобы поправить упавшие на глаза волосы. Из-под парты высунулась потрясенная физиономия Рылова. Продолжая держать Урсуфьева над головой, я присел, схватил Игоря за шкурку и выволок из-под парты. Трус цеплялся руками за нее и дрожал.

— Ты не припомнишь, кого недавно советовал прикончить? — спросил я, приподнимая его немного над полом так, что ступни Игоря оказались в воздухе.

— Н-никого! — пропищал Рылов.

— Точно никого? — переспросил я.

Он пару раз качнул головой.

— Если так, то смотри у меня! — Я взглянул на него строго, разжал руку и отпустил.

Жестокий трусливый слизняк был омерзителен, я чувствовал, что как личность он вполне сформировался и останется таким лживым, мелким и подленьким на всю жизнь. Как говорил по радио один психолог, формирование личности заканчивается к одиннадцати — двенадцати годам и потом исправить что-нибудь в человеке исключительно трудно. Лет через десять Рылов научится прятать свою подлость, станет хитрее и осторожнее, но едва ли изменится и станет лучше, чем в свои двенадцать с половиной.

Урсуфьев был не подл, но туповат и самовлюблен. Когда он закончит школу, станет работать в милиции или с рацией охранять банк.

Но это — дела далекого будущего. В ту минуту я сделал несколько шагов и бережно посадил его на шкаф. Почувствовав под собой опору, Мишка вздохнул с облегчением.

— В следующий раз ты так дешево не отделаешься. Я могу не только блокировать удары, но и наносить. Ты понял? — предупредил я.

Урсуфьев угрюмо молчал. Он быстро и довольно ловко спрыгнул со шкафа, не глядя на меня, фальшиво насвистывая, открыл дверь класса и вышел в коридор. Он старался предельно сгладить свое поражение, но и я и

Рылов, выскочивший следом за другом, понимали, кто победил.

Так как дело было после уроков, об этой стычке никто в классе не узнал, и поэтому мой престиж не повысился. Рылов и Урсуфьев по понятным причинам держали язык за зубами, я тоже не распространялся. Напротив, злился на себя, что приоткрыл свои сверхвозможности, которые скрывал семь лет пребывания в школе.

«Нет смысла привлекать к себе внимание. Реклама нужна только мылу, чтобы привлечь голодных Нюсяк», — говорила порой мама и, не имея возможности летать на улице, порхала по квартире. Услышав о мыле, Нюсяка мечтательно вздыхала, особенно когда у нее начался диатез и ей на обед и ужин стали давать кашу из стирального порошка.

«Подумаешь, диатез! — ворчала сестренка. — Полстакана зеленки натошак — и никакой сыпи!»

Но напрасно я надеялся, что Рылов и Урсуфьев забудут о фотографии. Напротив, моя сила лишь возбудила их любопытство, и они решили — вполне справедливо, — что у меня есть основания что-то скрывать. В тот же день, возвращаясь из школы, я заметил, как они следят за мной, крадись сзади на почтительном расстоянии. Я не имею привычки оглядываться и не обнаружил бы их, если бы Рылов для конспирации не прятался за машины, столбы и не нырял бы в сугробы, что привлекало всеобщее внимание. Увидев улыбки на лицах идущих мне навстречу прохожих, я оглянулся и заметил парочку сыщиков-самоучек, которые нырнули за автобусную остановку.

Я догадался: ни Рылов, ни Урсуфьев не знают, где я живу, и решили проследить за мной до дома.

«И проучу же я вас, голубчики!» — подумал я и быстро пошел вперед, больше не оборачиваясь, но чувствуя, что оба продолжают за мной красться.

Я неплохо знал район и поэтому повел их закоулками, путая следы. У меня созрел неплохой план, как оторваться от погони. Я подвел Мишку с Игорем к длинному бетонному забору, за которым располагался овощной склад, и, перемахнув через него, спрыгнул в сугроб. Я знал, что на складе живет злая собака — помесь бультерьера и овчарки. Пес сначала погнался за мной, но мое появление было для него неожиданностью, и я успел пробежать у кривоногого пса перед носом и вскочил на забор в другом конце склада. Я уселся на заборе, наблюдая, что произойдет дальше.

Когда в сугроб у конуры спрыгнули Урсуфьев и Рылов, разозленный пес встретил их во всеоружии. Не залавав и не зарывав, ибо это был бойцовый пес, а не какая-нибудь дворняга, он бросился к Мишке и Игорю с явным намерением разорвать их в клочья. Увидев, как пес мчится к ним, Урсуфьев и Рылов мгновенно оценили ситуацию и завопили. Лезть обратно на забор поздно и не за что уцепиться, и горе-сыщики сделали единственное, что могли: один за другим перекувырнулись через край полупустого мусорного бака, стоявшего во дворе около гаража. Для коротконого сторожа бак был слишком высоким, и он не мог запрыгнуть туда следом за ними, а только захлебывался в громком лае, царапая снаружи железо лапами.

Чтобы проучить этих шпигов основательнее, я перепрыгнул с забора на крышу гаража, хлопнул крышку контейнера, в котором притаилась эта парочка, а сверху бросил старое колесо от БелАЗа, которое сам с трудом поднял. Правда, при этом бультерьер чуть не вцепился

мне в штанину, но я успел вскочить на гараж. Посмотрев сверху на огромное колесо, запиравшее крышку контейнера, я поразился величине этой шины. БелАЗы — карьерные грузовики, которые в Москву не пропускают, и почему старое колесо оказалось здесь — неизвестно. Как бы там ни было, оно пришлось очень кстати.

Я был уверен, что Урсуфьеву с Рыловым придется провести в мусорном контейнере не один час, прежде чем кто-нибудь их освободит. Задохнуться они не могли, хотя наверняка вонь в их темнице была страшной. Я перелез через забор и, помахав на прощанье рычащей собаке, направился домой.

В квартире навстречу мне бросился тиранозавр Шпрот, но, не дожидаясь, пока радостная туша из самых добрых побуждений сшибет меня с ног, я увернулся и успел проскользнуть в кухню.

Я успел как раз к обеду. Во главе стола сидел довольный дедушка и столовой ложкой доедал третью банку майонеза «Провансаль». Рядом с ним мама, всегда следившая за фигурой, охотилась вилкой за горошинами из салата, а Нюсяка с тоской ковыряла ложкой в тарелке с кашей из стирального порошка.

— Мне бы мыльца... Мыльца бы мне, а? — ныла она, но мама делала вид, что не слышит.

— Как прошел день в школе? — спросил дедушка.

— Нормально, можно сказать, обычная рутина, — заявил я, вымыл руки и сел обедать.

Не помню, писал ли я, что съедаю на обед три круга швейцарского сыра и две банки синтетического клея ПВА? Вы когда-нибудь пробовали клей? И не пытайтесь, потому что для нормального человека — это мгновенная

смерть и лишь для меня — десерт. Я клей люблю и могу есть его в любых количествах.

Как-то родители спорили, почему мы с Нюсякой получились такие странные. Ведь никто из наших предков, ни бабушки, ни прапрадедушки, проводившие всю жизнь на Ирксилоне, никогда не ели ни клея, не пили шампуней, а были инопланетянами патриархальными и уравновешенными. Мама решила, что на нас повлияли определенные мутации из-за нарушенной земной экологии и чрезмерной солнечной активности. Наш народ быстро приспосабливается к различным условиям обитания, поэтому неудивительно, что у каждого на нашей планете проявляются необыкновенные свойства.

Пока мы обедали, Рама сидела на кухонном шкафу и выжидала подходящий момент. Она резко спланировала вниз, расставив кожистые крылья, схватила со стола кусок мяса, и он мгновенно исчез в ее вместительной глотке.

Дедушка сердито закричал на Раму, и летающий ящер, зацепив лампу, взмыл на шкаф. Крыльями она работала плохо, и амплитуда ее взмахов передними лапами и особенно длинным мизинцем, к которому крепилась перепонка, была небольшой. Видимо, в природных условиях рамфоринхам сложно было взлетать с земли, и они выбирали возвышенные участки, деревья или скалы, с которых планировали.

— Деда, интересно, скоро у нас появятся новые динозаврята? — наивно спросила Нюсяка.

Дедушка и мама одновременно вздрогнули и покосились за дверь, будто она вот-вот распахнется и в нее хлынет поток динозавров. Тогда это показалось мне смешным, но теперь, когда стекла сотрясаются от рева огромных ящеров, я хорошо понимаю испуг моих родственников.

Но Нюсяка не обладала особой проницательностью и как ни в чем не бывало продолжала:

— Мне бы хотелось мягонького шерстяного динозаврика, похожего на котенка, и чтобы он мурлыкал.

— Может, тебе завести котенка?

— Нет, не котенка, а именно динозаврика! — требовала Нюсяка.

Я давно заметил, что она начинает капризничать, когда ей приходится есть кашу из стирального порошка.

— Хватит, не хочу больше слышать о динозаврах! — воскликнула мама и выскочила из кухни. Но в коридоре на нее налетел радостный Шпрот, лизнул маму в лоб шершавым языком и сочувственно проскрипел дедушкиным голосом:

— Ваше чудовище загораживает проход! Брысь, ящерица!

И тут мамино терпение лопнуло. Она заплакала и засмеялась одновременно, у нее началась истерика. Мы стали успокаивать маму, и больше всех переживал Шпрот. Ящер ворвался в комнату и, с оглушительным грохотом прыгая вокруг мамы, повторял с ее интонациями:

— Он же не виноват! Он же животное!

Наконец мама успокоилась, и мы отлично провели вечерок: сидели в большой комнате у телевизора вместе с динозаврами. Рама смотрела на экран сосредоточенно и неодобрительно, не отрывая от него немигающего взгляда.

— Она у нас дама серьезная и критическая! — весело сказала мама.

— Как воспитательница у нас в садике! — уточнила Нюсяка.

Тиранозавр в отличие от Рамы смотрел передачу невнимательно, то и дело вскакивал, вертелся, повторял отдельные фразы, а в конце вечера умудрился задеть те-

левизор хвостом, и бедная японская техника опрокинулась, ослепительно мигнула и навсегда погасла.

— У нас остался музыкальный центр, — успокоил нас дедушка.

Мама покачала головой:

— А вот в этом ты ошибаешься. Я забыла сказать: сегодня Рама тренировала на нем удары клювом.

Нюсяка взглянула на сидевшую на ручке кресла с независимым видом Раму:

— А зачем она это делала?

— Должен же динозавр на чем-нибудь практиковаться? Хорошо хоть стекла целы, — со страдальческим видом произнесла мама, и на этой оптимистичной фразе вечер закончился.

На другое утро в школе меня ждали новые волнения.

Я точно не знаю, когда именно Урсуфьев и Рылов выбрались из мусорного бака, но в классе они остерегались смотреть в мою сторону, и я чувствовал, что они яростно ненавидят меня. Наверное, они мылись не один раз, но от них пахло мусором, и девчонки морщили носы, обходя их за версту. Даже Икса, войдя в класс, принялась и спросила: «Что у вас тут гниет?»

Трудно сказать, как этим сыщикам удалось узнать мой домашний адрес, может, Ленка Родионова разболтала или подсмотрели в классном журнале, но в тот же вечер я обнаружил возле нашей квартиры неумело сделанное подслушивающее устройство.

В его основе был диктофон с батареей, от которого микрофон тянулся под нашу дверь. Диктофон был спрятан на площадке в коробке, где стоит электрический счетчик. Если бы Нюсяка, возвращаясь домой, не запуталась ногой в проводе, мы бы его не нашли.

Я подменил в диктофоне кассету и наговорил на нее много поговорок, типа: «Любопытной Варваре нос оторвали» и «Много будешь знать — скоро состаришься». Мы с Нюсякой покатывались от хохота, представляя, как вытянутся физиономии горе-сыщиков, когда они его включают.

На другой день диктофон из коробки со счетчиком исчез и больше не появлялся, а парочка детективов наблюдала за нашими окнами в бинокль из подъезда противоположного дома. Об этом сообщил мне дедушка, уловивший их мысли, но еще раньше я заметил, как в их бинокле появились солнечные зайчики. Мы задержали во всех комнатах шторы, и сыщикам пришлось убраться восвояси.

Но разведка и шпионаж на этом не прекратились. Неугомонная фантазия Рылова не давала нам спокойно спать. Однажды они позвонили по телефону и молчали в трубку, а тиранозавр Шпрот, которого молчание вполне устраивало, целый час терпеливо разговаривал с ними, повторяя одно и то же: «Хрр... Примите факс!» — и мастерски воспроизводил факсовые сигналы. Этому он научился из какого-то фильма, и ему понравилось.

Через день после провала операции с биноклем Рылов и Урсуфьев подошли к Нюсяке, когда она играла во дворе, и стали спрашивать про динозавров, надеясь, что она проболтается. Но сестра говорила о чем угодно, только не о наших питомцах, и шпионы ушли несолоно хлебавши, узнав только, что Нюсяка умеет пускать мыльные пузыри и любит мультики.

— Хорошо хоть они не спросили, КАК она пускает мыльные пузыри! Она бы им поведала много интересного! — заметил дедушка.

— Еще они хотели угостить меня шоколадом, но я им сказала, что терпеть его не могу! — радостно сообщила Нюсяка. И правда, шоколада она не любила, а подкупить ее мылом эти ослы не догадались.

Попыток было немало, но я запомнил только самые нелепые. Как-то они подслушивали у замочной скважины, пока дедушке это не надоело. Он резко распахнул дверь и окатил их водой из таза.

А чего стоит уникальная по бездарности попытка спустить на веревке к нашей форточке диктофон? Мы живем на восьмом этаже, а они спускали с шестнадцатого! Одной веревки понадобилось метров тридцать, да и диктофон ветром раскачивало и ударяло о стену. До нашей форточки диктофон так и не дотянулся. Кто-то из верхних жильцов, мимо окна которого он проплывал, срезал его.

Но правду говорит пословица: «Если долго мучиться — что-нибудь получится». И Урсуфьеву с Рыловым удалось все-таки увидеть динозавров, но произошло это при таких обстоятельствах, которые, я уверен, запомнятся им на всю жизнь и о которых они будут рассказывать своим внукам, хотя я совершенно не представляю этих прохиндеев в роли дедушек...

Сейчас за окном раздался гул. Я подбегаю и вижу схватку двух трицератопсов, Альфонса и Ларисы... Наблюдать такое в городе своими глазами — один шанс из десятков миллионов, и я не хочу его упустить. Но, к сожалению, из наших окон видно плохо. Я оставляю компьютер, а сам бегу на улицу...

Уф! Только что вернулся! Оказывается, трицератопсы раздавили машину, на которой приехали телевизионщики, но те успели отбежать, продолжая снимать на видеокамеру. Когда спустя двадцать минут поединок за-

кончился, оказалось, что это была игра и оба гиганта, наигравшись, потом мирно паслись рядом.

Пока меня не было, дедушка, которому надоело сидеть в ванне, забрел ко мне в комнату, сел у компьютера и прочел мои записи. Я думал, он будет недоволен тем, что я рассказал о нашем инопланетном происхождении, но Апрчун сказал, что в теперешней неразберихе никто нас не найдет и можно писать о чем угодно. Даже если прочтут — не поверят. Более того, дедушка и сам вдохновился творчеством. Он перетащил в ванную комнату мой компьютер, поставил его на стул и заявил, что хочет сам написать главу. Надеюсь, он не уронит компьютер в ванну. Только что я помог ему присоединить провода.

Глава девятая

НРАВООУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ЖАДНОСТИ И ЕЕ ПРИСКОРБНОМ ФИНАЛЕ, НАПИСАННАЯ МНОЮ, АМФИБИЕЙ АРИСТАРХОМ С ПЛАНЕТЫ ИРКСИЛОН, С ЗАВЯЗКОЙ, РАЗВЯЗКОЙ, А ТАКЖЕ С МОРАЛЬЮ...

Название придумано самим
дедушкой.

Примеч. Макса

Мой отец начал писать мемуары, когда ему было сто шесть лет, и писал по три страницы в день, пока в двести восемьдесят лет его не настигла безвременная смерть в пасти арракулы. Когда эту хищницу убили и отца извлекли из ее брюха, он был еще жив и успел простонать: «Ах, как рано я умираю! Я не успел написать и трети того, что мог!»

За сто семьдесят три года отец написал более двухсот тысяч страниц мемуаров, на чтение которых, если кто-

нибудь отыщет время, уйдет более десятилетия. К стыду своему, я никогда не писал мемуаров, и все мои многочисленные воспоминания и приобретенный более чем за два столетия жизненный опыт могут исчезнуть вместе со мной. Увидев на столе Макса юные, поверхностные и не подкрепленные жизненным опытом заметки и тем не менее поразившись раннему уму юноши, в котором проснулся талант деда, я решил вписать и свою главу в хронику повторного заселения Земли динозаврами.

Когда, даже погрузившись в ванну с головой, я слышу доносящиеся с улицы рыки множества ящеров и дом вздрагивает от топота, я задумываюсь: имели ли мы право изменять историю планеты Земля? Смогут ли земляне ужиться с динозаврами? Боюсь, что нет. История не терпит повторений, нельзя дважды войти в одну реку.

Спустя месяц после того, как мне не позволили разводить крокодилов и вместо симпатичных скользких рептилий у нас появилось хищное сухопутное чудовище тиранозавр Шпрот, я лежал в ванной и размышлял о вечном: о цивилизации, об истории и о нашей роли в ней. Это мои любимые темы, и именно от них меня чаще всего отвлекают.

Неожиданно пираньи заволновались. Я телепатически ощутил их страх и сообразил, что крылатое недоразумение где-то поблизости. После того как она съела Джульетту, мою любимую пиранью, этот ящер с кожистыми перепонками вместо крыльев не давал мне ни минуты покоя и подкарауливал моих бедных рыб. В последний раз, когда я пошел на кухню за ящиком майонеза, к которому я питаю слабость, и забыл закрыть за собой дверь, то, вернувшись, обнаружил, что этот убийца сожрал Сильвестра и Петю и подбирается к Арнольду, который ме-

чется по дну ванной, спасаясь от ужасного клюва-гарпуна.

Выронив ящик с майонезом, я схватил Раму за хвост и вышвырнул в коридор. Но, несмотря на такое обращение, хищница, сожравшая моих рыбок, выглядела вполне довольной. После гибели Джульетты, Сильвестра и Пети у меня остались Арнольд, Лукойл и Джамиля — три бедных пираньи-сиротки, до которых не добрался древний ящер.

Полагая, что рыбы волнуются из-за Рамы, я сосредоточился, чтобы выяснить, где находится эта летающая этажерка, и внезапно уловил в непосредственной близости сильнейшие телепатические волны.

Кто-то приближался к нашей квартире с враждебными намерениями. Как многие телепаты, специально не совершенствующие свой дар, я плохо улавливаю и читаю чужие мысли, но всегда чувствую настроение моих объектов: искренность или фальшь, доброту или злобу. Сознания, которые я уловил, находились совсем рядом и были полны завистью и жадностью.

Это меня заинтересовало. «Хорошо, что дома я один. Я смогу хорошенько позабавиться!» — решил я. Я проник в сознание одного из этих враждебно настроенных существ и увидел мир его глазами. Странно наблюдать мир из чужой головы: резко меняются и цвета, и угол зрения, и в первые секунды испытываешь удивление, будто бабахтаешься в незнакомом водоеме.

Мне удалось увидеть, что я, а точнее человек, в сознании которого я находился, поднимается по лестнице. На мне ботинки с мягкой, заглушающей шаги подошвой, которая не скрипит и не стучит, а в руках — большая спортивная сумка с ломиком, клещами и другими инструментами из воровского набора. Человеку не совсем

удобно, во-первых, из-за черной шапочки с прорезями для глаз, скрывающей лицо, а во-вторых, живот холодит что-то твердое: рукоятка пистолета, заткнутого за ремень.

Я не один. Впереди меня идет толстяк, одетый как милиционер, но он только выдает себя за милиционера, и мое чутье мне это подсказывает.

— Здесь! — негромко говорит толстяк, останавливаясь на площадке.

Тот, чьими глазами я смотрю, поднимается следом и видит черную металлическую дверь. Я замечаю номер квартиры: 84 — и понимаю, что это наша дверь. Мой спутник достает ключ и вставляет в замочную скважину.

— Они сменили замки, но это не спасет их барахла, — сердито говорит он и достает целую связку отмычек.

Пока он одну за другой пробует отмычки, человек в маске настороженно озирается и достает из-за ремня пистолет иностранного производства с длинным расширяющимся глушителем. Я чувствую, что вор сам побаивается пистолета и захватил его в основном для устрашения.

Обоих грабителей я узнал сразу — это те, кого мой внук назвал Толстым и Скелетом. Глазами худого смотрю я, а его напарник подбирает ключи. Куда делся двойник Скелета, я не знал и только потом, случайно перехватив мысли грабителей, догадался, что он сидит в машине.

В прошлый раз воры ушли с хорошей добычей, утащив килограммов семь золота, не считая бриллиантов, рубинов, изумрудов и других блестящих камней, которые почему-то дорого ценятся на этой планете, и мы их периодически, чтобы не нуждаться в деньгах, изготавливаем, меняя атомные решетки.

У ног Толстого сидит большая собака бойцовской породы, которую они привели с собой. Пес тихо рычит, и

шерсть у него на загривке стоит дыбом. Воры гордятся им, потому что он победил во многих боях.

— Тихо, Ахилл, тихо! Бросишься по команде «фас»! — шепчет Толстый.

— Но у нас пистолет... — нерешительно добавляет Скелет.

— Он не понадобится. Пес разорвет в клочья даже чемпиона мира по боксу! Как-то на меня хотели напасть, и он справился с троими... Ага, готово! — Толстый наконец подобрал нужный ключ и с некоторым усилием открыл замок. Прежде чем войти, грабители переглянулись.

— Может, не пойдем? — прошептал Скелет. — Чего-то у меня в животе бурчит, а это плохой знак. Помнишь, что случилось в прошлый раз?

— Не дрейфы! — рассердился его напарник. — Здесь живет изобретатель, а остальное — твои выдумки. Наверняка старик был манекеном. Разве нормальный человек может дышать под водой?

Услышав такое, я обиделся. Мало того, что меня называли «манекеном», но и решили, что я ненормальный.

— Ты взял сумки для золота и бриллиантов? — спросил Скелет.

— Взял, — прошипел Толстый. — Но сперва достанем прибор для изготовления золота. Наверняка он где-то в доме!

Я, вынужденный слушать этот бред, покачал головой. Если бы эти глупые жулики знали Вселенную, как знаю ее я, они бы поняли, что все эти вещества не представляют никакой ценности. В Галактике немало миров, где почва усыпана алмазами, как булыжниками, и песок в пустынях исключительно золотой, а скалы складываются из изумрудосодержащих пород. Мне случалось бывать в подоб-

ных местах, поэтому жалкими слитками и мелкими бриллиантами меня не удивишь.

Натянув поводок Ахилла, Толстый приоткрыл дверь и заглянул в наш коридор. Все было спокойно и ничто не вызвало у грабителя опасений. Рама притаилась на шкафу, а Шпрота я с утра запер в большой комнате: в узком коридоре этому живоглоту тесно. Эта ходячая проблема весила более пятисот килограммов и, выпрямляясь в полный рост, упиралась головой в потолок.

Наши питомцы сидели тихо. Оба динозавра обожали прятаться и устраивать сюрпризы, внезапно выскакивая из укрытий у нас перед носом и искренне радовались, когда мы пугались. Раньше мне эти привычки тирекса и рамфоринха не нравились, но теперь я очень на них надеялся.

Кроме Рамы и Шпрота, для грабителей был приготовлен и третий сюрприз. Я посадил пираний в таз и тихонько поставил его в коридор. Рама позавчера атаковала люстру и сорвала ее вместе с крюком, на котором та висела, так что в коридоре было темно.

Я вышел из сознания Скелета, притаился в дверях ванной и стал наблюдать в щель за происходящим. Правда, в коридоре было темно, но да будет вам известно, что мы, амфибии, видим и в крошечной тьме океанского дна.

Толстый и Скелет зашли в коридор и осмотрелись. Скелет вцепился в пистолет и водил дулом по сторонам, целясь в пустоту. Толку от этого было мало, но вор был зеленым от страха, видно, прошлое посещение нашей квартиры запомнилось ему надолго и ужас не покидал его.

— Все тихо! — сказал Толстый.

— В прошлый раз тоже казалось, что все тихо, а потом раз — и я раздвоился! — дрожа, проговорил Скелет.

Ахилл натянул поводок и глухо зарычал, оскалив зубастую пасть. Шерсть у него на загривке встала дыбом, и собака настороженно присела на задние лапы.

— Он что-то чувствует! — объяснил Толстый. — У пса великолепный нюх!

Он наклонился и, отстегнув карабин на ошейнике, отпустил собаку. Ахилл рванулся вперед, исчез за поворотом коридора и надрывно залаял перед дверями большой комнаты, царапая дверь передними лапами.

— Там кто-то есть! Взять его! — завопил Скелет, пытаясь найти на стене выключатель. Толстый бросился за псом и, открыв дверь, скомандовал:

— Ахилл, фас! Взять!

Собака бросилась вперед и исчезла в комнате, уверенная в своей силе.

— Сейчас запросит пощады! Уж я-то своего пса знаю! — Толстый самодовольно потер ладони.

Но схватка затягивалась. Победный лай пса сменился жалобным скулежом. Вор заглянул в комнату и захрипел от ужаса. Перед ним стоял громадный ящер и держал в огромной пасти Ахилла. Тиранозавр сжимал пса несильно, чтобы не повредить, и не смыкал челюстей, но изредка, когда бойцовый пес пытался вырваться, слегка встряхивал его. Доисторический ящер не понимал, откуда взялось непонятное скулящее существо и зачем оно пыталось вцепиться ему в лапу.

Одним прыжком тиранозавр подскочил к Толстому и замер перед ним. Когда Шпрот увидел вора, он решил, что тот пришел к нему поиграть. Любимых игр у этого лоботряса было немного. Одна называлась держихватайка, а другая — прятки. В прятки тиранозавр сегодня уже играл, а сейчас решил поиграть в держихватайку. Это

слово придумала Нюсяка, и означало оно нечто среднее между «держи» и «хватай». Вначале тиранозавр догонял свою добычу, затем толкал одной из задних лап, сбивая с ног, а в довершение всего шелкал зубами перед самым ухом жертвы.

Доисторический ящер разжал пасть и легким движением головы зашвырнул визжащего Ахилла в другой конец коридора. Шпрот подтолкнул Толстого огромной, похожей на таран, головой, предлагая ему бежать, чтобы можно было его догонять.

— У-а-а! Монстр! Стреляй в него, стреляй! — захрипел переодетый милиционер. Он попятился и, уперевшись спиной в стену, стал осторожно отползать вбок.

Скелет вскинул пистолет, отыскивая большим пальцем предохранитель, но сзади раздались громкие хлопки, и что-то большое врезалось ему в спину. Рама тоже вступила в игру. Но называлась она не держихватайка, как у Шпрота, а напугалка. Разъяснить, что означает это слово, не берусь, поскольку догадаться, в чем состоит игра, можно, не имея моих восьми высших образований, двухсотлетнего жизненного опыта и семи пядей во лбу.

Сбитый с ног, Скелет выронил пистолет и, оглянувшись, увидел летающего ящера, который, бесшумно раскинув крылья, падал на него сверху, выставив когти и зазубренный клюв-гарпун. Рядом с этим древним чудовищем самый большой орел показался бы воробьем.

— А-а-а-а!

Хотя Рама только играла в напугалку, Скелет-то этого не знал! Оглушительно завопив и забыв о пистолете, он засеменил на четвереньках к ванной, пытаясь укрыться за дверью, но нечаянно угодил рукой в таз с пираньями, и ему в палец вцепились Арнольд и Джамиля. Заметив

таз с любимым лакомством, Рама временно забыла о Скелете и хотела сожрать моих рыб, но я быстро схватил таз и унес его, захлопнув дверь перед носом у рамфоринха.

Шпрот, недовольный, что его партнер, вместо того чтобы играть, только орет, перехватил его зубами поперек туловища, подбросил к потолку и ловко поймал. Толстый висел у него в пасти, вопил и не знал, жив он или мертв.

Скелет, увидев, что напарник в пасти чудовища, решил, что Толстого сейчас сожрут, а затем наступит и его очередь, поэтому самым мудрым решением будет немедленно удрать. Зажимая кровотокающий палец, он бросился к дверям, преследуемый Рамой, получившей удовольствие от своих напугалок.

За Скелетом, скуля, заковылял хромающий Ахилл. Едва они выскочили за дверь, как их, словно кегли, сшиб кубарем вылетевший из квартиры Толстый. Тирекс счел его бестолковой игрушкой и вышвырнул одним движением головы.

Именно в этот момент из лифта выходили Урсуфьев с Рыловым, тащившие в руках сложное подслушивающе-подглядывающее оборудование, которое они решили установить у дверей нашей квартиры. Оборудование состояло из элементов телевизора, видеокамеры и магнитофона, соединенных между собой проводами.

Не успели они вбежать обратно в лифт, как перед ними вырос выскочивший из квартиры Шпрот. Древний ящер задумчиво уставился на новых гостей, соображая, умеют ли они играть в держихватайку.

Все они: и сбитые с ног Толстый со Скелетом, и горе-шпионы — как замороженные смотрели на тирано-завра, который, выпрямившись во весь свой огромный рост, глядел на них немигающим взглядом, а потом про-

изнес загробным голосом считалку, которой научил его Макс: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...»

Следом за этим Шпрот резко бросился вперед и шелкнул челюстями всего в нескольких сантиметрах от уха Рылова, проверяя того на слабонервность. Как пишут в таких случаях в научной литературе, результаты теста оказались положительными. Нервы у одноклассников Макса оказались действительно никуда не годными.

Отталкивая друг друга и путаясь в проводах аппаратуры, горе-шпионы бросились в лифт и стали нажимать на все кнопки подряд, а грабители, сопровождаемые воющим Ахиллом, не оборачиваясь скатились по лестнице вниз и вскочили в машину, за рулем которой сидел двойник Скелета.

— Золото взяли? — спросил двойник.

— Пошел ты! Скажи спасибо, что живы остались! Смаываемся! — заорал Толстый, и машина с жуликами рванулась с места так стремительно, что задние колеса пробуксовали по асфальту.

Тем временем математичка Инна Ивановна, которую мой внук неуважительно называет Иксой, вышла из квартиры и подошла к лифту. Кнопка вызова горела, и с лифтом творилось что-то несуразное. Он то останавливался, то трогался, и у Иксы создалось впечатление, что в нем катаются хулиганы, тем более что недавно она слышала шум потасовки.

Кабинка остановилась на ее площадке, и из лифта выскочили Урсуфьев и Рылов, от ужаса не соображавшие, на каком этаже они оказались. Увидев учительницу, они испугались ее не меньше, чем тиранозавра. Математичка схватила неудачливых сыщиков за рукава.

— Вот кто поджигает в лифте кнопки! — закричала она. — Может, и на стенах вы рисуете?

Урсуфьев и Рылов вырвались и бросились к лестнице, а сзади их настигал зловещий голос:

— И чтоб завтра в школу без родителей не приходили!

Рассерженная учительница снова протянула руку к кнопке лифта, но он был занят, и не кем-нибудь, а тиранозавром Шпротом. Когда на нашем этаже остановилась пустая кабина, ящер не придумал ничего лучшего, как забраться в нее.

Пытаясь повернуться в тесной кабине, ящер нажал хвостом на кнопку, двери закрылись, и лифт тронулся. Шпроту это не понравилось, он почувствовал себя в ловушке и стал колотить головой по стенам. Внезапно лифт остановился, дверцы разъехались, и... он волею судьбы оказался на одном этаже с Иксой.

Они увидели друг друга одновременно. Тиранозавренок издал радостное гортанное: «Крр!» — и прыгнул к Иксе, которую считал своей спасительницей из пасти лифта, а та, пережившая в последние дни немало потрясений, побелела и упала в обморок. Ящер завокнулся и забегал вокруг, выражая горячее сочувствие, затем наклонился и стал дуть учительнице на лоб, как делали мы, когда у Нюсяки как-то поднялась температура.

Почувствовав на своем лице жаркое дыхание, Икса приоткрыла глаза и увидела нависшую над ней машину тиранозавра. Учительница закрыла глаза в надежде, что чудовище исчезнет, и оно действительно исчезло, но стоило ей для проверки приоткрыть правый глаз, как Шпрот вновь появился. Он стоял рядом и непрерывно повторял: «Алло... хрр!.. Я больше не буду!»

При виде говорящего ящера Икса вновь сделала попытку потерять сознание, но ей это не удалось, и с громким вздохом она приподнялась. Тиранозавр смотрел на нее дружелюбно и не думал нападать.

Ящер наклонился к Иксе и внимательно обнюхал ей руки, проверяя, нет ли в них колбасы или чего-нибудь вкусного. Пасть у ящера была такая, что в ней вполне могла исчезнуть учительница. Но, выросший среди людей, Шпрот считал себя одним из них, лишь смутно ощущая, что чем-то отличается от «собратьев».

«Пора посмотреть правде в глаза. Я сошла с ума! — с неожиданным спокойствием решила Икса. — Впрочем, вполне возможно, что я сошла с ума не окончательно, а на время. Нужно не обращать внимания, и все встанет на свои места».

Осознав, что у нее помрачение рассудка, учительница встала и решительными шагами пошла в свою квартиру. Некоторое время потоптавшись на площадке и не дождавшись приглашения, тиранозавр отправился следом за ней. Икса вошла в кухню, достала из шкафа початую бутылочку коньяка, налила рюмочку и выпила. Шпрот протянул морду, понюхал пустую рюмку и поморщился.

Решив закусить, Икса подошла к холодильнику, открыла дверцу и сделала бутерброд. На Шпрота она смотреть избегала, считая, что так он скорее исчезнет. Но тиранозавр стоял рядом. Он просунул морду в дверцу холодильника, изучил содержимое всех полок, нашел крут сыра и умял его вместе с пакетом. С таким же аппетитом ящер сожрал и ветчину. Она была вкусная, и Шпрот, почувствовав к Иксе благодарность, громко сказал: «Шпротик хороший! Шпротик умный! Шпротик милый!»

«Я никогда не была склонна к сумасшествию, хотя, с другой стороны, недавно мне снилось, что за мной гоняется уравнение $2x+y$ и бодается знаками равенства», — размышляла тем временем Икса.

Она выпила еще пару рюмочек коньяку, покосилась на тиранозавра, задумчиво жевавшего шторы, и ей пришла в голову гениальная мысль.

«Не позвонить ли мне в зоопарк? Позвоню и скажу, что у меня в доме появился сбежавший маленький динозавр. Если они мне не поверят, то ненормальной окажусь я, а если поверят, то... то ненормальные они».

Икса схватила телефонную трубку и набрала 09.

— Алло, справочная! — крикнула она. — Девушка, дайте мне телефон зоопарка!

— Это платная информация. Позвоните 009! — немедленно откликнулась дежурная.

— С каких пор телефон зоопарка стал платной информацией? — взвилась Икса, но в трубке раздался отбой.

Возмущенная математичка, решив поспорить с девушкой, снова набрала 09. Но не успела она и рта раскрыть, как почувствовала, что над ее ухом склонилось что-то массивное. В следующее мгновение тиранозавр мягко забрал у нее зубами трубку и положил на стол. Шпрот любил игру в телефон ничуть не меньше держихваталок.

— Алло! Вас слушают! — донеслось из трубки.

— Хрр... Справочная, дайте мне телефон... хрр... зоопарка! — потребовал Шпрот голосом Иксы.

Это было слишком сильным потрясением для учительницы. Математичка издала высокий прерывистый визг и сползла по стене на пол.

— Алло... алло... алло! — повторяла какое-то время трубка и запищала.

Когда Икса пришла в себя, тиранозавра не было, но на груди у нее лежала большая красная роза, которую Шпрот заботливо вытащил из вазы на столе и подарил Иксе.

Тирекс без всяких приключений вернулся в нашу квартиру, словно почувствовав, что пришел из школы мой внук Макс, который сейчас возьмет ведра и, недовольно грохоча ими, потащится за песком для копирователя, чтобы пополнить запасы говядины...

Как же, спросите вы, я узнал, что происходило в квартире Иксы, если находился двумя этажами выше? Все тем же проверенным способом: внедрившись к ней в сознание, которое в минуты потрясения излучает особенно сильные импульсы.

Теперь, когда основные события этой главы изложены, необходимо уточнить, для чего я, амфибия Аристарх, ее написал. А сделал я это для морали. Какую же мораль можно вынести из этой главы? Задал себе этот вопрос и понял, что сие неизвестно и мне самому.

Глава десятая

МЫ ПЕРЕВОЗИМ ТИРЕКСА В АНГАР. ПАПА ВПАДАЕТ В СПЯЧКУ

Если вы хотите найти клад, то уговорите кого-нибудь его зарыть и показать вам место.

Поговорка дедушки

Привет, читатели! Дедушка не успел наскучить вам? Это я, Макс! Вы удивлены, почему предыдущая глава ни с того ни с сего обрывается? Дело в том, что, увлекшись моралью, дедушка уронил клавиатуру в ванну. Он уверяет, что клавиатура испортилась от воды, хотя на ней отчет-

ливо видны следы зубов пираний. Хорошо хоть процессор с монитором остались целыми, и, заменив клавиатуру, я продолжаю повествование.

В последние недели в Москву началось настоящее паломничество туристов, и правительство осознало, что это пополнит казну. Во всех программах новостей показывают одних динозавров. Говорят, что в Подмоскovie какой-то фермер приручил стегозавра и тот заменяет ему трактор, или сообщают, что два летозавра промчались сегодня по Красной площади по направлению к Боровицким воротам.

Самой большой популярностью пользуется наш тиранозавр Шпрот, который находится в Московском зоопарке. Для людей он не опасен, но кроме зубров и яков, съел двух пони и интересуется жирафом. Наш ящер — любимец журналистов. Телевизионщики узнали, что он умеет повторять слова, и пошла мода, чтобы перед началом передачи тиранозавр объявлял ее название. Забавнее всего, когда ящер, показывая свои многочисленные зубы, словно улыбается, старательно произносит: «Прогноз погоды на завтра», а у ног тиранозавра опасно крутится симпатичная девушка с микрофоном.

— Смотри, наш Шпрот прогноз погоды объявляет! — вопит в таких случаях Нюсяка, а дедушка ворчит:

— По-моему, нашего Шпрота собрались кормить девушками из метеоцентра, — шутит Апрчун.

Я отлично помню тот день, когда тиранозавр стал слишком большим и мы не смогли больше держать его в квартире. Мы и так тянули до последнего. Шпрот едва помещался в коридоре и, чтобы развернуться головой в другую сторону, совершал сложные маневры: пятился в дверь одной из комнат, пока не упирался в стену.

«Скоро он закупорит коридор, и, чтобы вытащить его, придется разбирать дом и тянуть его подъемным краном», — говорит мама.

Тиранозавра решили переселить в ангар, где завершалось клонирование новой партии динозавров. После грустного прощального ужина, который прошел в полном молчании, папа встал и, вздохнув, негромко сказал: «Пора!» Шпрот, туловище которого было в коридоре, а голова в кухне, тоже произнес: «Пора!» — подражая папе. Ньюсяка залилась слезами, и ящер удивленно покосился на нее, не понимая, что огорчило маленькое существо.

Поздним вечером папа подогнал к самому подъезду большой грузовик. Водитель грузовика, молодой румяный парень, думал, что мы собираемся перевозить мебель, и удивлялся, почему мы это делаем на ночь глядя.

— Заплатите когда? До или после? — спросил водитель.

Мама, огорченная прощанием, с заплаканными глазами, молча сунула в ладонь шофера килограммовый золотой слиток. Она до сих пор плохо разбирается в земных мерках ценностей и вполне способна отдать за пачку вермишели в магазине крупный бриллиант. (Чаше всего, что самое смешное, его не берут, считая фальшивым.)

Шофер рассмотрел слиток при свете фар, увидел на нем высшую пробу, и нижняя челюсть у него отвисла.

— Настоящий? — не поверил он.

— Забыли разменять на бумажные деньги! — заверил я.

Шофер искоса посмотрел на нас, не стал больше задавать вопросов, а быстро замазал грязью номера на своем грузовике.

— Сделаем вот что: отвезу ваш груз, а потом забываю о вас, а вы обо мне. А то, что у меня в кузове — не мои проблемы! Я в чужие дела не суюсь! — решительно сказал он.

— Отлично! — насмешливо кивнул папа. — Моя хата с краю, я знать ничего не знаю! Двое дерутся — третий не лезет! Очень правильная житейская философия! Открывай кузов и разбери там, а то у нас довольно крупный груз!

Тем временем, убедившись, что в подъезде никого нет, я открыл дверь квартиры и позвал за собой Шпрота. Динозавр неуклюже стал протискиваться в дверной проем. Мне показалось, что он не пролезет, но в конце концов ему удалось протиснуться, и он оказался на площадке.

Шпрот по привычке ткнулся мордой в кнопку вызова лифта, но в кабину тиранозавр никак не помещался и сообразил, что ему придется идти пешком. Я подманивал его куском говядины, и Шпрот неуклюже спускался по ступенькам, то и дело жалобно повторяя: «Дай, дай! Приятного аппетита!» Спуск с восьмого этажа на первый занял у нас добрых пятнадцать минут и закончился тем, что тиранозавр прочно застрял в дверях подъезда.

Я навалился на ящера и с большим усилием вытолкнул его наружу, учитывая, что он сам помогал мне изо всех сил. Водитель сидел в кабине и на Шпрота не смотрел, придерживаясь своего житейского правила, что кто много знает, тому не дадут состариться.

Тиранозавр запрыгнул в кузов, и грузовик под его тяжестью порядочно осел.

— Ну и поросенка мы откормили! — присвистнул папа.

Я посмотрел на опустевшую песочницу во дворе, из которой я день за днем вычерпывал содержимое, и улыбнулся: знал бы Шпрот, из чего была изготовлена его говядина!

Фритт и Апрун забрались в кузов, чтобы ящер не беспокоился и не пытался выпрыгнуть на полном ходу, а я сел в кабину к шоферу. Мама с сестрой остались дома следить за Рамой. Они попрощались с тиранозавром, и Леедла зашла в подъезд, чтобы не видеть, как Нюсяка, прорыдав: «Шпрот, я буду скучать!» — прыгнула в грузовик и повисла у тиранозавра на шее.

Ящер, шею которого обнимала маленькая девочка, стоял со смущенным видом, беспокойно произнося: «Хрр! Крр!» Наконец Нюсяка отпустила тирекса и, плача, побежала за мамой в подъезд. Шпрот хотел последовать за сестрой. Он вопросительно посмотрел на Фритта и Апруна, но они подняли борт кузова. Папа постучал по крыше кабины, и грузовик тронулся.

Водитель подозрительно косился на меня всю дорогу после того, как на одном из поворотов из кузова донесся грохот, рычание, а потом мы слышали песню: «Ой, мороз, мороз!» Вначале ее пели два голоса, но потом подхватил и третий, хриплый, вроде с акцентом. Через какое-то время первые два голоса замолкли, а третий, хриплый, непрерывно бубнил: «Ой, мороз, мороз!» — в течение всей дороги.

— Кто у вас там? — не выдержал водитель. — Психа, что ль, в дурдом везете?

— Нет, попугая, — ответил я, но тут, опровергая мои слова, из кузова донесся гортанный рык тиранозавра. Шпроту не нравилось, что грузовик трясется, и он буянил.

— И это попугай? — не поверил шофер.

— Попугай отдельно, а это тигр. Мы его дрессируем для цирка, но у нас не очень-то получается.

— Тигр?! — Шофер дернул руль, и грузовик вильнул. — Можно будет посмотреть?

— Конечно, посмотрите, — великодушно разрешил я. — Только учтите: он без клетки, а предыдущего дрессировщика сожрал. Поэтому я за вашу безопасность не ручаюсь, ведь он очень нервный и не любит посторонних.

У перекрестка шофер, щеки которого давно потеряли свой румянец, слишком резко тормознул, и нас занесло на гололеде.

— Этих двоих он не растерзает? — спросил водитель.

— Они застрахованы... — объяснил я. — К тому же тигр их немного знает.

По изменившейся физиономии водителя я понял, что мне удалось напугать парня. Даже возле ангара, к которому мы подъехали, долго крутятся в переулочках и дворах, шофер не вылез из кабины и закрылся изнутри.

Папа открыл ворота ангара, и тиранозавр Шпрот, неуклюже выбравшись из кузова, прыгнул внутрь, словно обрадовался новому дому. Когда грузовик скоропалительно уехал, я осмотрелся.

Ангар стоял на пустыре, который примыкал к железнодорожным путям. Место было подходящее и безлюдное. Именно здесь, в утепленном ангаре, арендованном нами, и суждено было появиться на свет динозаврам XXI века! И должно это было произойти со дня на день. Клонировующие устройства работали день и ночь, и в специальных чанах просматривались силуэты выводимых ящеров.

В последние дни перед этим грандиозным событием я забросил школу и все время проводил в ангаре. Иногда по два или три раза в день к нам прилетала — именно прилетала! — мама. Облачность в те дни была сплошной, влажность высокой, в воздухе висел туман, и мама могла запросто летать, не беспокоясь, что ее заметят. Правда,

потом она рассказывала, что поначалу, забыв дорогу и излишне разогнавшись, она залетела на Камчатку и поняла это, когда увидела вытянутую форму полуострова и Курильские острова. Тогда, выругав себя за рассеянность, мама развернулась и со скоростью две тысячи километров в час полетела в Москву, задержавшись не больше, чем если бы застряла в автомобильной пробке или долго ждала автобуса.

Перейду к самой захватывающей части нашей истории, когда динозавров стало несколько десятков. Я не удержусь и похвастаюсь, что первым, кто за последние девяносто миллионов лет увидел доисторических ящеров в таком количестве и разнообразии видов, был я!

За два дня до завершения клонирования случилось непредвиденное: папа впал в спячку. Он давно ползал как сонная муха, и вот как-то утром ангар огласился храпом, а Фритт заснул на полу рядом с пультом управления. Кожа отца, как всегда в таких случаях, покрылась защитным коконом, и он стал похож на мумию. Мы знали: пока очередной период спячки не завершится, папу не разбудить. Значит, следующие две-три недели придется обходиться без него. Я поднял его, отнес в заднюю комнату, положил в картонный ящик и утеплил специальной стружкой. Теперь он был надежно упакован, чтобы сохраниться здесь до завершения спячки.

Его спячка — это необходимая потребность организма, в остальное время — иногда по несколько месяцев — папа бодрствует непрерывно 24 часа в сутки. Усталость постепенно накапливается, пока недобранные ежеднев-

ные часы сна не суммируются, не берут свое — и тогда папа становится коконом.

Пульт управления загудел, требуя внимания, и я побежал к нему. На нем мигала красная лампочка тревоги и пульсировала надпись: «ДАВЛЕНИЕ ПИТАТЕЛЬНОГО СУБСТРАТА В ТРЕТЬЕЙ УСТАНОВКЕ ПАДАЕТ».

Я знал, что в третьей установке, большом полупрозрачном чане, стоявшем в одном из углов ангара, клонировался анкилозавр — массивный криволапый ящер, спина и голова которого были покрыты костяными шипами. В эти важные последние дни следить за установками пришлось мне. Я знал, одна оплошность — и формирование динозаврят нарушится, а огромная работа пойдет насмарку!

Мигание красного светодиода усиливалось, значит, давление продолжало падать. Я бросился к установке, поспешно вспоминая, что рассказывал мне об устройстве агрегатов папа. На мое счастье, причина, из-за которой понижалось давление, оказалась элементарной. Отошло одно из пластиковых соединений, через которые в чан подавался питательный раствор. Стоило мне вернуть соскочившую трубку на место, как красный диод перестал пульсировать и зажглась надпись: «ДАВЛЕНИЕ ВОССТАНОВЛЕНО».

Понимая, что он вот-вот впадет в спячку, папа оставил мне в компьютере необходимые рекомендации. Правда, требовалось время, чтобы все внимательно изучить.

Возни с установками было предостаточно. Порой целый час проходил более или менее спокойно, а иногда светодиоды вновь начинали пульсировать и высвечивался перечень очередных неполадок. То снижалась концентрация кровяных клеток, то нужно было впрыснуть очередную антивирусную сыворотку, то диплодок стал раньше времени проявлять активность и зашевелил головой.

Я понял, что один не справляюсь, и из дома в спешном порядке был вызван ворчащий дедушка. Он пытался тепепатически связаться со спящим папой, чтобы получить у него ответы на те или иные вопросы, то и дело у нас возникающие, но у деда чаще всего не получалось, потому что во сне способность к логическому и последовательному мышлению утрачивается.

Как-то дедушка выскочил из комнаты, где стояла коробка с папой, вконец возмущенный.

— Я спрашиваю, как увеличить количество кровяных телец, а он мне знаешь что отвечает? «Не мешай, я летаю верхом на птеранодоне!» Он, видите ли, сны видит про динозавриков, а мы вкалываем как бригада пап Карло!

И действительно, вкалывали мы с Апрчуном непрерывно двое суток подряд. Спал я урывками по одному-два часа, пока светодиод вновь не начинал настойчиво мигать и не раздавался сигнал тревоги.

Когда мы окончательно потеряли надежду и были уверены, что в чем-то напутали, а клонирование никогда не закончится, светодиод вдруг загорелся зеленым:

«ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЗАРОДЫШЕЙ ЗАВЕРШЕН. ДИНОЗАВРЫ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШ МИР!» Одновременно из динамиков зазвучала торжественная музыка.

— Если кому-нибудь интересно мое мнение, сейчас больше подойдет похоронный марш! — недовольно сказал дедушка.

Глава одиннадцатая

ДИНОЗАВРЫ, ДИНОЗАВРЫ, ДИНОЗАВРЫ...

Команда на активизацию была получена всеми установками одновременно. Сверкнула яркая вспышка, и миникран, смонтированный на потолке ангара, вытащил из питательного раствора первых новорожденных динозавров. Ангар огласился ревом, высоким свистом, прищелкиванием, хрипением — это юные ящеры произносили первые в жизни звуки. Тиранозавр Шпрот разволновался и стал подпрыгивать на месте. Порой он делал несколько осторожных шагов, но сразу отскакивал.

И вот на полу ангара под светом ультрафиолетовых ламп, имитирующих солнце, на шатких ногах стоит маленький бронтозавр, по-гречески — «громовой ящер». Четыре кривоватых коротких ноги — неважная опора для массивного туловища. Зато голова и шея у бронтозавра необычайно длинные, такая шея позволяет ему, стоя на дне озера или илистого затона, днем и ночью поедать водоросли. Если же водоем глубокий, то изредка на поверхности появляется голова с высоко расположенными ноздрями и жадно втягивает воздух.

Наш бронтозавренок весит немного — всего килограммов двести — триста, но пройдет немного времени, и громовой ящер наберет свои «взрослые» размеры — длину 20 метров и вес 40 тонн. Впрочем, особенным умом он блистать не будет, потому что вес мозга даже взрослого ящера не превысит четырехсот граммов.

Я хотел поделиться своими познаниями с дедушкой, но он считал их из моей головы так ловко, что я и не заметил, как он меня сканирует.

— Сорок тонн, говоришь? — присвистнул дедушка. — Жаль, мы не подали Фритту идею делать динозавров в

масштабе 1:43, а для отдельных моделей — 1:200. Тогда всех динозавров можно было бы держать в одной большой коробке.

— Зачем уродовать природу? Все должно соответствовать своей первозданной величине! — не согласился я с дедушкой.

— Размечтался! Вот если бы тебе хоть раз наступил на ногу динозавр весом в сорок тонн, ты бы запел по-другому.

— А тебе наступал?

— Нет, но у меня хорошо развито воображение, — покачал головой Апрчун.

Тиранозавр Шпрот уставился на появившегося бронтозавра и изумленно хрюкнул, забыв все слова:

— Хрр-а-кр?

Подозреваю, что в переводе это означало: «Что за штуку вы притащили?» А может быть, Шпрот хотел спросить: «Насколько это съедобно?»

Пришлось строго сказать ему: «Нельзя!» — и повторять это слово через каждую минуту по мере того, как повивальный кран извлекал и опускал на пол новых динозавров.

Следом за бронтозавренком появилась пара утконосых динозавров, живших в юрский период мезозойской эры. Ороговевший конец морды был у них вытянут наподобие утиного клюва, в котором находилось около двух тысяч зубов! После акул утконосые динозавры — самые зубастые на свете создания. Как мы впоследствии убедились, они были животными травоядными, хотя и употребляли иногда в пищу мелко нарезанные яйца и моллюсков. Очевидно, в естественных условиях они бродили по берегам мезозойских рек и озер, питаясь растительностью прибрежной и подводной. Плавали утконосы отлично,

а пальцы на передних лапах были соединены перепонками, как у гусей.

Едва простенький робот, собранный отцом назадолго до спячки и предназначенный для кормления динозавров, подъехал к бронтозавру и утконосам с готовыми пищевыми смесями, как кран извлек из установки маленького эдафозавра. Он был хищником, но не таким крупным, как тиранозавр, и Шпрот, сообразив, с кем имеет дело, сразу проникся к новорожденному уважением.

Впоследствии эдафозавр оказался самкой, и я назвал ее Машей. Она, как оказалось, тоже обладала способностью звукоподражания, хотя предпочитала передразнивать речные теплоходы, трамваи, автобусы, гудки автомобилей и другие городские звуки. Единственным человеческим словом, которое Маша освоила, было «Надо!»

Выглядела эдафозавриха весьма эффектно: на спине у нее был «парус» — именно на него был похож этот орган. «Парус» образовали направленные вверх длинные отростки позвонков, натянутая на них кожа возвышалась над спиной ящера метра на полтора. Из остальных ящеров, появившихся на свет у нас в ангаре, такой позвонок был еще у диметродона. Как предполагают некоторые ученые, гребень служил солнечным аккумулятором, позволявшим животному за короткое время набрать нужную температуру. Едва Маша появилась на свет, ее «парус» на спине повернулся в направлении самой мощной лампы, вбирая ультрафиолетовые лучи.

Перед рождением эдафозавра возник небольшой, всего в несколько минут, перерыв, когда новые динозавры на свет не появлялись, но потом заполнение ангара ящерами пошло полным ходом. Как остроумно шутил дедушка, ветер подул в Машины «паруса».

Мягкие клешни крана, сконструированные так, чтобы не повредить новорожденному, разжались, и рядом с новыми динозавриками, жадно поедавшими свои первые обеды, появился диплодок — ящер, похожий на бронтозавра, но не такой массивный, как бы созданный из более легких костей. Но хотя вес взрослого диплодока был поменьше, зато тело длиннее — до 27 метров.

Следом за диплодоком родился и другой великан — стегозавр. У него была маленькая, опущенная до самой земли голова, в которой помещалась жалкая крупница мозга величиной с грецкий орех и весившая всего семьдесят граммов. Но я знал, что этот мозг у стегозавра не главный, он играет скорее вспомогательную роль. В крестце ящера, ближе к хвосту, находилась в двадцать раз более вместительная полость, в которой находился основной мозг.

Вдоль спины стегозавра тянулся двойной ряд треугольных костяных щитов, а на хвосте взрослые особи имели четыре длинных шипа — острых костяных меча. Учитывая общий вес великана, очевидно, что удар таким хвостом мог сразить любого хищника.

Впрочем, Шпрот смотрел на стегозавра без страха и несколько раз угрожающе щелкнул зубами, явно намекая, что хвост новичка не спасет. И лишь после того, как Шпроту раз десять сказали «нельзя», тиранозавр наконец перестал воспринимать этого ящера как добычу.

Далее динозавры появлялись из установок с питательным раствором как из рога изобилия: полакантус, анкилозавр, нотозавр, палеосцинкус и десятки подобных бронированных ящеров. Иные во взрослом состоянии достигли размеров танка, другие же были не крупнее обыкновенной индюшки. Ящеры были покрыты прочной кожистой броней, увенчанной многорядными шипами и

разными костяными выступами. Кроме оборонительной роли, которую играли эти шипы и наросты, у некоторых из них было и наступательное оружие — мечи на боках, роговые наросты или хвост, увенчанный костяным шаром с шипами. Я хорошо помню случай, когда анкилозавр, испугавшись чего-то, ударил своим хвостом-булавой в перекрытие ангара. В стене образовалась глубокая вмятина, словно в ангар врезался бульдозер. После второго удара оторвался один из листов обшивки.

Немало родилось из установок и летающих ящеров, вроде Рамы, к которым мама испытывала особую симпатию. Встречались среди них и мелкие особи размером с голубя, например археоптерикс, но был и птеранодон — король юрского неба. Когда он вырос, размах его крыльев достиг 15 метров, и теперь, став взрослым, он реет над Москвой и резвится в воздушных потоках над многоэтажками, похожий на большой дельтаплан.

Птеранодон — одно из самых интересных созданий природы. Он может долгое время парить в воздухе, не делая ни одного взмаха крыльями. До сих пор я не знаю, может ли он вообще ими шевелить. Но в том, что он не в состоянии ходить по земле, я убедился. Его лапы слишком коротки, а крылья, размером с дирижабль, не складываются. Чтобы отдохнуть, птеранодон подлетает к какому-нибудь небоскребу или высокому дереву и цепляется за него когтями, растущими на сгибе крыльев. Клюв этого ящера около метра длиной, но при этом совершенно беззубый. На затылке у него расположен костяной гребень, напоминающий рыбий плавник.

Несколько раз мама пробовала летать с птеранодоном и рассказывала, что он меняет направление полета, просто поворачивая голову.

Хорошо, что папа подбирал для клонирования в основном сухопутных и летающих ящеров, которых первое время можно было содержать в ангаре. Что бы мы делали с океанскими и морскими ящерами, чей вес достигал сотен тонн? Правда, один «рыбоящер» у нас был. Жил он в емкости, вмещавшей более двух тысяч литров, размером с небольшой бассейн. Позднее, когда ихтиозавр достиг длины семи метров и продолжал расти, нам пришлось отпустить его в Москву-реку, неподалеку от Новоарбатского моста.

В тот день, который запомнится нам надолго, из клонирующих установок появилось более трех десятков новых ящеров, а вместе с Рамой и Шпротом у нас стало тридцать три динозавра и один ихтиозавр¹.

Ихтиозавр в переводе на русский означает «рыбоящер». Назвали мы его Водолазом. Для него мы устроили бассейн, в котором поселился и дедушка. Они отлично ладили, дедушка даже полюбил его больше пираний. Когда же ихтиозавра отпустили в Москву-реку, то дедушка, понимая, что она слишком загрязнена, а ихтиозавру нужны более просторные и чистые водоемы, поплыл вместе с ним к морю по сложной сети каналов и шлюзов. Конечной целью был Финский залив и Балтийское море. Заплыв продолжался около двух недель, и потом дедушка вернулся с хорошим известием, что наш рыбоящер уже в Финском заливе.

У нас осталось несколько цветных фотографий ихтиозавра и видеокассета, на которой запечатлен запуск Водолаза в Москву-реку.

---

¹ Ребята! Полный список наших динозавров с их описаниями и именами я привожу в конце книжки. Если будет путаница, сразу заглядывайте туда! (Примеч. Макса.)

В непрерывном уходе за динозаврами прошло несколько недель. В школе я практически не появлялся, да и наш домашний телефон отвечал редко, потому что мама и Нюсяка проводили большую часть дня в ангаре. Сестра, вначале боявшаяся ящеров, потом настолько освоилась, что сама стала считать себя маленьким динозавренком. Изредка я поднимал голову и видел, как среди появившихся ящеров мелькает Нюсяка, с ловкостью мартишки перенимавшая повадки этих громадин.

Например, играя с протоцератопсом Гунькой, Нюсяка становилась такой же толстой и неуклюжей и ползала, как он, а с паразауrolофами Бякой и Букой вела себя как они и важно топала, опираясь на руки точь-в-точь, как Бука и Бяка опирались при ходьбе на развитые передние лапы.

У мамы было множество других забот, и Нюсяку никто не ограничивал питаться любимым мылом, что она с удовольствием и делала, а однажды любопытный полакантус Вареник сунул морду в тарелку с кашей из стирального порошка, а потом долго чихал и тер морду о хвост.

— Бедняга! Он-то привык, что у них в юрском периоде с экологией было нормально! — засмеялась мама.

Она полностью взяла на себя заботу обо всех летающих ящерах и стала вожаком этой разномастной крылатой команды. «Моя стая», — говорила про нее мама. Иногда, когда темнело или было облачно, они вылетали из ангара и кружили над городом — впереди мама-вожак, за ней птеранодон Абракадабр, а за ним целая стая — рамфоринхи Рама и Фуфайкин, птеродактили Бомба и Угольник. На плече у мамы сидел археоптерикс Козявка, ко-

торый сам летал плохо. Иногда крылатая стая переставала слушаться маму и начинала охотиться.

Однажды произошел комичный случай: у старушки пропал пудель и она утверждала, что его унесло крылатое чудовище, а потом собаку, живую и невредимую, нашли на крыше одного из домов. Открою вам секрет. Пуделя унес рамфоринх Фуфайкин с твердым намерением сожрать его, но мама, вовремя заметив, отобрала у него песика и оставила визжащего пуделя на крыше.

Из-за этого мама рассердилась на рамфоринха и несколько дней не брала его на воздушные прогулки. Впрочем, потом она смягчилась, и Фуфайкин вновь стал одним из ее любимцев. Как ни странно, самым непредсказуемым из всех летающих ящеров оказался археоптерикс Козявка, самый мелкий из них. Во-первых, он перелетал только на короткие расстояния, а во-вторых, он оказался самым настоящим врагом ворон.

В первый же день, удивленные его необычной красной раскраской, на археоптерикса напали две вороны, но они просчитались. Одной он сразу, одним щелчком клюва, отсек голову, а вторая успела спастись и долго возмущенно каркала, сидя на дереве, не понимая, как маленькая птичка может оказаться такой кровожадной. С тех пор Козявка стал охотиться на ворон, видимо решив, что они — его добыча. Сколько мы ни пытались отучить Козявку от этой привычки — ничего не вышло, и мама вынуждена была или носить его с собой, или оставлять в ангаре в клетке для канареек.

Кстати, он до сих пор остался где-то в Москве. Запомните: археоптерикса легко узнать по красному оперению и клюву с зубами, а подманить его можно мелко нарезанным мясом или чучелом вороны.

Когда через две недели спячка завершилась, кокон лопнул и в ангаре, протирая глаза, весь обсыпанный стружкой, вновь появился Фритт, наше динозавриное семейство приветствовало его дружным гомоном. Папе немедленно пришлось удирать от игуанодона Витька, который, увидев Фритта, возомнил, что он новенький, и для повышения своего авторитета решил отколотить его костяными кинжалами на передних лапах. Но за папу вступился узнавший его тиранозавр Шпрот, вольтер которого оказался не заперт. Он погнал игуанодона через весь ангар, пока тот не забился за один из инкубаторов.

— Мне показалось, что я в сумасшедшем доме. Все кричат, рычат, горланят! — признавался потом Фритт.

— А кто этот сумасшедший дом развел? С вами, учеными, вечно так. Вначале придумаете атомную бомбу, а потом удивляетесь: что это за мерзость? — сердился дедушка.

Мы прекрасно сознавали, что с растущими не по дням, а по часам динозаврами сидим как на вулкане, и рано или поздно ангар **окажется** для них слишком тесен, и тогда наша тайна **станет** известна всем. Так оно и случилось. Однажды утром, благодаря анкилозавру **Проклу** и его хвосту-молоту, а **также** не без помощи тиранозавра **Шпрота**, ящеры вырвались из ангара и очутились на улицах Москвы. Именно тогда **тайное** стало **явным**, а то, что раньше воспринималось лишь как кошмарный сон, **обратилось** в реальность.

Глава двенадцатая
АНКИЛОЗАВР ПРОКЛ
ПРОРУБАЕТ ЯЩЕРАМ ОКНО В МОСКВУ

Поспешность нужна для двух вещей — при ловле блох и улепетывания от динозавров.

Наблюдение Макса

«Случилось это душной майской ночью, когда луна была молодой и легкий ветерок шевелил листья сирени». Эту фразу я списал из книжки. В действительности та ночь была не душной, а холодной и сырой, дул сильный ветер. Что касается размеров луны на небе и сирени, то такой ерунды я вообще не помню.

Но вернемся к анкилозавру Проклу и его хвосту-молоту, которым он разнес ангар. Прокл и раньше любил поразмять хвост, заканчивающийся массивными костяными шарами. Обычно перед ударом он начинал его быстро раскручивать, на мгновение замирал, и костяные шары обрушивались на цель...

В ту ночь мамы с Нюсякой с нами не было, дедушка спал на дне бассейна с ихтиозавром, я тоже видел сны, но не в бассейне, а под одеялом, а папа, который после очередной мумификации мог долгое время не отдыхать, сидел в задней комнате ангара и собирал из запасных частей второго робота-повара.

Анкилозавр Прокл был большим лакомкой, он любил оставлять от обеда самые вкусные кусочки плодов, клал перед носом, охранял их несколько часов и съедал перед рассветом. Той ночью игуанодон Витек, давно зарившийся на такое богатство, воспользовавшись тем, что Прокл заснул, подкрался и стащил у него лакомство. Анкилозавр открыл глаза в ту секунду, когда плоды ис-

чезали в пасти игуанодона. Прокла охватило справедливое негодование, мгновенно переросшее в ярость, и он завертелся на месте, раскручивая хвост с молотом.

Игуанодон Витек, видя, что ему несдобровать, немедленно улизнул, а Прокл, ничего не помнивший, кроме своей обиды, стал обрушивать костяные шары на железные листы, которыми был обшит ангар. Поднялся немыслимый грохот, и разбуженные динозавры, пугая друг

друга и все круша на своем пути, стали носиться по ангару. Один из листов, оказавшийся приклепанным слабее, чем остальные, отлетел «с мясом», и в образовавшуюся щель кинулся вначале дилофозавр, потом пара летозавров, за ними, едва не застряв, пролез Прокл, и на этом бегство динозавров завершилось бы, потому что для более крупных ящеров отверстие было слишком узким. Но тиранозавр Шпрот со свойственным ему любопытством решил изучить новые территории. Он разбежался и врезался головой в перегородку ангара. Таран этой многотонной махины выбил несколько листов обшивки, и Шпрот оказался на пустыре. Не теряя времени тиранозавр четырехметровыми прыжками помчался к видневшимся в отдалении домам.

За ним в пролом стали выскакивать и другие ящеры: Детина, Страус, Бомба, Фуфайкин, Гунька и остальные. Только диплодок Гаврила остался, потому что был настолько же глупый, насколько и ленивый. Когда, разбуженные шумом, мы выскочили в ангар, через пролом удирали уже последние ящеры.

— Лови! — закричал дедушка, высовываясь из бассейна.

— Ко мне! Цып, цып! Обедать! — неумело подзывал беглецов папа, но динозавры и раньше не особенно его слушались.

Я схватил за хвост ламбеозавра, но он выскользнул из моих рук, и последний из убежавших динозавров выскочил наружу.

Когда мы нырнули в пролом и оказались на пустыре, несколько ящеров были еще там, но большая часть, напуганная ночным грохотом, разбежалась по окрестностям. Все-таки нам удалось поймать археоптерикса и одного

из протоцератопсов, но мы их отпустили, сообразив, что всех динозавров нам не переловить.

Дедушка хотел сосредоточиться и созвать гигантов telepaticески, но ящеры были слишком встревожены переменной обстановки и напуганы друг другом, и у Апрчуна ничего не вышло.

Я погнался за игуанодоном Витьком и пробежал за ним полкилометра. Мне казалось, что я его вот-вот схвачу, но оказалось, наглый ящер забавлялся и дразнил меня. Когда я решил, что он уже выбился из сил, и приготовился схватить его, Витек припустил трехметровыми прыжками, и через полминуты я потерял его из виду. Перед тем как совсем исчезнуть, игуанодон приостановился, повернулся ко мне, издал торжествующий вопль, в котором прозвучало превосходство ящера, после чего он нырнул за забор и окончательно скрылся.

Ругая хитрого и коварного Витьку на все лады, я вернулся на наш пустырь. Папа уныло стоял с кувалдой и заклепывал отверстие в стене ангара, а дедушка сидел

на камне и, подперев голову перепончатыми ладонями, произносил мудрые, но совершенно бесполезные фразы. Заметив меня, он отжал бороду, снял шапочку и, сосредоточенно посмотрев на меня всеми тремя глазами, произнес фразу, которую потом повторяли все:

— Динозавры в XXI веке! Ну и ну!

Понимая, что больше ничего сделать нельзя, мы немедленно отпустили ихтиозавра в Москву-реку и, угнав грузовик, отвезли диплодока Гаврилу в озеро Глубокое под Звенигородом, которое показалось нам самым подходящим из всего, что было поблизости. После я подбросил грузовик на то же самое место, так что даже не знаю, заметил ли хозяин его пропажу.

Понимая, что все силы милиции и спецслужб будут брошены на поиски тех, кто наводнил Москву ящерами, мы замаскировали наше клонирующее оборудование, уничтожили следы пребывания динозавров в ангаре, а на само помещение навесили огромных размеров ржавый висячий замок.

Когда мы возвращались домой после бессонной ночи, на московских улицах царил непривычное оживление. Из переулка вдруг раздался громкий вопль, и выбежали две женщины, а за ними неторопливой походкой с невозмутимым видом вышел паразуролоф Бяка.

На нас он не обратил внимания, а прошеествовал в соседний переулок и скрылся между домами, сопровождаемый любопытными.

«Ну началось!» — сказал дедушка и взгрозился в подошедший троллейбус. Так начался тот безумный день, первый день нового заселения Земли динозаврами.

Едва мы рассказали маме и Нюсяке о том, что произошло, как по телевизору и радио стали наперебой со-

общать самые разноречивые сведения о появлении на улицах столицы громадных ящеров. Говорили о том, что в Бирюлеве тиранозавр заглянул в кинотеатр и распугал всех зрителей; о том, что в магазин на Покровке уверенной походкой вошел динозавр с гребнем на спине, подошел к мясному отделу и требовательно сказал: «Надо!» — после чего перепуганный продавец стал бросать куски говядины, которые динозавр ловко перехватывал на лету и сразу глотал. Хотя описания ящера были противоречивыми, по этому рывающему «Надо!» мы сразу узнали эдафозавра Машу.

Рассказывали и о том, что бронтозавр, которому в Москве-реке не хватало корма, приучился высовывать голову из воды у плавучих ресторанов. Посетители и повара вначале боялись его, но вскоре привыкли и стали бросать ящеру еду, которую он с жадностью пожирал.

Когда в одном из таких «поплавков» пьяный обстрелял бронтозавра из ружья, тот догадался перегрызть канаты, которыми ресторан был пришвартован к берегу, и оттащил теплоход на мелководе Москвы-реки, где он прочно сел на мель. Что же касается хмельного стрелка, то он мгновенно протрезвел от ужаса и, бросив ружье, в одежде прыгнул в воду и попытался вплавь добраться до берега. Но раньше, чем запаниковавший пьяница выбрался на набережную, бронтозавр настиг его, схватил зубами за шкурку, встряхнул, поднял высоко над водой и посадил на навигационный буй, на котором бедняга просидел сутки, пока его не спасла речная милиция.

История с бронтозавром мне кажется вымышленной, потому что бронтозавр Фисташка не отличался ни большим умом, ни злопамятностью. Попрошайничать еду, высывая многометровую шею из воды, он мог, но чтобы

туповатый ящер перегрыз швартовые — это явная ложь. Скорее всего, швартовые порвались, когда Фисташка, почувствовав боль, зацепил баржу боком или широким началом шеи.

Вначале большинство людей воспринимали новость о появлении динозавров как забавную шутку, считая это обычной журналистской «уткой», но чем дальше, тем больше возникало подтверждений, что сообщения правдивы. Из уст в уста передавались новости о том, что люди то там, то здесь видели ящеров и даже успевали их заснять. Потом в «Новостях» замелькали первые видеок cadры, запечатлевшие наших питомцев на улицах города.

На одном из этих кадров видно было, как утконосы динозавры плавают в небольшом озере, а на другом — как ламбеозавр Игнат роется в мусорнике. Маме стало стыдно за Игната, и она немедленно выключила телевизор, который мы купили взамен разбитого Шпротом.

— Подумать только — кого мы воспитали! Попрошайку! — сказала она, чуть-чуть взлетая над полом от возмущения.

Так как наши динозавры не проявляли агрессивности, если не считать пары съеденных собак и одной коровы, которую сожрал в Подмоскowie тиранозавр Шпрот, то на заседании правительства было решено никаких серьезных мер против них не предпринимать, а выяснить, откуда эти гиганты взялись и не природное ли это явление.

Выдвигались десятки невероятных версий, но я перечислю лишь основные. Например, говорили, что из Америки привезли передвижную выставку динозавров, участвовавших в съемках фильмов, и что ящеры — не что иное, как искусно выполненные роботы, которые управляются дистанционно с помощью антенн.

Известный психиатр утверждал, что динозавры — массовая галлюцинация и верить в нее не следует. «Если вы закроете глаза, то сможете пройти сквозь динозавра, потому что он призрак!» — настаивал он. В доказательство своей правоты психиатр завязал глаза и попытался пройти сквозь задремавшего нотозавра Фуфуруфу, но в этот момент ящер пошевелился и врач, налетев на него, был сбит с ног. Но даже это не разуверило его в полной несостоятельности гипотезы. Он сидел на асфальте, тер лоб, на котором вздувалась шишка, и повторял:

— Характерный случай пространственно оформленной галлюцинации!

— Исключительно твердолобый экземпляр! — отозвался о нем дедушка.

Были версии о биологических мутациях и внезапном происхождении этих гигантов. Какой-то ученый разрабатывал теорию о параллельных мирах. Он утверждал, что существует две, а возможно, и больше параллельных Земли, которые **отстоят** друг от друга всего на несколько мгновений. И если **на** нашей планете динозавры вымерли, то на параллельной **они** существуют, и в результате какого-то космического **явления** миры на несколько мгновений пересеклись и динозавры из параллельного мира оказались в нашем.

Эту теорию признали **самой** убедительной из **всех** существующих, и в газетах **стали** появляться броские статьи с заголовками типа «**ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА**».

Мама с дедушкой и **Нюся** шутили по **этому** поводу и оставшегося у нас архео**п**терикса дразнили **пришельцем** из параллельного мира. **Не** смеялся **только** папа, и уже тогда это нас насторожило.

Как-то за обедом, рассеянно пронеся ложку мимо рта, он сказал:

— Пожалуй, в этом что-то есть... Я думаю, теоретически параллельные миры существуют. Причем где-то рядом. Необязательно смещаться в прошлое на много лет, преодолевая сопротивление времени, достаточно будет нескольких секунд, и мы окажемся в параллельном мире с другим развитием истории...

Мама с опаской покосилась на папу, почувствовав, что у него созревает очередная идея, и не ошиблась.

Чтобы следить за перемещениями наших питомцев, мы достали подробную карту Москвы и стали отмечать на ней флажками места, где последний раз их видели. Флажков у нас было тридцать четыре, и каждый имел свою форму и цвет.

Тиранозавр Шпрот обозначался маленьким красным флажком, эдафозавр Маша — зеленым, бронтозавр Фишашка — черным, игуанодон Витек — белым кружком. Вскоре наши тридцать четыре флажка были равномерно распределены по всей Москве и по пригороду. Но иногда по радио и телевидению сообщались явно противоречивые сведения. Говорили, что летозавров видели одновременно в семи местах, чего быть не могло, потому что их всего три. Или часть сведений была ложной, или телевизионщики плохо разбирались в названиях динозавров.

Вначале древние ящеры занимали лишь часть Москвы, держась **сообща**, как привыкли у нас в ангаре. Но потом каждый из них нашел в городе место соответственно своему характеру и привычкам. Рамфоринхи и птеродактили освоились на крышах небоскребов, вытеснив ворон и галок. Бронтозавры и диплодоки облюбовали Москву-реку и подмосковные водохранилища. Летозав-

ры, как наиболее быстрые и мобильные ящеры, полюбили улицы с оживленным движением, а когда машины останавливались на перекрестках, выбегали на дорогу и требовали у водителей продуктовую дань.

Эдафозавриха Маша быстро стала кинозвездой, и ее полюбили использовать в рекламных клипах: показывают шоколад или мясные консервы, и тут на экране появляется Маша и рявкает: «Надо!»

Москва постепенно привыкала к динозаврам и начала ими гордиться. Много в мире столиц, а ящеры есть только у нас и они свободно разгуливают по улицам! Иностранцы стали воспринимать динозавров как русскую экзотику вроде белых медведей и соболей.

Возможно, ящеры остались бы в нашем мире и стали бы чем-то привычным для жителя XXI века, если бы папа не сделал одного из самых главных открытий...

Глава тринадцатая ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Прежде чем выстригать дыры во времени, убедитесь, что у вас есть нитки, чтобы их заштопать.

*Совет грядущему поколению
от дедушки Апруна*

Вдохновленный идеей о существовании параллельных миров, папа немедленно стал строить дерзкие планы, как в них переместиться. Фритт и прежде, на Ирксилоне, занимался созданием машины времени, но тогда у него ничего не вышло.

— Все дело в точке опоры, — объяснял он мне, показывая цветные схемы на мониторе компьютера. — По-

мнишь, Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю»? И был прав. Имей он жестко зафиксированную в пространстве точку, с помощью обычного рычага Архимед перевернул бы планету.

— Ты говоришь о пространстве, но как оно соотносится со временем?

— Очень даже соотносится. Чтобы переместиться во времени в пределах одного мира, нужно самому на несколько секунд оказаться вне времени, обрести эту самую точку. С параллельными мирами все по-другому, — вдохновенно начинал объяснять папа и надолго уходил в свои мысли, записывая расчеты и ряды формул.

Для любого земного ученого они выглядели как непонятные закорючки, потому что это были формулы ирксилонской науки, опирающейся одновременно и на интуитивные предположения, и на точные знания. Как и любые формулы, иногда они работали, а иногда — нет.

Порой Фритт бросался к компьютеру, но возможностей и быстродействия земного процессора не хватало, и машина зависала, не рассчитав того, что нужно было отцу.

— Как ты собираешься искать эту точку? — спрашивал я, когда отец временно устраивал перерыв.

— Понятия не имею, — вздыхал он. — Но я интуитивно чувствую, что точка должна существовать, но не пространственная, а временная.

Долгожданное озарение, которого папа так ждал, пришло к нему благодаря пустяку. Мама купила Нюсяке новый двухколесный велосипед, и сестренка, перевернув его кверху шинами, крутила педали, наблюдая за вращающимися колесами и мелькающими спицами.

Папа некоторое время со странным выражением смотрел на велосипед, и лицо у него все больше прояснялось.

Потом он, ни слова не говоря, вскочил и, схватив Нюсяку, подбросил ее под самый потолок, подхватив у самого пола.

— Ай! — заорала она. — Я не буду больше крутить велосипед!

— Я не за велосипед! — восторженно воскликнул Фритт и подбросил ее еще раз.

— А-а-а-ах! Тогда за мамины духи? Я не хотела их проливать, они сами! Такие проливучие духи-и-и-и! — по-пороссячи взвизгнула Нюсяка, долетая до потолка и стремительно падая вниз.

— И не за духи! Ты ничего не поняла! Ты гениальная девочка! Ты подсказала мне великолепную идею!

Папа снова подбросил Нюсяку к потолку и, крикнув мне: «Макс, поймай ее! Я тороплюсь!» — бросился в лабораторию. По пути Фритт едва не сбил с ног дедушку, который нес ящик с пустыми баночками из-под майонеза.

— Неподвижная точка обычно бывает в центре стремительно движущегося предмета! — с умным видом изрек папа и исчез в лаборатории.

Я успел подхватить на лету Нюсяку и посадил ее на стул. Сестренка выглядела ошарашенной.

— Что ты там говорила про мои духи? — насмешливо поинтересовалась мама.

— Про какие духи? — спохватилась Нюсяка.

— Ты же говорила, что разлила духи!

— Чего не скажешь под пытками! — вздохнула сестренка, но, сообразив, что отпираться бесполезно, добавила: — Допустим, я чуточку пролила, совсем чуточку, пока не опустел весь флакон. Но он ведь малюсенький.

— Почему я ничего не заметила? Там же есть духи! — поразились мама.

— Я воды в пузырек налила. У тебя ведь плохое обоняние! — нашлась плутовка.

Целую ночь папа не выходил из лаборатории и собирал что-то, пока посреди комнаты не возникла громоздкая машина, состоявшая из сотен сложных деталей, соединенных между собой в невероятных комбинациях. Управлялся агрегат стандартной клавиатурой от компьютера. Фритт пригласил нас всех в лабораторию и обратился с торжественной, но невнятной речью, в которой научные термины перемежались со словами одобрения в свой адрес.

— Я изобрел машину, которая приведет нас в параллельные миры! — воскликнул папа, после того как добрых полчаса рассуждал о косинусах, углах пересечения пространства и временных координатах. Никто из нас его толком не понимал, но все слушали с почтительным вниманием.

— Как эта штуковина работает? — спросила мама после того, как он закончил сообщение и ждал отклика.

— Она не работает... Пока не работает... — отмахнулся Фритт.

— Не работает? Но почему? — Мама обрадовалась, но постаралась скрыть это.

— У меня нет кое-каких деталей. Самых пустяковых. Завтра утром я куплю телевизор, расковыряю его и возьму из него пару недостающих контактов... — объяснил папа.

— А как насчет совпадения пространственных координат? — поинтересовался дедушка, который тоже кое-что смыслил в технике, хотя и не так, как его сын.

Фритт уселся в кресло, налил крепкий кофе и, отхлебнув сразу полчашки, стал терпеливо объяснять:

— Совпадение пространственных координат — как расписание поездов. Допустим, вы хотите попасть в другой

город, но для этого должны оказаться в нужное время в нужном месте. Допустим, нужное место — вокзал, а нужное время — семь вечера. Но если вы не знаете ни времени отправления поезда, ни где находится вокзал, то никогда не сможете оказаться в нужном городе...

Мама усмехнулась. С ее способностью к скоростному полету она за пятнадцать минут может оказаться в любой отдаленной точке земного шара, а к вокзалам с их суетой и давкой относилась безразлично.

— А если у нас есть самолет с вертикальным взлетом? Или, допустим, я отправлюсь в другой город пешком? Или поплыву через океан? Зачем тогда вокзал? — насмешничал Апричун, дразня папу. Он знал, что горячность — обычная болезнь изобретателей, которые боятся быть непонятыми.

— Другой город — это только пример. На самом деле речь идет о пространственных координатах вообще! Он, — Фритт ткнул пальцем в прибор, — заработает, когда совпадут пространственные координаты параллельных миров! И тогда мой прибор включится автоматически. Фокусируется луч — и ты в параллельном мире. Но если пространственные координаты не совпали, эта штука так же бесполезна, как собачья конура, если у вас нет собаки.

— Ясно, — кивнул я. — Не горячись! Значит, дорога в параллельные миры откроется неизвестно когда?

— Почему неизвестно когда? Разве я об этом говорил? — рассердился папа. — Как показывают мои расчеты, к сожалению, приблизительные, дорога в параллельные миры откроется завтра в течение дня. Надеюсь, случится это не утром, потому что с утра я еду за деталями.

— Ты же сказал, что закончил его и машина сможет перенести нас в параллельные миры?

Папа посмотрел на меня с видом гения, которого заставляют объяснять таблицу умножения в школе для идиотов:

— В параллельный мир ты попадешь. А вернуться назад? Ты об этом подумал? Эти детали необходимы как раз для возвращения.

— У меня вопрос! Прости, если он покажется глупым, но зачем нам вообще нужны эти параллельные миры? — Мама слегка взлетела над полом и подняла вверх обе руки, привлекая внимание.

— Это очевидно! — простонал папа. — Мы найдем среди множества параллельных миров такой, где семьдесят миллионов лет назад не произошел катаклизм и по сей день продолжают обитать динозавры. Именно в этот мир мы переселим наших древних ящеров, которые теперь бродят по городу. Главное — доказать, что такое путешествие возможно.

— Как ты собираешься отправлять динозавров в параллельный мир? — поинтересовался я. — Будет непросто таскаться по городу с твоей машиной, занимающей полкомнаты, а поймать ящеров и доставить сюда — почти невозможно.

— Как раз это ерунда! — отмахнулся отец. — Если бы мы нашли подходящий параллельный мир, я бы взял пневматическое ружье и зарядил его миниатюрными датчиками. Стоит выстрелить таким датчиком в динозавра и дистанционно активизировать его, передав энергию от моей установки, как ящер переместится из нашего мира в параллельный.

На другой день, как папа и рассчитал, дорога в параллельные миры действительно открылась, а первыми

невольными путешественниками стали мы с Нюсякой, а также Икса, Урсуфьев и Рылов...

Существует много поговорок о русском гостеприимстве, например: «Незванный гость хуже татарина» или «Гость хорош два раза: первый — когда приезжает, второй — когда уезжает».

Раньше я не понимал эти поговорки, но в то утро понял. Раздался звонок, и, выглянув в глазок, я увидел Иксу, незваного и непрошеного гостя. Обычно мы никого к себе не приглашаем, потому что в нашей квартире многое может показаться нормальному человеку странным. Например, у нас в ванной живут пираньи, на дне неподвижно лежит похожий на утопленника дедушка, а на полу где попало могут быть разбросаны золотые слитки или рубины.

Если этих впечатлений кому-нибудь окажется недостаточно, можно заглянуть в папину лабораторию, где между полом и потолком висит незаконченная антигравитационная машина, а вдоль стен сложены разные детали и механизмы, нужные отцу, а также часть приборов с нашего звездолета — и у любого непривычного человека глаза на лоб полезут.

А мама?! Она бывает рассеянной и, вместо того чтобы ходить, летает по квартире.

В моей комнате на полу лежит пятисоткилограммовая штанга. Я хотел навесить на нее и больше блинов, чтобы она стала тяжелее и можно было бы тренироваться с большей отдачей, но родители не разрешили, боясь, что я вместе со штангой окажусь в нижней квартире.

А что подумал бы гость, окажись он в Нюсякиной детской, где на столе среди игрушек вполне может стоять тарелка с недоеденным мылом, на котором отчетливо видны следы острых детских зубов; на люстре висит археоптерикс, а сама маленькая хозяйка комнаты сидит на столе и силой мысли жонглирует мелкими предметами!

Порой дедушке надоедает лежать в ванной, и он выходит из нее, вместо ступней у него ласты, а на макушке сверкает третий глаз, которым он смотрит хитро и въедливо.

Именно из-за этого мы не приглашаем гостей и живем очень замкнуто. Разве станешь объяснять каждому знакомому, что мы совсем не странные и не сумасшедшие, а просто инопланетяне и по меркам Ирксилона у нас довольно обычная семейка?!

Поэтому, увидев в глазок Иксу, я не сразу решил ей открыть, но она продолжала решительно трезвонить. Дома были мы с Нюсякой и с дедушкой. Мама с папой, как и собирались, с утра ушли за деталями для перемещателя. В коридор из комнаты выглянула Нюсяка, над головой которой, ухитряясь каким-то чудом не лопаться, кружились мыльные пузыри, которыми она мысленно жонглировала.

— Кто это приперся? — прошептала сестричка. Она любит иногда выражаться по-земному.

— Икса! — прошептал я.

— Почему ты ей не открываешь?

— Ты что, с ума сошла? Пустить ее к нам?

— Но мы бы узнали, зачем она пришла.

Звонок **надрывался** как **ненормальный**, и от него у нас **заложило уши**. Икса **догадывалась**, что мы дома, и **собиралась звонить до победного конца**. Ей нравилось

производить шум, и она не только нажимала на кнопку, но и барабанила кулаком в дверь.

— Открой! Вдруг она хочет сказать что-нибудь важное?! — поторопила меня Нюсяка, пытаюсь встать на цыпочки и заглянуть в глазок.

— Хорошо, открою, — кивнул я, раздраженный такой бесцеремонностью. — А ты предупреди дедушку, пусть не выходит из ванной.

Я пристально осмотрел коридор и пинком отправил под шкаф валявшийся на полу золотой слиток. Потом смел в совок мелкие бриллианты, которые рассыпала с утра мама, и открыл дверь. В тот же миг я пожалел об этом, потому что нос к носу столкнулся с рассерженной Иксой, продолжавшей держать палец на кнопке звонка. Увидев меня, учительница отпустила кнопку. Справа и слева из-за ее спины, как два чертика из коробочки, вынырнули Мишка Урсуфьев и Игорь Рылов. Но стоило мне нахмуриться, как они вновь исчезли.

— Почему ты так долго не открывал? — подозрительно спросила Икса.

— Спал.

— Спал? Но сейчас двенадцатый час! — Видно было, что учительница не верит мне ни на грош.

— Будильник сломался, — сказал я. — Без будильника я могу спать сколько угодно и проснусь сам только на третьи сутки.

— Врешь! — пискнул позади Иксы Игорь Рылов.

Я промолчал, тем более что в этом случае он был прав. Я не спал всю предыдущую ночь, потому что мы всей семьей ходили навещать анкилозавра Прокла, гулявшего в парке Дубки. Нам Прокл очень обрадовался,

а одного дотошного журналиста, сверкнувшего в темноте вспышкой фотоаппарата, загнал в канализационный люк.

— Ты один? Родители дома? — продолжала допрос Икса.

— Ушли, — сказал я.

Математичка и выглядывающие у нее из-за плеч Урсуфьев и Рылов воззрились на меня, пытаясь испепелить пронизывающим взглядом, и, лишь убедившись, что я ни в чем сознаваться не собираюсь, Икса сказала:

— Я полагаю, нам есть о чем поговорить! Где динозавр?

Я встревожился, хотя старался не подать виду. Сомнений не было: Мишка с Игорем поступили как последние ябеды и, чтобы отомстить мне, обо всем рассказали математичке.

— А вы здесь откуда? Просто проходили мимо? — строго спросил у них я.

— Нас прижали к стене! — уныло сказал Урсуфьев.

— Вынудили! — с издевкой подтвердил Рылов.

Но я не собирался сдаваться. Мы еще повоюем! Если рассказать Иксе правду, то завтра история будет в газетах, а через день или два, раскапывая биографию моего семейства, обнаружатся несуразности, например, то, что мои родители живут вторую сотню лет, хотя выглядят тридцатилетними. Если у нас возьмут анализ крови, то самый плохой врач сразу сообразит, что эта кровь не может принадлежать землянину из-за совершенно иного строения. И я решил отрицать все до последнего. Даже если динозавр свалится Иксе на голову, я и тогда буду утверждать, что он померещился и мне и ей.

— Что ты можешь сказать о динозаврах? — допытывалась математичка.

— По-моему, сейчас в городе их полно. Не понимаю, при чем здесь мы? — Я тянул время, чтобы узнать, как много успели рассказать ей Урсуфьев и Рылов.

— Но у вас-то динозавр оказался раньше, чем у остальных! Вот что странно! — нахмурилась Икса. — В нашем подъезде эти удивительные события начались полтора месяца назад.

— Мы-то при чем? Мы домашних животных вообще не держим, у нас от них аллергия, насморк, сыпь.

— Отлично, я сама посмотрю и убежусь, — злоратно сказала математичка и с решительным видом шагнула в нашу квартиру.

За ней, немного помедлив, просочились и Урсуфьев с Рыловым. Пристально вглядываясь в стены, точно опасаясь, что они вот-вот оживут, Икса двинулась по коридору. За ней гуськом шли Мишка с Игорем. Я незаметно погрозил им кулаком, а Рылов в ответ показал мне язык.

— Почему у вас обои содраны? Кто их обдирал? — подозрительно спросила Икса, показывая на стену, где отчетливо были видны следы когтей тиранозавра Шпрота.

Сколько раз я пытался отучить его от привычки точить когти об обои, но не сумел.

— Мы сами сдираем. У нас ремонт.

— Но в других местах обои целые? — подозрительно поинтересовалась Икса.

— Мы не все сразу сдираем, а понемножку, — хладнокровно объяснил я.

Не думаю, чтобы Икса мне поверила, но возразить не смогла и отступила, решив найти более неопровержимые улики присутствия у нас в квартире динозавра.

Дверь в комнату скрипнула, чуть приоткрылась, и в коридор выглянула Нюсяка. На плече у нее с хмурым

видом сидел археоптерикс Козявка. Прежде чем Икса и Урсуфьев с Рыловым увидели маленького ящера, он быстро слетел с плеча и исчез в комнате. Наш Козявка не особенно жаловал посторонних и старался лишний раз не попадаться на глаза.

Сестра болтала соломинкой в стакане с мылом и выдувала огромные пузыри — самое интеллектуальное занятие, на которое она способна.

— Мусорником пахнет! — поморщилась Нюсяка, покосившись на Игоря с Мишкой. Хотя прошло недели три с тех пор, как я закрыл их в контейнере, запах еще не выветрился.

Икса уставилась на Нюсяку, и глаза у нее торжествующе засверкали. Она решила расспросить мою сестрицу, зная, что маленькие дети совершенно не умеют хранить секретов. У них что на уме, то и на языке.

— Деточка, скажи тете: у вас живет динозаврик? — сюсюкая, спросила Икса, присаживаясь рядом с Нюсякой на корточки.

Но сестренка не спешила с ответом, она выдувала через соломинку для коктейлей огромный мыльный пузырь, который, пролетев совсем немного, лопнул, столкнувшись с носом учительницы. Это могло показаться случайностью, но я, зная способность Нюсяки к телекинезу, был уверен, что она сделала это нарочно.

— Всегда так! Только получится и сразу — хлоп! — и нету! — пожаловалась плутовка и принялась выдувать новый пузырь, больше прежнего, но Икса отобрала у нее соломинку и раздраженно вытерла мыло с носа.

— Скажи, солнышко, живет у вас динозаврик? — терпеливо повторила она.

— Динозаврик? — переспросила Нюсяка. — Да, живет! Если хотите, могу вам его одолжить.

И она, скрывшись на минуту в комнате, вытащила за крыло археоптерикса. Козявка сделал то, что делают в таких случаях хитрые археоптериксы: притворился мертвым и висел в руках у Нюсяки как дохлый. Но Икса ожидала увидеть совершенно иного динозавра, и на Козявку не обратила ни малейшего внимания.

— Зайчик, мне не нужно чучело попугая! — сказала она терпеливо. — Отнеси на место!

Я едва не фыркнул от смеха, когда она назвала живого археоптерикса чучелом попугая. Кому доверяют преподавать в экологическом классе!

— Какой динозаврик вам нужен? — спросила Нюсяка.

— Мне нужен другой динозавр. Вот такой — ам! Большой! — И, видимо считая мою сестру круглой душой, Икса несколько раз свела и развела руки, будто захлопывая огромную пасть. Взрослые склонны недооценивать ум и сообразительность детей.

— Большого динозавра у нас нет и никогда не было! — заявила Нюсяка, повернулась и утащила Козявку в комнату.

Рылов, высмотрев что-то своим зорким шпионским зрением, наклонился и достал из старого ботинка большой бриллиант. Камень был подлинный и на несколько каратов превосходил известный алмаз «Граф Орлов». Его папа сделал в единственном экземпляре как игрушку для Нюсяки, потому что продать его незаметно было бы совершенно невозможно из-за астрономической стоимости. Обычно бриллиант валялся в коробке, но вскоре пропал. Мы поискали и махнули рукой, решив, что его

украли воры. А оказывается, он провалился в ботинок. Вечно Нюсяка разбрасывает свои игрушки!

— Что это? — поинтересовался Рылов, кладя драгоценный камень на ладонь.

— Мой бриллиант! Он стоит десять миллионов долларов! — похвасталась Нюсяка, вновь появляясь в коридоре.

— И это ты называешь бриллиантом? Дешевая бижутерия! Уж я-то в настоящих драгоценностях разбираюсь! — презрительно фыркнула Икса. Она мельком повертела камень и вернула его Рылову.

Вороватый от рождения, Игорь немедленно сунул его в карман. Нюсяка не стала протестовать или спорить, но через минуту я увидел, как камень выполз у него из кармана и переместился по воздуху на ладонь сестры, которую она быстро сжала. Что не говори, телекинез — огромная сила, недаром ею на Ирксилоне владеют многие.

— А здесь у вас что? — спросила Икса, подходя к ванной, которой послышался за дверью странный звук.

— Ванная, — ответил я.

— Там что-то капает!

— Кран течет.

Икса приоткрыла дверь и заглянула в ванную, но так как свет там был выключен, то ничего особенного она не заметила. Видно было, как поблескивает вода, но ни дедушки, лежавшего на дне, ни пираний она не разглядела.

В то время как математичка подозрительно бродила по коридору, отыскивая несомненные следы присутствия динозавра, а мое внимание было отвлечено на то, чтобы не дать ей заглянуть куда не нужно, Урсуфьев и Рылов, за которыми я не уследил, прокрались в лабораторию. Я знал, что это единственное место, куда ни в коем

случае нельзя впускать посторонних, но настырная парочка уже проникла туда, и из лаборатории донеслись восхищенные восклицания.

Посреди комнаты, рядом с неподвижно повисшим антигравитатором, стоял перемещатель — великолепная установка, предназначенная распутывать витки пространства между параллельными мирами и найти для динозавров новое место обитания.

На боковой панели было углубление, по форме напоминающее человеческую ладонь. Стоило Урсуфьеву дотронуться до него, как зажегся зеленый глазок, и все мудреное сооружение пришло в движение — стали вращаться какие-то маховики, забурлили кислоты и по всей комнате начало разливаться странное сияние. Очевидно, происходила фокусировка перемещающего луча, о которой говорил папа.

— Ага, попались! Инна Ивановна, идите сюда! Смотрите, что у них здесь! — торжествующе завопил Рылов.

Икса, а за ней и я с Нюсякой вбежали в лабораторию.

Пока я лихорадочно соображал, как все объяснить, а училка сверлила взглядом то меня, то папины изобретения, перемещатель параллельных миров вдруг задрожал, кислоты в нем закипели, и произошло то, чего накануне опасался папа — к зеленоватому сиянию стало примешиваться сероватое, сквозь которое начала проглядывать совсем другая комната.

Сообразив, что может случиться, я крикнул: «Осторожно!» — схватил в охапку Нюсяку и бросился к двери, но опоздал. Свечение окутало нас, я почувствовал легкое покалывание, как от наэлектризованной вещи, и свечение пропало.

Вначале мне показалось, что ничего не произошло. Действительно, и пол, и цвет обоев, и вид из окна остались прежними, и, лишь пристально вглядевшись, я заметил перемену. Изменился рисунок паркета, и на картине, на которой у нас был пейзаж с мельницей, теперь появился «Девятый вал» Айвазовского.

Заметил я и другое — папин перемещатель и изобретения исчезли, так же как улетучилась и высоченная гора научной и справочной литературы, которая прежде возвышалась от пола до потолка.

Зато на стене появился большой электронный календарь — затемненная пластина со светящимися числом и месяцем:

«74 М А Р Т А, 11.35»

Вначале я решил, что это шутка, но, обнаружив на столе газету, датированную предшествующим, 73 марта, сообразил, что к чему. Очевидно, в параллельном мире люди отказались от лишних месяцев, чтобы не хранить в памяти несущественной информации, и оставили только четыре, по одному в сезоне, — декабрь, март, июнь и сентябрь. Таким образом, 74 марта соответствовало нынешнему 12 мая.

За моей спиной раздался тихий вздох, и Урсуфьев с Рыловым подхватили Иксу, пытавшуюся упасть на пол. Для математички она была излишне впечатлительной.

Одна Нюсяка проявила исключительное самообладание. Она заглянула в ванную и обрадовалась:

— Дедушка! Смотри, дедушка!

Я бросился к ней и увидел почти не изменившегося Апручуна. Лишь борода у него была немного длиннее, и не белая, а зеленая, кроме того, в мочке правого уха

поблескивала залихватская золотая серьга. Да и в ванне вместо пираний плавали морские черепахи.

— Дедушка, я твоя внучка. Ты меня узнал? — спросила Нюсяка.

— Тебя-то я узнал, Ириша. А это кто? — Параллельный дедушка с подозрением ткнул в меня пальцем.

— Ты не помнишь, кто я? Я твой внук!

— У меня нет внука! У меня три внучки! Иди домой, парень! Не заставляй меня вылезать из ванной и выстав-
лять тебя за дверь.

Я кивнул, сообразив, что параллельный мир может весьма существенно отличаться от нашего и внук вполне может замениться двумя внучками.

— Ты еще не ушел? — поинтересовался дедушка.

— Послушай, я твой внук из другого мира! — начал объяснять я. — Дело в том, что папа изобрел пространственный перемещатель, который позволяет проникать сквозь петли времени...

— Папа что-то изобрел? — усмехнулся параллельный дед. — Ни за что не поверю! Мой сын начисто лишен технической смекалки, даже чтобы поменять лампочку в коридоре, он вызывает электрика и заставляет его обес-
точить весь район... Мальчик, не плети про петли вре-
мени... Ириша, проводи его! Старшие внучки в школе, попозже придешь.

Очевидно, он твердо решил, что я назойливый зна-
комый одной из старших внучек.

— Хорошо, ухожу... — не стал спорить я. — Только скажите, чем занимается мой па... то есть ваш сын?

— Ничем **стоящим!** — **раздраженно** сказал параллель-
ный дедушка. — Он **полный** лоботряс! Спит на ходу и
собирает **редкие** пуговицы. Вот и все, что он делает.

И тут меня осенило, будто словарь упал со шкафа мне на макушку! Если папа в этом мире собирает редкие пуговицы, то восстанавливать хромосомный набор динозавров он никогда бы не додумался, а значит...

Я выскочил в кухню, окна которой выходили на Новый Арбат. По магистрали сновали автомобили, и никаких следов динозавров не было видно. Желая удостовериться в этом, я перелистал газету от 73 марта, но и там о динозаврах ничего не говорилось, кроме одной статьи, которая называлась «Динозавры нашей экономики». Но в ней речь шла о финансовых хищениях, а о доисторических ящерах она не упоминала.

Услышав грохот в коридоре, я помчался туда. Урсуфьев, Рылов и Икса, о которых я совершенно забыл, дергая замок, судорожно пытались открыть входную дверь. Мишка подскочил ко мне и вцепился в рубашку.

— И дверь другая и все другое! Где мы? Куда ты нас завел? — испуганно крикнул он.

— Успокойся и перестань вертеть мои пуговицы! — сказал я, отцепляя его руки. — Мы в параллельном мире! Ты активизировал установку! В другой раз не будешь нажимать на что попало.

— В параллельном мире? — Урсуфьев, похоже, не знал о многочисленных мирах, разведенных во времени с нашим, и по простоте душевной полагал, что параллельными могут быть одни прямые.

— Наглая мистификация! Вы ответите за хулиганство! — крикнула Икса.

Справившись с замками, она выскочила на площадку и бросилась по лестнице вверх к своей квартире. Я догадывался, к чему это может привести.

Глава четырнадцатая
ИКСА ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ДВОЙНИКА

Мой миленок, мой миленок,
Ходит, улыбается.
Зубы новые поставил —
Рот не закрывается.
Частушка

— Соображаешь, в какую историю мы попали? — спросил я Ньюяку. — Мы застряли в параллельном мире и не можем вернуться в наш.

— Не сможем и — не надо! — легкомысленно сказала она. — Мне и тут неплохо. Пускай меня называют Иришей!

— У них уже есть одна Ириша, — сказал я. — Зачем им вторая?

— Пригодится. Не станут же они меня выбрасывать? Они ведь не будут знать, где я настоящая, а где параллельная. А я буду сама с собой дружить.

Внезапно с лестницы донесся пронзительный вопль. В нем слились тоска и грусть, безнадежность и сумасшествие. Я бросился на площадку, стрелой пролетел два этажа и оказался у квартиры Иксы. На бегу я понял, что крик потому показался мне таким громким, что два вопля слились в один.

Орали обе Иксы, встретившиеся на пороге своей квартиры. Должно быть, наша математичка пыталась открыть дверь ключами, но она распахнулась — и на пороге возникла ее копия.

Стоило обеим увидеть друг друга, столкнувшись лицом к лицу, как обе взвизгнули так пронзительно, что стоявшие на площадке Урсуфьев и Рылов зажали уши. Но вскоре обе почтенные дамы одновременно смолкли и, потрясенные, уставились друг на друга. В первое мгно-

вание и у той и у другой возникла мысль об ограблении, но потом они заметили, что очень похожи. Через какое-то время, поняв, что молчание затянулось, обе Иксы вместе спросили: «Что вам надо?» — и также вдвоем ответили: «Не ваше дело!»

— Что делаете в моей квартире? — спросила наша Икса у другой.

— Это вы что в ней делаете? И почему ваши ключи подошли к моему замку? — наседала Икса-вторая.

— Я в этой квартире прописана! — набросилась на нее наша Икса. — Я могу паспорт показать!

— И я могу показать! — заявила Икса-вторая. — Только зачем мне вам что-то доказывать, когда я дома?

— Нет, вы покажите! — настаивала первая.

Обе с торжествующим видом показали друг другу свои паспорта и были потрясены абсолютным сходством. Совпадало все, включая прописку. Даже маленькое чернильное пятно на первой странице рядом с фотографией было на документах обеих.

Иксы в ужасе уставились друг на друга, и в их сознании замелькали разнообразные мысли одна страшнее другой: «Шпионка или аферистка? Пластическая операция? Паспорт поддельный? Но чего же она хочет?» Встретиться с собственной персоной лицом к лицу казалось им невероятным, и каждая искала логических объяснений. Видимо, правильно говорила моя мама: «Больше всего раздражают люди, которые похожи на тебя самого».

— Это все он натворил! — ткнула в меня пальцем Икса-первая. — Отвечай, почему в квартире посторонние?

— Это параллельный мир, отстающий от нашего на несколько секунд, — спокойно сказал я, не вдаваясь в подробности.

Я не думал, что мне поверят, и наша Икса недовольно поморщилась, зато вторая посмотрела на меня, охнула и, отойдя от двери, вышла на площадку.

— Параллельные миры? Я читала об этом в фантастических книгах! — воскликнула она. — Значит, она — это я, но в параллельном нам мире?

— Правильно, — подтвердил я. — Она — это вы, или вы — она, не имеет значения. Параллельных миров тысячи, и они отделены друг от друга всего несколькими секундами.

Потрясенная Икса-вторая прислонилась спиной к стене.

— Я не поверила бы, если бы не такое сходство! У нас даже родинки на щеке в одном месте! Входите! — И она гостеприимно раскрыла дверь.

— Подумать только, меня приглашают в собственную квартиру и кто? Я сама! — пробурчала Икса-первая.

Вскоре вшестером — я с Нюсякой, Урсуфьев с Рыловым и две Иксы — сидели на кухне и беседовали за чаем.

Икса-первая внимательно осмотрела квартиру Иксы-второй и нашла много отличий. Особенно отличались по подбору книжные полки.

— Почему у вас нет математических пособий и мало справочников по геометрии и алгебре? Разве вы не следите за современной наукой? — подозрительно спросила она.

— Зачем они мне? — удивилась вторая. — Я преподаю географию!

— Как географию? — ахнула первая. — Математику и алгебру!

— Нет, географию!

— Не географию! Я вас умоляю: математику! — настаивала Икса-первая.

— Я вам говорю: географию! — начала сердиться вторая. — Согласитесь, мне лучше знать!

Наша Икса тоскливо вздохнула и отодвинула стакан с чаем. Чувствовалось, что она чем-то сильно взволнована.

— Вам удалось! Вернее, мне удалось, но в другом, параллельном мире! — туманно сказала она.

— Что удалось? — не поняла Икса-вторая.

— Когда-то, много лет назад, я поступала в педагогический институт на географический, потому что мечтала стать географом! Я сдала успешно экзамены, и мне оставался лишь один, последний! Но в этот день я застряла в лифте! Просидела в нем четыре часа, а когда пришла в институт, выяснила, что я опоздала. Экзаменаторы разошлись, и пересдавать мне не разрешили, потому что причина была неуважительной. Тогда с этим было строго. В том же году с горя я подала документы на математический и поступила! Так погибла моя мечта, и я стала математичкой! Кто знает, если бы я не застряла в лифте, может, моя жизнь сложилась бы иначе...

Икса-первая отвернулась к окну. Мне показалось, глаза у нее заблестели от слез. Икса-вторая сочувственно обняла ее. Из духовки слышалось шипение и появилась струйка дыма.

— Курица! Совсем про нее забыла! — воскликнула Икса-вторая. Она подскочила к духовке, выключила ее и вытаскивала немного подгоревшую курицу.

Икса-первая посмотрела на нее дикими глазами и, не сказав ни слова, заметалась по кухне.

— У вас тоже в духовке курица? — спросила Нюсяка. — Не выключили?

Та, бегая, кивнула:

— Представляю, что там сейчас происходит! Но почему, почему ей везет? И курицу она успевает вытащить, и в лифте не застревает, и в параллельный мир угодила я, а не она!

— Не унывайте! Уверена, у вас в жизни были хорошие моменты! Нельзя завидовать самой себе! Наоборот, нужно радоваться, что в другой реальности вам повезло больше, — укорила Икса-вторая, но ее слова не успокоили Иксу-первую, продолжавшую метаться по кухне. В ее воображении курица превратилась в угли и в квартире вспыхнул пожар.

Меня потянули за рукав: рядом стоял Рылов. Было заметно, что он страшно напуган, а лицо его стало бледнее.

— Мы никогда отсюда не выберемся? — прерывающимся голосом спросил он у меня.

— Никто не знает, — честно ответил я. — Папа не успел закончить перемещатель, и он работает в одну сторону. К тому же необходимый механизм остался в другом мире...

Я заметил, что губы у Рылова задрожали, и он замолчал. В жизни не встречал такого близняшка. Похоже, Урсуфьеву тоже не понравилось такое поведение Игоря, потому что он ткнул приятеля кулаком в бок:

— В чем дело? Чего ты раскис? Если мы застряли — пойдешь к себе домой. Встретишь своего двойника и сам себе поможешь! Я уверен, что мой двойник, другой Мишка Урсуфьев, меня не бросит. Мне даже интересно будет с ним поспарринговать. Интересно, кто из нас лучше дерется?!

— Ты не понимаешь! Вы ничего не понимаете! — плаксиво заверещал Рылов. — Вы-то, может, сами себе и поможете, а я себе ни за что не помогу!

— Почему?

— Не знаю почему, но не помогу, и все! Попади он в мой мир, я бы его не выручил! У меня принцип такой: «Я никому ничего и мне никто ничего!»

— Тяжелый случай! — сказала Икса-первая.

— Очень тяжелый! — согласилась с ней Икса-вторая.

В эту минуту в коридоре зазвонил телефон. Обе Иксы одновременно вздрогнули и кинулись к телефону.

— Алло! Вам кого? Нюсяку? Нет такой! Вы не туда попали!

— Не-е-ет! Не вешайте! Это нас! — сразу все сообразив, я бросился к телефону и перехватил трубку.

Поднеся ее к уху, я услышал взволнованный голос папы, повторявший:

— Алло! Алло!

— Привет, это я, Макс! — завопил я. — Ты из какого мира? Из этого или из того? Как ты узнал, что мы здесь?

Папа ответил после паузы. Очевидно, сказывалось расстояние между мирами.

— На табло остались временные координаты мира, в который вы переместились. Я подключил телефон к переходному пульту и смог с вами соединиться.

— Как ты узнал этот номер?

— Нашел в коридоре сумку твоей учительницы и позвонил ей домой. К счастью, номер телефона в параллельном мире не изменился.

— Ты **вытащишь** нас?

— Вам **там** плохо? — удивился Фритт.

Я так был потрясен, что глаза вытаращил. С папой всегда так: витает в **облаках** и не понимает простейших вещей!

— Ты что? **Все** хотят **вернуться** домой! Когда ты нас вытащишь?

— Потерпите, думаю, минут через десять. Вначале я должен смонтировать те детали, которые принесли мы с мамой. Мы не смогли найти ничего подходящего, поэтому пришлось купить две кофеварки, один пылесос, стиральную машину, часы и два пульта от телевизора! И все ради одной или двух схем! Сейчас я это распотрошу и присоединю!

— А нам что делать?

— Отправляйтесь туда, куда вы переместились, и ждите.

— Будет сделано! Прием окончен! — отчеканил я.

— Нет, постой! Макс!.. Я хотел спросить... — спохватившись, нерешительно произнес папа. — В параллельном мире есть динозавры?

— Нету динозавров.

— Как нет? Разве я не изобрел перемещатель? — поразился отец.

— Нет. Ты здесь собираешь редкие пуговицы и не можешь сунуть вилку в розетку без технического консультанта, — не без злорадства сообщил я.

— Что я собираю? Пуговицы? — присвистнул Фритт.

Видимо, эти пуговицы его доконали. Собирай он оружие или картины, ему бы не было так обидно, но пуговицы... Я мог еще поддеть этим Фритта, но вспомнил, что в параллельном мире вместо меня у родителей есть две девочки, и мне расхотелось над отцом смеяться.

— Я хочу найти среди параллельных миров такой, где нет людей, но есть динозавры, — сказал папа, уходя от неприятного для него разговора о пуговицах.

— А такие есть?

— Конечно, есть! Параллельных миров, как мы видим, множество! Динозавры существовали бы и в нашем, если бы не метеорит, который упал в океан семьдесят миллионов лет назад. Мы должны найти такую реальность,

где динозавры выжили, — бодро сказал папа, и мне хотелось надеяться, что он не ошибается.

Повесив трубку, я заглянул на кухню.

— Это звонил папа! Минут через десять он обещает нас вытащить, но нужно вернуться на то же место, куда мы переместились, — сообщил я.

Оказалось, что это ни для кого не новость, потому что вся компания подслушивала у дверей. Икса-первая попрощалась со своим удачливым близнецом из параллельного мира, и спустя три минуты мы были в той комнате, где в нашем мире была папина лаборатория.

— Ириша, принеси мне из холодильника морской капусты! Мне лень вылезать! — донесся из ванной голос дедушки, решившего, что пришла младшая внучка.

— А не майонеза? — удивленно спросила Нюсяка.

— Дразнишься? Ты отлично знаешь, что я терпеть не могу майонез! — проворчал дедушка.

Очевидно, в параллельном мире его вкусы резко изменились. Я сосчитал в холодильнике банки с капустой, и у меня получилось тридцать две! Попутно я стащил полпалки копченой колбасы, очистил и съел, решив, что параллельный мир не обеднеет.

В ожидании, пока папа откроет дорогу между мирами, я жевал колбасу и рассматривал коллекцию пуговиц, которая занимала несколько больших стеклянных шкафов, стоявших вдоль стен. Каких только пуговиц в них не было! И совсем маленькие, и большие, и квадратные, и блестящие, и какие-то совершенно невероятные по форме, которые и пуговицами не назовешь. На стене возле шкафа висела рамка с дипломом победителя выставки коллекционеров бижутерии. Вероятно, параллельный

папа собирал свои пуговицы с рвением, аналогичным любви нашего Фритта к динозаврам.

Пока я рассматривал пуговицы, Рылов вертелся поблизости и непрерывно повторял: «Почему... почему он нас не забирает? Может, у него не получается?»

Своим нытьем Игорь надоел не только мне, но и Урсуфьеву с Иксой. Первый пригрозил двинуть ему в ухо, если он не заткнется, а вторая пообещала, что выше тройки по математике Рылов у нее не получит.

Когда тот замолк и в комнате воцарилась тишина, я услышал, как из ванной доносится удовлетворенное чавканье.

Время шло, стрелка часов перескочила на тридцатую минуту ожидания, как вдруг повсюду разлилось зеленоватое сияние и между мирами открылся прямоугольный ход. В светящемся проеме стоял мой папа и смотрел на нас.

— Проходите, пока дверь не закрылась! — пригласил он нас и сделал галантное движение рукой.

Икса издала полувздых-полустон, что не помешало ей проскочить в проем первой. За Иксой поспешили и мы.

Глава пятнадцатая ЗЕМЛЯ ДЛЯ ДИНОЗАВРОВ

— Пап, а пап, люди разумны?

— Не болтай глупостей, сынок!

Эти козявки? Разве может быть разумно существо, у которого мозг в голове? — ответил папа, и оба диплодока направились к озеру.

и

Из анекдота

Для меня и по сей день остается загадкой, почему Икса, Урсуфьев и Рылов никому не рассказали ни о тирексе Шпроте, который жил у нас, ни о своем путе-

шествии. Думаю, они побоялись, что их примут за сумасшедших, или пытались рассказать кому-нибудь, но никто им не поверил, слишком невероятно было случившееся. Из-за нашествия динозавров на людей обрушилось такое количество новой информации, что они перестали отличать истину от слухов и газетных «уток».

Те дни я запомнил надолго. Мне не приходилось скучать: у меня не было ни минуты свободной. Я стал разведчиком параллельных миров и с ног сбивался, отыскивая среди различных миров динозавров.

За отсутствием других кандидатур я был единственным в нашей семье, кого можно было посылать на разведку, потому что папа должен был оставаться возле перемещателя, чтобы я мог вернуться обратно в свой мир. Обычно перед путешествием я тщательно экипировался, надевал кислородный баллон и защитную маску на случай, если по какой-то причине параллельная Земля окажется без атмосферы. Папа направлял на меня сфокусированный зеленоватый луч, и посреди его лаборатории появлялись неясные очертания какой-то комнаты или улицы. После того как я оказывался в новом мире, Фритту требовалось время, чтобы обнаружить меня и вернуть.

Пару раз с перемещателем случались неполадки, и мне приходилось проводить в незнакомых мирах по несколько часов.

Меня забрасывали вначале в те миры, которые отстояли от нашего на несколько секунд, потом на минуты, а в конце — и на полчаса. Иногда эти миры были похожи на наш, но чем больше времени их разделяло, тем существеннее становились различия. Однажды я минут двадцать бултыхался в океане, который в одном из парал-

лельных миров оказался на месте нашего дома, пока папа меня не вытащил.

Я побывал в доброй сотне параллельных миров и успел встретиться со множеством невероятных людей. Можно вспомнить хотя бы сорок Апручунов, которые все сидели в ваннах, и только один из них — в большом аквариуме, величиной в целую комнату, в котором он плавал вместе с нильским аллигатором. Дедушки относились ко мне по-разному, но в большинстве случаев довольно миролюбиво. Питались они чем угодно, начиная от бумаги, мебели и вафель и кончая красной икрой. Потребителей майонеза среди них не было.

Сколько я встречал Ньюсяк, я даже не смогу сосчитать. Они путались у меня под ногами. Причем раз семь или восемь Ньюсяки оказывались маленькими, плохо воспитанными мальчиками.

Раза четыре мне приходилось драться с самим собой, и не всегда я выходил победителем. Особенно тяжелым оказалось сражение, где моим противником стал питекантроп Буб, похожий на меня как две капли воды, но одетый в шкуру. Вероятно, тот параллельный мир был недоразвитым, с затянувшимся на несколько тысячелетий каменным веком.

Буб набросился на меня с палицей после того, как я материализовался рядом с тушей убитого племени мамонта. Признаюсь, мне пришлось немало повозиться с питекантропом, потому что он оказался гораздо сильнее меня. Если бы папа не догадался вовремя открыть дверь в пространстве, Буб явнополнил бы свою коллекцию моим черепом, не смутившись тем, что он — это я. С грустным сердцем я вернулся в свой мир, размышляя, что должно было произойти, чтобы среди моих копий

появились такие слабоумные? Впрочем, Буба можно понять, он защищал мамонта. Должно быть, я в пещерные времена поступил бы так же.

В другом параллельном мире с затянувшимся средневековьем я приземлился на паркет посреди балльного зала, в котором красиво одетые пары танцевали менуэт. Появившись на балу в противогазе и защитном костюме, я перепугал средневековых дам, поднявших оглушительный визг. Их кавалеры, оправившись от страха, попытались вышвырнуть странного гостя за дверь, и мне пришлось раскрутить пару самых рьяных над головой, держа их за ноги. Решив, видимо, что я злой дух, один из нападавших схватился за рукоять шпаги и попытался меня проткнуть. Все это стало мне надоедать, но, к счастью, в пространстве открылось окно и Фритт догадался вытащить меня.

Сложнее всего мне пришлось на одной из Земель, отстоявшей от нашей на две с половиной минуты. Там я оказался посреди пустыни под невыносимо палящим солнцем. Я пробыл в том мире совсем недолго, но потом целый день лечился от ожогов. Позднее, пытаясь объяснить мне, почему в одном случае я попал в океан, а в другом в пустыню, папа рассказывал об изменении оси вращения Земли, из-за которого смещаются континенты и «сползают» географические пояса.

От непрерывных перемещений по параллельным Землям я порядком устал. Первое время меня пугало, что однажды я могу материализоваться метрах в двадцати над землей. Не верите? Очень даже возможно. Наша квартира находится на восьмом этаже, а теперь представьте, что в каком-нибудь другом мире дома на этом месте не окажется? Или, допустим, прямо подо мной в ином мире

возникнет пропасть? Но потом выяснилось, что папин прибор имеет специальную регулировку плотности и эта опасность мне не грозила.

Когда от параллельных миров у меня уже поплыли круги перед глазами, нам наконец повезло, и я нашел для динозавров отличную Землю, которая отстояла от нашей в сорока минутах. Именно поэтому мы с папой и дали ей порядковое название «Земля-40».

Мир, который был на пределе досягаемости перемещателя, оказался именно таким, какой мы искали. Метеорит пролетел Землю-40 стороной, разминувшись с ней на несколько тысяч километров или на долю градуса в космическом исчислении. Когда я материализовался, мне сразу пришлось спастись бегством от зубастого ящера, отдаленно напоминавшего Шпрота, но с ярким оранжевым гребнем на загривке, более длинной шеей и кожей с сероватыми разводами. Мне едва удалось нырнуть в щель под валуном, оттуда у меня была возможность целых полчаса наблюдать за чудовищем, которое не отходило от большого камня ни на шаг, надеясь, что я вылезу и он меня сожрет. Я поразился упорству громадины, весившей, должно быть, тонн восемь-девять. Ручаюсь, что ни в одной из научных книг такой ящер не описан, должно быть, его кости в нашу эпоху не были найдены, равно как и останки многих других видов.

На гигантской травянистой долине хищный ящер был не одинок. Вблизи зарослей с сопением и утробным урчанием возилось чудовище, коричневый бок которого был забрызган грязью, а вода в находившемся неподалеку озере то и дело вскипала, и на поверхности появлялась

маленькая на длиннющей шее голова бронтозавра, поедавшего со дна водоросли.

Хищный ящер караулил меня у валуна и, сообразив, что по своей воле я из укрытия не выйду, стал подрывать камень мощными задними лапами, толкая его головой.

«Странное животное! — размышлял я. — Здесь столько добычи, а полакомиться он хочет именно мной! Почему бы ему не сожрать ту корову, которая сопит в зарослях?» Не успел я об этом подумать, как из зарослей высунулась голова «коровы». Чудище было размером с танк, заковано в броню, и у него были четыре рога такой длины, что у меня сразу пропали все вопросы. Бронированная «корова» равнодушно посмотрела в нашу сторону и продолжала равнодушно уминать зелень.

Валун, который толкал головой хищный ящер, зашатался, и мне стало страшно. Хотя я всегда хорошо относился к динозаврам, перспектива быть сожранным ими меня не привлекала. Поэтому когда в пространстве открылась дверь и в полуметре от земли я увидел очертания зеленоватого хода между мирами, то с торжествующим воплем я выскочил из-за валуна и бросился к спасительной щели.

Хищный динозавр, не ожидавший от меня такой прыти, на мгновение замешкался, а потом почва задрожала от топота его лап. Не оборачиваясь, я подпрыгнул и буквально кувырком влетел в пространственную лазейку, едва не сбив отца с ног. Следом за мной в наш мир немедленно просунулась морда моего преследователя, и открытая пасть с зубами в три ряда устремилась ко мне. Не раздумывая я швырнул в эту пасть стул, а Фритт навалился на рычаг пространственной машины. Пере-

ходное поле померкло, и голова ящера исчезла вместе со стулом, который чудовище унесло в гигантской пасти.

Я перевел дыхание, чувствуя явное нежелание покидать мой мир, который показался мне лучшим из всех возможных.

— У тебя были проблемы? — без особого беспокойства поинтересовался Фритт.

— Подумаешь, едва голову не откусили! Пустяки! Подумай лучше, как мы объясним маме исчезновение стула.

— Спишем на производственные нужды. Это куда лучше, чем если бы нам пришлось списывать на необходимые потери тебя.

Так как отец видел морду динозавра, пытавшегося меня сожрать, то его не нужно было долго убеждать, что Земля-40 буквально кишит всевозможными ящерами. Что-то быстро прикинув, наш семейный изобретатель хлопнул себя ладонью по лбу:

— Я понял, в чем наша ошибка! Мы слишком долго возились в соседних мирах, а нужно было заглянуть глубже. Чем на большее количество секунд наш мир опережает другие или отстает от них, тем выше вероятность того, что он населен динозаврами.

— Гениальное предположение! Но, к сожалению, я знаком с тем, кому эта идея пришла намного раньше.

— И кому же? — поразился отец.

— Представь себе, мне! — скромно произнес я.

Папа немного расстроился, но быстро пришел в себя и сказал:

— Что же ты хотел? Ничего удивительного. Чей в тебе талант? Мой!

Глава шестнадцатая

ПРОЩАНИЕ С ДИНОЗАВРАМИ

Мы говорим вам «до свиданья»,
но прощанье не для нас.

Отрывок из песни

Итак, мир, в который можно переселить динозавров, был найден, но мы не могли начать перемещение, пока Фритт не разработал миниатюрный датчик, которым можно было бы зарядить бесшумное пневматическое ружье.

Основная проблема с этим датчиком заключалась в том, что он должен был включать ряд мелких деталей, которым на Земле не существовало аналогов. Делать нечего, Фритт соорудил микроскоп и собрал датчики под микроскопом с помощью пинцетов. Занятие требовало ювелирной работы, и, пока папа изготовил нужное количество датчиков, прошло недели две. Наконец наступил день, когда он ссыпал их в коробочку и с гордостью показал нам.

— Миниатюрный передатчик обладает зарядом, мощности которого достаточно, чтобы переместить из одного мира в другой биологическое тело весом в несколько тонн, — хвастался изобретатель. — Стоит ему попасть в динозавра, а мне включить свою пространственную машину, как ящер отправится на Землю-40.

— Равновесие миров не нарушится? — спросила мама. — Ведь мы заберем часть материи из одного мира и перенесем в другой. Помнится, ты говорил о балансе материй. Ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно.

— Не нарушится. Наши миры, хоть и параллельны, тем не менее не абсолютные двойники. Несколько динозавров туда, несколько сюда — в космическом масштабе

мизерные величины. К тому же мои последние подсчеты показали, что между мирами происходит постоянный обмен энергией...

И он продолжал рассуждать, употребляя непонятные слова и сложные физические термины. Никто ничего не понял, но все успокоилось, потому что говорил он уверенно.

Нюсяка настолько заслушалась, что вместо мыла случайно съела кусок настоящего хлеба и запила простой водой. Мы испугались, что придется ей промывать желудок, но все обошлось тем, что ее пришлось несколько раз похлопать по спине. «Ты смотришь, что ешь? Совсем не следишь за здоровьем!» — встревоженно сказала мама.

— Умно, хотя непонятно, как ты собираешься прикреплять датчики к динозаврам? — поинтересовался Апрчун у отца, когда мы убедились, что с Нюсякой все в порядке.

Лицо изобретателя омрачилось.

— Из пневматического ружья. Главное, не промахиваться, лишних датчиков у меня мало.

Он исчез в комнате и принес внушительного вида пневматическое ружье с длинным дулом и прицелом в виде небольшого кружочка, в центре которого было крошечное отверстие. По-моему, такой прицел называется диоптрикой, хотя я в этом не уверен. Ружье было совсем новым и приятно пахло ружейным маслом, наверное, папа купил его сегодня или вчера.

Раньше я стрелял из воздушки всего несколько раз — в тире и на даче у одного из одноклассников. Не хочу хвастаться, но попадал я в цель чаще остальных, хотя многие имели куда больший опыт.

— Кто будет из него стрелять? — нетерпеливо спросил я.

— Ты, больше некому, — успокоил меня папа. — Я не в лучшей форме для охоты за динозаврами, к тому же мне придется активизировать перемещатель. Но помни, если промахнешься больше двух-трех раз, датчиков у нас не хватит. Я советовал бы тебе потренироваться.

Отец протянул мне ружье, а вместе с ним две коробки со свинцовыми патронами для пристрелки.

— Осторожнее, Макс, пожалуйста, не целься в людей!

— А он не покалечит динозавров? — озабоченно спросила мама, следя, чтобы я — не дай Бог! — не направил дула ни на нее, ни на Нюсяку, ни на дедушку.

— Из пневматического-то ружья? — засмеялся папа. — Для динозавра — это как укус осы. К тому же он будет стрелять датчиками, специально рассчитанными, чтобы через несколько дней после перемещения полностью раствориться. Есть риск, что ящер расщиплет и бросится на Макса, но я постараюсь как можно скорее включить установку, и динозавр пропадет.

— А если не исчезнет? — заволновалась мама.

— Наука не имеет дел с «если». Наука манипулирует фактами, — глубокомысленно ответил Фритт.

Целый день с утра до вечера я стрелял из пневматического ружья и перевел, наверное, тысячу пульек. Вначале они летели в сторону от центра мишени и сбивались в кучу в нижнем углу, но потом я сообразил, что ружье не пристреляно, и сдвинул прицел на несколько миллиметров. Пульки стали ложиться точнее, но опять попадали не в центр, и мне пришлось заняться регулировкой. Экспериментируя, я добился того, что сразу пять пуль подряд легли в центр мишени. Натренировавшись стрелять из разных положений — стоя, лежа, с одной руки, — я был уверен, что, когда будет необходимо, не промахнусь.

Но были у воздушного ружья и свои недостатки. Било оно только на десять — пятнадцать метров, а дальше скорость полета пули и пробивная сила резко уменьшались, как и точность стрельбы. После этого открытия настроение у меня испортилось. Значит, стрелять в динозавров мне придется почти в упор и, выходит, напрасно я тренировался так долго, потому что попасть в такую громадину с близкого расстояния будет несложно. Но чем ближе я буду находиться, тем выше риск, что, почувствовав укол, ящер бросится на меня.

Но отступать было поздно. Мы понимали, что раз вырастили динозавров и по нашей небрежности они бродят по городу, то дело чести вернуть их в мир, более подходящий для гигантов.

На рассвете следующего дня, вооружившись пневматическим ружьем и радиотелефоном, я отправился на охоту за динозаврами, а Фритт остался дежурить у приведенного в готовность перемещателя. Мы с ним договорились, что в момент выстрела я буду кричать в радиотелефон: «Есть!» или «Давай!» — а отец включает установку и активизирует передатчик.

Если он сработает, то через несколько секунд после выстрела динозавр окажется в параллельном мире. Для того чтобы мне легче было обнаружить ящеров, которые разбрелись по всему городу и окрестностям, мы разработали нечто вроде инфракрасных очков, надев которые я видел направление, в котором нужно двигаться. Путь обозначали пульсирующие зеленые стрелки, свечение которых усиливалось по мере приближения к объекту.

Первым, кого я нашел в одном из соседних дворов, был паразауро~~лоф~~ Бяка. Динозавр, вымахавший до двух с половиной метров, сосредоточенно ковырялся в му-

сорном контейнере, который опрокинул мощным толчком головы. В естественных условиях паразауролофы большие лакомки и питаются только некоторыми видами фруктов, сладкими побегами и молодой древесной корой, сейчас же бедняга вынужден был выбирать из бака всякие объедки. Меня Бяка не узнал, мы с ним не виделись около месяца, а у динозавров этого вида память короткая. Я поднял пневматическое ружье, зарядил датчиком и сказал в радиотелефон: «Па, приготовься! Я выследил паразауролофа!»

— Отлично! — раздался из трубки бодрый голос отца. — У меня готово! Стреляй на счет: три! Раз, два... три! Давай!

Я поднял ружье и, прицелившись в широкий круп, выстрелил в Бяку. Динозавр перестал жевать объедки и озадаченно уставился на меня, приоткрыв пасть, похожую на лошадиную. Скорее всего, он не понял, что произошло, — Бяка никогда не отличался сообразительностью. Он почувствовал, что его кольнуло, но не понимал где.

— Я активизировал машину! — взволнованно крикнул папа. — Как там у тебя? Он переместился?

— Пока нет! Стоит и глазеет на меня!

Бяка некоторое время прислушивался к своим ощущениям и вновь сунулся мордой в объедки. В этот момент паразауролоф засветился, его обволокло зеленоватое сияние, и он, продолжая жевать, исчез. Передо мной валялись лишь опрокинутые мусорные баки и осталось несколько глубоких отпечатков лап на влажной земле. Бяки уже не было — он исчез, пропал из нашего мира, чуждого для него, и оказался в мире динозавров. Не думаю, чтобы он удивился такому чудесному перемещению, это чувство было незнакомо глуповатому паразауролофу. Наверное,

вначале Бяка на несколько секунд озадачился, а потом наверняка стал с довольным сопением поедать молодые побеги, траву и плоды, не задумываясь, откуда они взялись.

— Пропал! Получилось! — сообщил я в трубку.

Мне никто не ответил, но я знал, что по ту сторону папа гордится собой.

Повертев головой и обнаружив, что никто не заметил исчезновения динозавра, я спрятал ружье в широкий чехол для спиннинга, вновь надел очки и отправился на поиски других ящеров.

Но не все динозавры оказались такими спокойными и миролюбивыми, как Бяка. Чтобы переселить кое-кого из них, мне пришлось изрядно повозиться и даже подвергнуться риску. Следующими моими «мишенями» стали трицератопсы, едва не поднявшие меня на рога в то время, как я старался улучшить их существование.

Вскоре в стеклах моих инфракрасных очков высветилось сразу два силуэта — Лариса и Альфонс. Оба гиганта — Альфонс был размером примерно с микроавтобус, а Лариса чуть меньше — паслись на газоне в парке, выщипывая своими жесткими губами траву с корнем и обдирая листву и ветки с молодого кустарника, а рядом с ними с лаем носились дворняги. Изредка, когда собаки допекали и подскакивали совсем близко, Альфонс с гневным похрюкиванием устремлялся за псами, и собаки разбегались, поджимая хвосты. Понимая, что их не догнать, Альфонс останавливался, покачивал из стороны в сторону головой с массивными рогами, которые могли вспороть брюхо слону, а потом возвращался к Ларисе.

— Папа, слышать меня? Вижу двух трицератопсов! — сообщил я в радиотелефон.

— Отлично! Я все подготовил для перемещения! — с готовностью отозвался он. — Сообщишь, когда включать!

— Приступаю к операции!

С опаской косясь на гигантов, я зарядил ружье датчиком, огорчаясь, что моя воздушка однозарядная. Пока я буду вгонять в ствол следующий патрон, второй трицератопс может атаковать меня.

Я сунул радиотелефон в карман и стал осторожно подбираться к Альфонсу и Ларисе. Местность была открытая, и мне негде было спрятаться, разве что за парой кустов кустиков, объединенных трицератопсами. Животные мрачно следили за моим приближением, склонив головы с полутораметровыми рогами к самой земле. Их небольшие свиные глазки не выражали особой радости от встречи со старым знакомым.

Приблизившись метров на десять, я поднял ружье, прицелился в Ларису и выстрелил. Не думаю, что крошечный датчик мог причинить ощутимую боль чудовищу, покрытому ороговевшей кожей как броней, но Лариса была очень чувствительной и подозрительной дамой. Она взвизгнула как поросенок и бросилась на меня. Почти на метр впереди динозаврихи мчался вступившийся за свою супругу Альфонс, явно решивший, что пришло время поднять меня на рога. Все произошло настолько быстро, что у меня не было времени перезарядить ружье.

Я повернулся и, петляя, чтобы этим близоруким гигантам сложнее было меня растоптать, помчался к кустарнику, который я перепрыгнул, а трицератопсы, не замедляя хода, промчались сквозь него и продолжили преследование как два атакующих танка. Расстояние между нами сокращалось. Когда они оказались совсем близко и приготовились пропороть меня рогами, я от-

скочил в сторону и массивные туши пронеслись в полуметре от меня.

Никогда раньше я не сочувствовал тореадорам, а сейчас сокрушался, что у меня нет яркого плаща, которым можно было отвлечь внимание динозавров.

Наконец мне удалось обнаружить подходящее дерево и, бросив мешавшее мне ружье вниз, я взлетел по стволу вверх. При этом радиотелефон выскочил у меня из-за пояса и упал между корнями. Сидя на дереве, которое бодали разъяренные трицератопсы, я услышал из лежавшей на траве трубки голос отца:

— Алло, алло, Макс! Почему ты не выходишь на связь? Включать перемещатель?

— Давай скорее! Врубай эту штуку! — закричал я с дерева, но Фритт ничего не слышал, а спуститься и поднять ружье и телефон я не мог, потому что оба трицератопса ждали меня, выставив рога. Дворняги прыгали вокруг них и лаяли, больше сочувствуя мне, чем доисторическим гигантам.

Наконец мне удалось улучшить момент, когда динозавры отвлеклись, погнавшись за собаками, и я, спрыгнув на траву, схватил телефон.

— Алло, Макс! Ты где? — доносился из трубки обеспокоенный голос отца.

— Включай! Быстрее! — завопил я и, повесив ружье на шею, полез на дерево, потому что Альфонс уже мчался ко мне, хрюкая от ярости.

Балансируя на ветке, я перезарядил ружье и не без удовольствия выстрелил Альфонсу в загривок. Первый датчик срикошетил от брони, и мне пришлось стрелять вторично. При этом я не удержался на ветке и стал падать сверху на спины гигантам.

«Конец! Не успею вскочить, и они меня пропорят рогами!» — мелькнула у меня мысль. Но мне повезло, причем повезло поразительно, потому что я играл со смертью.

В следующую секунду рог Альфонса пронзил мне грудь, но я не почувствовал боли, и кровь не брызнула. За мгновение до этого контуры динозавров стали размываться, и рог, прошедший сквозь меня, был прозрачным и бесплотным, словно призрачный. Потом оба трицератопса исчезли.

Покачиваясь, я встал и на всякий случай ощупал грудь, но, к счастью, на мне не было ни царапины, хоть я и ушибся, упав с дерева. Я сунул ружье в чехол, поднял с земли радиотелефон, в котором звучал озабоченный голос папы: «Макс, что с тобой? Ты жив?» — и по газону, ничего не видя перед собой, направился к забору, чтобы поскорее покинуть парк. Дворняги, ошеломленные происходящим, выли и повизгивали у меня за спиной, поджав хвосты.

Я думал, что никогда больше не смогу этим заниматься, но пересилил себя и в тот же день переместил в параллельный мир анкилозавра Прокла и дилофозавра Иру. За ней мне пришлось долго гоняться, а с Проклом, которого я, по правде говоря, опасался больше, мне повезло, потому что за несколько минут до моего появления бронированная черепаха, покрытая шипами, надежно застряла между гаражом-ракушкой и деревом. Я прицелился и отправил Прокла на Землю-40, где, надеюсь, ему понравится больше, чем в тесных сырых дворах московских многоэтажек, и на каменистых равнинах, залитых солнцем, он сможет часами лежать неподвижно и наблюдать за горизонтом, где в волнующемся мареве реют кажущиеся неподвижными силуэты летающих ящеров.

Потом у меня стали возникать трудности. Многие динозавры быстро перемещались по нашему огромному го-

роду, и мне приходилось часами выслеживать, пока я где-нибудь не отыскивал их. Другая сложность, и более серьезная, была связана с летающими ящерами, многие из которых давно покинули окрестности столицы и теперь летали и охотились в сотнях километрах от Москвы.

Однажды мне показалось, что в небе промелькнул птеранодон Абракадабр, но стрелять в него было бесполезно, потому что он парил на такой высоте, куда мой датчик не смог бы долететь, а ждать, пока я поднимусь на крышу какого-нибудь небоскреба и выстрелю оттуда, Абракадабр не стал.

Вокруг каждого динозавра вечно толпились любопытные и останавливались туристические автобусы. Щелкали фотоаппараты, раздавалась иностранная речь. При этом мало кто думал о том, насколько не подходит для динозавров наш мир и если не перенести их в параллельный, они могут погибнуть в первую же зиму или дождливую осень.

Стрелять в динозавров на глазах такого количества зрителей было нельзя, как невозможно включить пространственное поле. Тогда я придумал другой способ, намного более эффективный, чем воздушное ружье, который заключался в подкладывании ящерам датчиков в еду и лакомстве. Хотя это запрещалось, туристы постоянно бросали динозаврам еду, которую те охотно подбিরали. Затесавшись в группу туристов, я подбрасывал ящерам кусочки, в которых были датчики, а какое-то время спустя, чаще ночью, Фритт включал пространственное поле. Таким образом я отправил в параллельный мир летозавров, стегозавра, игуанодона Витька, а также протоцератопса Флюса.

Естественно, вскоре массовое исчезновение ящеров было замечено, и в один из дней газеты запестрели сообщениями: «ПОХИЩЕНИЕ ДИНОЗАВРОВ», «ЯЩЕРЫ ИСЧЕЗАЮТ», «НЕИЗВЕСТНЫЕ КРАДУТ ДИНОЗАВРОВ», «СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ РАССКАЗЫВАЕТ (версия спецслужб)».

Последнюю статью «секретного агента» мы читали всей семьей и не могли удержаться от смеха. Так называемый «агент» утверждал, что динозавров вначале усыпляют, затем похищают с помощью транспортного вертолета и в товарных вагонах вывозят из России, чтобы открыть где-то в Америке парк доисторических исполинов. «Чего не придумают журналисты, чтобы поднять тираж газет!» — воскликнула мама.

После того как на следующий день исчезли еще несколько динозавров, а среди них бронтозавр Фисташка и диплодок Гаврила, правительство забило тревогу и выставило охрану оставшихся ящеров, но, пока охрана была четко налажена, я смог отправить в параллельный мир нотозавра Фуфуруфу, паразауролофа Буку и диплодока Вазелина. При этом на одну из установленных скрытых камер, которую я не заметил, зафиксировалось, как в зеленоватом сиянии исчезает диплодок. После того как эти кадры были показаны по телевидению, только об этом и говорили. Ученые утверждали, что динозавры исчезают в результате смещения времени, которое забросило их в наш мир. «Умная природа исправляет ошибки!» — писали специалисты, и им верили.

Версия, довольно близкая к действительности, была принята за официальную, и, пока динозавры не вывелись, их стали снимать на видеопленки, фотографировать, взвешивать с помощью специальных устройств и старались как

можно больше узнать о них. Некоторые «исследователи» предлагали сделать из динозавров чучела и изучить их анатомическое строение, но общество защиты животных запротестовало, да и большинство людей было против подобных экспериментов.

В конце концов, чтобы не лишать Москву одной из достопримечательностей, папа Фритт, дедушка Апрун и я приняли решение: нескольких самых симпатичных и безобидных динозавров оставить в Москве. «Их можно будет потом переселить в зоопарк», — сказал дедушка. Среди тех, кого мы решили не перемещать, были рамфоринх Рама и эдафозавр Маша, которые настолько привыкли к людям, что им будет трудно привыкнуть на новом месте. К тому же Машу очень любили на телевидении, она снималась в большинстве заставок и рекламных роликов и произносила коронное «Надо!».

Мы не стали переносить в параллельный мир археоптерикса Козявку и ихтиозавра Водолаза. Ихтиозавр благополучно доплыл до Тихого океана и вскоре легенды о нем обросли небывалыми подробностями.

Но тиранозавра Шпрота, нашего первенца, решено было переселить на Землю-40, хотя нам на это непросто было решиться. Мы знали, что будем скучать по громадному ящеру, который так долго жил в нашей квартире. Но оставлять его в Москве было нельзя. По мере того как Шпрот вырослел и становился крупнее, отношение к нему изменилось. Тиранозавра сочли опасным и непредсказуемым, особенно после того, как он сожрал в зоопарке верблюда.

Как-то мама вышла к завтраку грустной, глаза у нее покраснели.

— Жалко Шпрота! Сегодня по телевизору объявили о постройке нового вольера, чтобы держать его взаперти. Он теперь огорожен забором, сеткой и стеной из пластика, а над ним установят высоковольтные провода.

— Я знал, что к тому шло. Оставлять на свободе десятиметрового тиранозавра не рискнут, — закивал дедушка, открывая банку с майонезом и облизываясь.

— Главное в жизни — свобода! Самое мудрое, что мы можем сделать, чтобы Шпрот не провел всю жизнь как узник, — переселить его в параллельный мир, — сказал папа Фритт.

В тот же день мы решили пойти в зоопарк и попытаться подбросить Шпроту датчик.

Недавно территорию зоопарка закрыли для посещения и оцепили тройным кольцом милиции, а неподалеку стояли пожарные машины и автомобили «скорой помощи». Многочисленным туристам наблюдать за Шпротом разрешалось из специального укрытия, расположенного на стене главного входа. Укрытие представляло собой бронированный колпак, откуда хорошо был виден прохаживающийся по парку тиранозавр и слышались его рыки. Именно туда мы с Нюсякой и мамой попали, выстояв длинную очередь. Признаюсь, что когда я впервые после перерыва увидел тиранозавра, то был поражен его размерами. Широкая четырехугольная голова ящера возвышалась над стенами зоопарка и был виден бок с коричневатыми разводами. По движениям и выражению морды я понял, что Шпрот недоволен поднятой вокруг него суетой.

У бронированного стекла, которое должно было защищать от возможного нападения тирекса, стоял лысый экскурсовод и устало, в очередной раз, повторял для вновь прибывших информацию. Он пересказал надоевшие ему

сведения о тиранозавре, его росте, весе и аппетите и попросил задавать вопросы.

— Скажите, какие меры безопасности предприняты? — поинтересовался я, чтобы быть в курсе всего.

— Хороший вопрос, мальчик! Не волнуйся, он ведет себя миролюбиво! К нему близко никого не подпускают, а по периметру вокруг зоопарка сооружается временное высоковольтное ограждение. Если тиранозавр попытается порвать провода, его ударит мощным током и он вынужден будет вернуться. Вы, должно быть, слышали, что началось строительство вместительного вольера, из которого ящери не улизнуть. Кроме того, на крышах ближайших домов дежурят снайперы с дальнобойными ружьями, сила выстрела которых настолько велика, что пробивает лист стали толщиной в пять сантиметров. Если возникнет опасность для кого-либо из людей, снайперы откроют огонь и уничтожат этого гиганта. Академия наук давно хочет получить его чучело для изучения.

— Вот это правильно! — отозвался толстый дядька в свитере. — Держать такое чудовище в Москве очень опасно. Оно может напасть и на нас, и на наших детей. На нее, например! — И толстяк показал на Нюсяку, которая показалась ему самым подходящим безобидным маленьким ребенком, который может пострадать от тиранозавра.

— Эй ты, пузан, не показывай на меня! Ни на кого он не нападет! — возмутилась Нюсяка, у которой давно уже дрожали губы.

Тот удивленно покосился на нее, попытался что-то ответить и перевел негодующий взгляд на маму:

— Воспитывать нужно ребенка! Что ж он взрослых людей оскорбляет? И не стыдно вам за нее?

— Представьте, нет, — сказала мама. — Если мне за кого-то и стыдно, то лишь за вас.

— За меня? — вскипел мужчина. — За меня нечего стыдиться, дамочка вы моя милая! Сами стыдитесь! Подумать только — динозавр-убийца в Москве! Я бы из него чучело сделал, пускай на чучело любят. Разводят тут, понимаете, диноза...

Внезапно толстяк поперхнулся, схватился за горло и закашлялся. Дело в том, что по непонятной причине его галстук взлетел и заткнул болтуну рот.

— М-м-м... М-м-м! Тьфу! — Мужчина пытался вытащить его изо рта и договорить, но галстук возвращался и, как кляп, прерывал его речь.

Все улыбнулись, сочтя эпизод забавной случайностью. Лишь мы знали правду, и мама, незаметно дернув Нюсяку за руку, шепнула ей: «Хватит! Не балуйся!» Сестра отвернулась, и галстук выскочил изо рта толстяка. Сконфуженный дядька, промывав что-то и прижимая галстук к груди попятился, с ужасом глядя нас, и затерялся в толпе.

Нюсяка, не обращая внимания на людей, подбежала к самому стеклу, где были небольшие дырочки для вентиляции и закричала:

— Шпрот! Шпрот! Это я!

Не знаю, услышал ли ее тиранозавр, потому что расстояние было довольно большим, но он заволновался, вскочил и, бросившись к ограде, крикнул: «Хрр! Алло! Кто там?» Он попытался положить морду на ограду зоопарка и заглянуть под бронированный колпак, но задел провод и его ударило током. Шпрот отшатнулся, издал гневное клокотание «Хррах-гrr!» и, разбежавшись, ударил головой по бетонной ограде. Истошно завопила какая-то женщина, а милиция стала оттеснять прохожих.

— Спокойно, расходитесь! Сотрудникам охраны приготовить спецтехнику! — прозвучал тревожный голос в громкоговорителе.

Пожарные, суетясь, размотали шланги и приготовились окатить тиранозавра ледяной струей, такой же, как те, которыми разгоняют разбушевавшиеся толпы футбольных болельщиков.

Зрителей из бронированной кабины стали срочно выводить и направлять к выходу, но я успел подскочить к отверстиям в колпаке и крикнуть:

— Шпрот, спокойно! Кому сказал: спокойно! Не поднимай шума! Мы тебя выручим!

Думаю, тиранозавр услышал меня, потому что он перестал таранить головой треснувшую стену зоопарка и поднес морду к бронированному колпаку, так что наши головы оказались друг от друга всего в полуметре. Лысый гид, решивший, что гигант атакует, струсил, закричал и бросился к выходу, скатившись по наружной лестнице. Остальные зрители выскочили следом, и в бронированной смотровой остались я, мама и Нюсяка. У меня был с собой датчик, но просунуть его в крошечное отверстие я не мог, да и Шпрот не догадался бы его проглотить, и я ограничился тем, что сказал негромко, надеясь, что динозавр меня поймет:

— Тихо! Сиди тихо и жди! Не дай им возможности убить тебя! Ты понял?

На мгновение мне показалось, что тиранозавр посмотрел на меня вполне осмысленно, наклонив голову набок и моргнув прозрачным веком, он проскрипел, повторяя: «Хрр-кrrр... Ты понял? Не дай им возможность...»

Снизу нам кричали, чтобы мы спускались и не паниковали, и, бросив последний взгляд на Шпрота, мы покинули бронированный колпак.

Пожарные стояли наготове со шлангами, но милиционеры опустили дула автоматов, видя, что динозавр не собирается нападать. Лица большинства людей выражали ужас, врожденный страх человека перед всемогущими чудовищами, таинственным образом из глубины веков оказавшимися в нашем мире.

Когда мы возвращались домой в метро, Нюся плакала. Ей жалко было Шпрота, который казался ей беспомощным и несчастным. «Шпротик такой одинокий! Ему плохо!» — редела она.

— Сегодня вечером его там не будет! — твердо обещал я ей.

Но я не знал, как смогу сдержать данное обещание. Зоопарк хорошо охранялся и днем и ночью, и едва ли я смогу проникнуть в него, тем более что над забором протянута проволока с током.

Но оказалось, что выход найден, и не Фриттом, а мамой! За обедом, когда мы устроили семейный совет, она решительно сказала:

— Когда стемнеет, я полечу! И причем обойдусь без ружья. Просто брошу Шпроту кусок мяса с датчиком.

— Опасно! Мы тебе не разрешим!

— Для вас опасно, а для меня нет! Я подлечу к зоопарку на большой высоте, спущусь, накормлю его, а если потребуется, улечу с такой скоростью, что за мной не угонится ни один сверхзвуковой истребитель.

Мы понимали, что предложенный мамой выход — единственно возможный. Дедушка пообещал устроить нам те-

лепатический сеанс, чтобы каждый из нас смог попроситься с нашим первенцем Шпротом.

— Я присоединюсь к зрению мамы и буду передавать то, что видит она, — обнадежил всех Апрчун.

Дедушка мастерски умел подключаться к зрению, и я поверил ему. Единственный раз в жизни, когда в школе у меня была сложная контрольная, я убедил деда помочь мне. Он подключился к зрению одного из отличников, сидевшего в другом конце класса с моим вариантом задания, и передавал мне все, что тот записывал в тетрадь. Я получил пятерку, чем удивил всех.

— Сколько датчиков-усилителей ты собираешься брать? — спросил отец.

— Один, — ответила мама.

— Возьми два. Тиранозавр тяжелый, и поля одного может не хватить, чтобы переместить его.

— Два так два, — согласилась она. — Давайте скорее: нечего тянуть кота за хвост, когда все решено.

Мы взяли большой аппетитный кусок говядины и, сделав в двух местах небольшие надрезы, поместили туда датчики. Подождав, пока стемнеет, мама вышла на балкон и привычно влезла на перила.

— Я полетела! Ждите меня! — весело крикнула нам она.

Я никогда не могу смотреть без волнения, как мама стоит на перилах, а потом делает шаг вниз. Мне кажется, что она замешкается, не успеет взлететь и разобьется, ударившись об асфальт. Все-таки восьмой этаж — это двадцатипятиметровая высота, но Леда не боится и иногда дразнит нас. Впрочем, сейчас она не стала никого пугать. Махнув нам рукой, мама стремительно, как выпущенная ракета, взлетела с балкона и затерялась в облаках.

— Готовы? Расслабьтесь и не ставьте мысленных блоков! Я начинаю трансляцию! — сказал Апручун. Он стоял посреди комнаты, и от его ластов на полу образовались две лужи.

Я зажмурился, впустил дедушку в сознание и увидел происходящее мамиными глазами. Вначале были сплошные облака, и только в промежутках сверкали огни города. Леедла летела с такой скоростью, что не позже чем через две минуты оказалась над зоопарком.

Ночью его территория была хорошо освещена, и в небе скрещивались лучи прожекторов. Мама в раздумье зависла в воздухе, затем подлетела к одному из самых ярких прожекторов, установленному на крыше ближайшего здания, и ловко повернула его, направив свет в глаза сторожам, расположившимся в бронированной смотровой и рядом с ней. Послышались крики ослепленных охранников: «Эй там, на крыше, вы сдурели?» Признаться, я не ожидал от мамы такой находчивости.

Не теряя ни минуты, она спустилась и, держась неосвещенных мест, подлетела к тиранозавру. Шпрот не спал. Увидев маму, он повернул к ней голову и издал короткий угрожающий рык. Несколько секунд тиранозавр смотрел на Леедлу, узнал ее, и опасное клочкотанье у него в горле сменилось на дружелюбное. Гигант протянул морду и осторожно подложил ее маме на плечо, как делал это когда-то у нас, когда чувствовал себя виноватым и просил у нее прощения.

— Хрр! Больше... крр... не буду! — пробасил Шпрот.

— Тише! Я пришла помочь тебе! — сказала мама. — Съешь!

И она протянула тиранозавру кусок говядины. Леедла думала, что ящер его сразу проглотит, но не тут-то было.

Шпрот словно понимал, что дело совсем не в желании его накормить, внимательно смотрел на маму и продолжал негромко дружелюбно ворчать. Потом он оттолкнул говядину носом, и кусок упал. Мама наклонилась и подняла его.

— Что же ты, Шпрот? Ешь! — взволнованно повторяла она.

В смотровой будке слышался крик. Сработала сигнализация. Мама тревожно оглянулась. Очевидно, она не заметила скрытой камеры, которая сообщала на диспетчерский пункт обо всех движениях динозавра.

На стене появился черный силуэт снайпера с оптической винтовкой, который всматривался в темноту через инфракрасный прицел. Хотя мама спряталась за лапой Шпрота, снайпер заметил ее.

— На территории человек! Ящер угрожает человеку! — крикнул он по рации.

— Шпрот, глотай! Глотай же, болван! Ну, пожалуйста, миленький! — крикнула мама, пытаясь дать ему мясо, но опять динозавр оттолкнул кусок носом, не понимая, что упрямство может стоить ему жизни.

— Следуйте инструкции! Уничтожьте ящера! — раздался решительный голос в динамике, висевшем на одном из деревьев. — Люди не должны пострадать!

Леедла видела, как снайпер в будке поднял ружье и стал тщательно целиться в динозавра, чтобы уложить его одним точным выстрелом разрывной пули.

— Шпрот, напугать его! — крикнула мама, вспоминая нашу старую игру.

Тиранозавр метнулся к стене и, порвав провода, ударил по ней в полную силу. Стена треснула, посыпались камни, провода заискрились, и снайпер, не удержавшись, упал рядом с мамой, но сразу стал отползать, уронив оптическую винтовку.

Леедла схватила ружье и прицелилась в него.

— Ни с места! — приказала она. — Руки вверх!

— Не вздумайте нажимать на спуск, он очень мягкий! И калибр крупный! — взмолился снайпер.

Вдруг он бросился на маму, чтобы отобрать у нее винтовку, но Шпрот подцепил его зубами. Не причинив человеку вреда, он резко взмахнул головой и забросил снайпера в пруд.

Но стрелок был не один. На крыше, где мама передвинула прожектор, замелькали какие-то силуэты.

— Да ешь же ты, глупая скотина! Ешь! Делай, что тебе говорят! — закричала мама и буквально втолкнула говядину Шпроту в пасть.

Ящер посмотрел на Леедлу и проглотил мясо. В ту же секунду папа Фритт, видевший все глазами мамы, навалился на рычаг перемещателя, и тиранозавр, засветившись зеленоватым сиянием, сделался полупрозрачным. Защелкали пули, направленные в ящера, но они проходили сквозь него, не причиняя тому вреда. Очевидно, происходило то же, что и со мной, когда на меня напал Альфонс.

Мама взмыла в небо так стремительно, что изображение у нас все смазалось. Но еще до того, как мама покинула зоопарк, мы увидели, что тиранозавр исчез из нашего мира, на прощанье махнув нам короткой передней лапой. Нюсяка

потом утверждала, что это она когда-то учила динозавра делать «Пока!» и Шпрот махнул лапой именно ей. Впрочем, я уверен, он прощался и с мамой, и со всеми нами.

— Добро пожаловать на Землю-40! — провозгласил папа.

Когда Леедла вернулась домой, все мы: я, дедушка, папа и Нюсяка, вновь, как в старые добрые времена, сидели за большим столом, а на люстре над нами показывался археоптерикс Козявка. Всем было хорошо и уютно, и жизнь вернулась в прежнее русло. Надеюсь, так будет всегда.

Если, конечно, Фритт не изобретет машину, о которой говорил сегодня за ужином. По его словам, с ее помощью можно стать мельче микроба и попасть в микромир. «Из микромира нам даже капля воды покажется океаном», — сказал он, и мама пугливо взлетела над полом.

А еще утверждает Фритт: «Жизнь продолжается, и никогда не надо останавливаться на достигнутом».

КОНЕЦ

СПИСОК ДИНОЗАВРОВ

С того времени, как у нас были динозавры, я сохранил список наших питомцев, в котором фиксировались названия, краткие записи о их развитии и повадках, характере и те имена, которые мы с мамой, бабушкой и Нюсякой для них придумали. Список, составленный на второй неделе после завершения клонирования, я привожу полностью:

Анкилозавр ДЕТИНА. Выглядит мрачным и колючим, но на самом деле милейшее существо.

Анкилозавр ПРОКЛ. Кажется медлительным, но способен на внезапные проявления ярости. Может напасть. Не любит резких движений и непонятных звуков.

Археоптерикс КОЗЯВКА. Самый мелкий из наших «птичек» — размером с голубя. Имя получил при следующих обстоятельствах. Несколько дней археоптерикса никак не звали, но потом Нюсяка, привыкшая к динозаврам большего размера, забыла, как он называется, и стала кричать: «Козьявка! Эй, козьявка, лети сюда! Я тебя покормлю!» Так имя и прижилось.

Бронтозавр ФИСТАШКА. Характер спокойный. Туповат. Целыми днями жует синтезированные водоросли.

Дилофозавр ИРА. Шустрый маленький динозаврик. Перемещается так быстро, что почти нельзя уследить. Легко приходит в состояние тревоги, но ласков и доброжелателен. Несколько раз пытался подкопать ангар и улизнуть. Питается насекомыми, мелкими личинками, но ест и мелко нарубленную и смешанную с молоком курятину.

Диметродон БАРМАЛЕЙ. Характер неуравновешенный, легко приходит в ярость.

Диметродон КАРЛИК. Он совсем не карлик, и в две недели весил более семисот килограммов. Он хищник, но мы, привыкшие к хищникам более крупным, вроде Шпрота, прозвали его Карликом.

Диплодок ВАЗЕЛИН. В отличие от другого диплодока, Гаврилы, довольно сообразителен, хотя мозг у него в том же месте, что и у остальных бронтозавров и диплодоков.

Диплодок ГАВРИЛА. Если его напугать, начинает трубно реветь, как гудок паровоза: «Ы-ы-ы!»

Игуанодон ВИТЕК. Хулиган, задира, имеет костяные кинжалы на больших пальцах передних лап. Нас не слушается, боится лишь Шпрота, который помогает его умирять. Ест кору и другую твердую растительную пищу.

Ихтиозавр ВОДОЛАЗ.

Корифозавр (самка) КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Милое, симпатичное и пугливое существо. На голове красный кожистый гребень, поэтому ее так называли.

Ламбеозавр ИГНАТ. Характер спокойный, но его не выносит тиранозавр и прокусил ему недавно плечо.

Ламбеозавр СИНЬКА. Самка, с хорошим характером. Кожа у нее синеватая, отсюда произошло и имя.

Летозавр (самка) МАРКИЗА. Бегаёт быстрее страуса. Любит мелко нарезанное мясо и яичные белки.

Летозавр СТРАУС. Любопытный, самовлюбленный, как индюк, бегаёт быстро, довольно ловко ворует еду у других динозавров. Эдафозавр Маша имеет на Страуса зуб и давно съела бы его, но тот очень быстр и хитер.

Нотозавр ФУФУРУФУ. Ленивый бронированный бездельник, лучший друг Нюсяки, позволяет ей лазить у себя на спине, кататься по хвосту, как с горки, и терпит любые проказы при условии, что его не тормозят и не бьют.

Паразуролоф БУКА. Обидчив, кто-то из ящеров наступил ему на хвост, и Бука второй день дуется. Возникали проблемы с питанием, потому что отказывался есть и фрукты и мясо. Удалось накормить его бананами и другими мягкими плодами. Дальше будем стараться приучать его к более распространенной пище.

Паразуролоф БЯКА. Бякой назван по аналогии с другим паразуролофом Букой. «Если есть Бука, то пусть будет и Бяка», — сказала мама.

Полакантус ВАРЕНИК. По характеру уравновешенный.

Птеранодон АБРАКАДАБР. Характер меланхолический, молчун. Целыми днями висит на верхней балке ангара и спускается только за пищей.

Протоцератопс ГУНЬКА. Добродушный динозаврик, который вечно путается под ногами и выпрашивает еду.

Протоцератопс ФЛЮС. Травояден, похож на черепаху.

Птеродактиль (самка) БОМБА. Умный летающий ящер. Чувствует время кормления и в три дня от роду могла самостоятельно летать.

Птеродактиль УГОЛЬНИК. Очень бойкий. Летает намного лучше Рамы, а однажды, уловив боковой ветер, ему удалось так круто изменить направление полета, что мама сразу его зауважала. Она почтительно относится к тем летающим динозаврам, которые ухитряются сделать что-то в воздухе лучше, чем она.

Рамфоринх РАМА. Любопытная, бойкая, хорошая охотница.

Рамфоринх ФУФАЙКИН. Почему Фуфайкин — неизвестно. Очень скоро стал супругом Рамы, и, вероятно, скоро рамфоринхов станет больше.

Стегозавр ЯРОСЛАВ. Глуп, прожорлив. Растет очень быстро. Лезет ласкаться и вчера едва не задавил дедушку.

Тиранозавр ШПРОТ. Характер доброжелательный, но хищный. Обжора. Хорошо имитирует голоса.

Трицератопс (самец) АЛЬФОНС. Начинают резаться рога. Кажется, будет большим забиякой. Пытался напасть на бронтозавра, и его поместили в загон.

Трицератопс (самка) ЛАРИСА. Очень мнительная, обидчивая. Ни в коем случае не подходить к ней с боков или со спины — может испугаться и напасть!

Утконосый динозавр (самка) БОТВИНЬЯ. Почему утконоса назвали Ботвиньей, неизвестно. Это первое, что пришло в голову. Влюблена в Курятника и ходит за ним всюду по пятам, словно боится потерять.

Утконосый динозавр (самец) КУРЯТНИК. Любит неожиданно подкрасться и ущипнуть. Нюсяка ~~его~~ боится, а Курятник опасается дедушку и маму. У нас с ним ~~нейтрализует~~. Как-то я стал считать Курятнику зубы, чтобы проверить, действительно ли их более 2000. Насчитал штук семьсот и сбился, потому что он ~~не~~ захотел долго стоять с разинутым ртом.

Эдафозавр МАША. Характер ~~капризный~~. Если вовремя не накормить — может тяпнуть. Умеет произносить слово: «Надо!»

Оглавление

Вступление. Москва юрского периода 5

Глава 1. Наша семейка 8

Глава 2. Мы похищаем из музея
яйцо тиранозавра 23

Глава 3. Не в золотых слитках счастье 35

Глава 4. У нас дома рождается
тиранозавр Шпрот 47

Глава 5. Необыкновенные способности
тиранозавра Шпрота 55

Глава 6. Тиранозавр в подъезде 64

Глава 7. Летающий ящер 73

Глава 8. Динозавры, Игорь Рылов
и Мишка Урсуфьев 79

Глава 9. Нравоучительная история
о жадности и ее прискорбном финале,
написанная мною, амфибией Аристархом
с планеты Ирксилон, с завязкой, развязкой,
а также с моралью... 95

Глава 10. Мы перевозим тирекса в ангар.
Папа впадает в спячку 109

Глава 11. Динозавры, динозавры, динозавры... 119

**Глава 12. Анкилозавр Прокл прорубает
ящерам окно в Москву 129**

Глава 13. Параллельные миры 138

Глава 14. Икса встречает своего двойника 157

Глава 15. Земля для динозавров 166

Глава 16. Прощание с динозаврами 174

Список динозавров 198

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА. «Замок чудес»*

Емец Д.

Е 60 Город динозавров: **Фантастическая** повесть/ **Худож. В. С. Кри-
венко.** — М.:АРМАДА, 1999.— 202 с.:ил. —(Замок чудес).

ISBN 5-7632-0803-X

В начале XXI века по Москве разгуливают доисторические ящеры. Как динозавры оказались в столице и какую роль в их судьбе сыграла семья инопланетян, вы узнаете, прочитав увлекательную фантастическую повесть Д. Емца.

**УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84(2Рос-Рус)6-445я5**

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Для младшего и среднего школьного возраста

Замок чудес

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕМЕЦ
ГОРОД ДИНОЗАВРОВ

Фантастическая повесть

Составитель серии

В. Н. Маршавин

Заведующий редакцией

В. Н. Маршавин

Ответственный редактор

Е. П. Карезина

Художественный редактор

Л. П. Копачева

Технический редактор

А. А. Ершова

Компьютерная верстка

В. Л. Рогожина

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,75. Изд. № 2227.

Тираж 10000 экз. Заказ № 6439.

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кропоткинский бульвар, 37б

Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01644.С.98

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Николая Маркса, 201

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Дорогие ребята!

Многие из вас, наверное, помнят забавные истории, участниками которых стали мальчик Алеша, необыкновенный робот Цицерон и инопланетянин Фуго.

И хотя с тех пор прошло не так уж много времени, у московского писателя-фантаста Андрея Саломатова появилась возможность рассказать вам о новых, не менее интересных и увлекательных приключениях своих героев.

На зеленой планете с Цицероном случилась беда: он сильно пострадал в результате несчастного случая. Уцелела лишь одна голова, которую и привозят на дачу к Алеше. Но по пути голова вовсе не скучала: за время полета она сочинила целый автобиографический роман, который теперь читает по вечерам за чайным столом. Это по вечерам, а днем в деревне происходит много невероятных событий, участниками которых постепенно становятся все местные жители. Неужели вы подумали, что Фуго и Цицерон здесь ни при чем? Конечно же нет! Вот об этих событиях вам и расскажет новая фантастическая повесть

АНДРЕЯ САЛОМАТОВА

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЦИЦЕРОНА**

Книга иллюстрирована замечательными рисунками
Евгения Мигунова

ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ФАНТАСТИКИ!
С САМЫМИ
НЕВЕРОЯТНЫМИ СОБЫТИЯМИ
И ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫМИ ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ
ПОЗНАКОМЯТ ВАС СЕМЬ КНИГ НОВОГО СЕРИАЛА

Дмитрия СУСЛИНА

СТРАНА ОСТАНОВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ

**РЫЦАРЬ КАТЕРИНО
ПРИНЦ БЕЛОЙ БАШНИ
КРИСТИАН ТРИНАДЦАТЫЙ
ПАЖ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ
ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОБЛИНОВ
НАСЛЕДСТВО ЧАРОДЕЯ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА**

ЮНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ФАНТАСТИКИ И СКАЗОЧНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ!

Вы можете стать свидетелями головокружительной истории, героям которой – вашим сверстникам – предстоит совершить необыкновенные путешествия в фантастическую страну, которую не отыщешь ни на одной карте мира. В этой стране, полной тайн и загадок, живут добрые и злые волшебники, феи и колдуньи, принцессы и рыцари, сказочные существа и призраки, а также тролли, гоблины и эльфы, там происходят самые невероятные события, о которых вам расскажут семь книг нового сериала

Амвтрия СУСЛИНА**СТРАНА ОСТАНОВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ***Вышли в свет:*

- **РЫЦАРЬ КАТЕРИНО** •
- **ПРИНЦ БЕЛОЙ БАШНИ** •
- **КРИСТИАН ТРИНАДЦАТЫЙ** •

Готовятся к печати:

- **ПАЖ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ** •
- **ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОБЛИНОВ** •
- **НАСЛЕДСТВО ЧАРОДЕЯ** •
- **ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА** •

Михаэль ЭНДЕ

Пужих Желаний

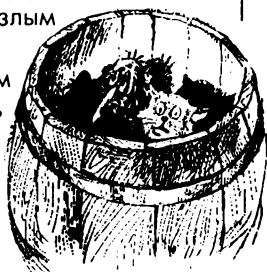
Фантастическая повесть

Как известно, в новогоднюю ночь происходят самые невероятные чудеса. Но вот магу Вельзевулу, живущему на вилле «Кошмар», и его тетушке Тирании Вампировне не до праздника: если они не успеют завершить все злые дела, запланированные на этот год, то, как только часы пробьют двенадцать, посланец сатаны заберет их в преисподнюю.

Кто же может помешать колдунам творить зло? Оказывается, это милый, простодушный и доверчивый кот Мориц и умный, много знающий о жизни ворон Якоб Каракуля. Они не случайно оказались на вилле в преддверии самого чудесного праздника – Высший Совет Зверей, почувствовав надвигающуюся угрозу, дал им важное поручение: войти в доверие к злым магам и предотвратить беду.

О том, как наши герои справились с этим заданием, в каких переделках им пришлось побывать, и рассказывает книга известного немецкого писателя М. Энде, которая несомненно понравится любителям невероятных, забавных приключений.

ЗАМОС
ЧУДЕС

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ISBN 5-7632-0803-X

